

MIESIĘCZNIK
POŁOSKI.

Т о м I.
R o k 1818.

*«Вестник Полоцкого государственного университета»
продолжает традиции первого в Беларуси литературно-
научного журнала «Месячник Полоцкий».*

ВЕСНИК ПОЛАЦКАГА ДЗЯРЖАУНАГА УНІВЕРСІТЭТА
Серыя А. Гуманітарныя навукі

У серыі А навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаванне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне гісторыі, літаратуразнаўства і мовазнаўства.

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия А. Гуманитарные науки

В серии А научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области истории, литературоведения и языкознания.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY
Series A. Humanity sciences

Series A includes reviewed articles which contain novelty in research and its results in history, literary studies and linguistics.

Адрес редакции:

Полоцкий государственный университет, ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь,
тел. +375 (214) 53 34 58, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск: А.А. Гугнин, Д.В. Дук, Н.Б. Лысова.

Редакторы Р.Н. Авласенок, О.В. Мальцева. Техн. редактор Р.Н. Авласенок.

Подписано к печати 25.01.2013. Бумага офсетная 70 г/м². Формат 60 × 84 1/8. Ризография.

Усл. печ. л. 11,86. Уч.-изд. л. 14,25. Тираж 100 экз. Заказ 77.

**НАСТАЎНІК ЖЫЦЦЯ:
ПОЛАЦКАМУ ДЗЯРЖАЎНАМУ ЎНІВЕРСИТЭТУ – 45!**

*д-р гіст. навук, дац. Д.У. ДУК
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)*

У 2013 годзе спаўняецца 45 гадоў з дня заснавання Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта. Часопіс серыі А “Гуманітарныя навукі” пачынае серыю навукова-тэарэтычнага выдання “Веснік Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта” ў юбілейным годзе.

Historia est magistra vitae... З гэтых крылатых слоў як больш трапных і адпаведных хацелася б пазначыць асноўныя накірункі развіцця гістарычных навук ў Полацкім дзяржаўным ўніверсітэце з нагоды яго юбілею.

Кафедра айчыннай і ўсеагульнай гісторыі была заснавана ў 1994 годзе (загадчык кафедры – кандыдат гістарычных навук, дацэнт *Васіль Іванавіч Шайкоў*). У тым жа годзе быў арганізаваны набор на спецыяльнасць “Гісторыя”. З 2005 года кафедру ўзначальвае выпускнік Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта спецыяльнасці “Гісторыя”, доктар гістарычных навук, дацэнт *Дзяніс Уладзіміравіч Дук*. Сёння на кафедры працуюць 16 выкладчыкаў, з іх 1 доктар гістарычных навук, 6 кандыдатаў гістарычных навук.

Значная частка выкладчыкаў кафедры з’яўляюцца выпускнікамі Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта (*Д.У. Дук, А.В. Сумко, В.І. Мішына, П.І. Мішын, С.Я. Глазырын, У.Я. Аўсейчык, В.У. Чараўко*), у магістратуры пры кафедры і ў знешніх аспірантурах навучаюцца будучыя выкладчыкі (*В.У. Бараненка, А.Л. Коц, Г.М. Лабоха, К.А. Таляронак*). На кафедры працуюць лабаранты – выпускнікі па спецыяльнасці “Гісторыя” (*Т.М. Трохсваякава, І.В. Кавалёва*).

Прыярытэтнымі накірункамі навуковай работы кафедры з’яўляюцца:

- *археалагічнае вывучэнне Полацка і Полацкай зямлі;*
- *этнаграфічнае вывучэнне Беларускага Падзвіння;*
- *антрапалагічнае вывучэнне насельніцтва Беларусі ў старажытны час і сучаснасці;*
- *сацыяльна-эканамічная гісторыя Беларусі XIX – XXI стагоддзяў.*

Штогадова выкладчыкі кафедры ўдзельнічаюць у навуковых канферэнцыях, выдаюць каля 30 навуковых артыкулаў, навуковыя манаграфіі. Міжнароднымі партнёрамі вучоных кафедры з’яўляюцца расійскі гістарычны часопіс “Родина”, Інстытут этналогіі і антрапалогіі імя М.М. Міклуха-Маклая Расійскай акадэміі навук. Заключаны дагаворы аб супрацоўніцтве з Інстытутам гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Нацыянальным Полацкім гісторыка-культурным музеем-запаведнікам. З гэтымі ўстановамі рэалізуюцца сумесныя заданні і праграмы, самым буйным з іх з’яўляецца праект “Сацыяльная тапаграфія, гаспадарка, культура і антрапалогія насельніцтва Полацка і Полацкай зямлі ў IX – XVIII стагоддзях», які выконваецца ў межах дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў “Гуманітарныя навукі як фактар развіцця беларускага грамадства і дзяржаўнай ідэалогіі” на 2011 – 2015 гады. Сярод вышэйшых навучальных устаноў краіны цесныя творчыя сувязі ўсталяваны з Беларускім дзяржаўным ўніверсітэтам, Рэспубліканскім інстытутам вышэйшай школы, Магілёўскім дзяржаўным ўніверсітэтам імя А.А. Куляшова, Віцебскім дзяржаўным ўніверсітэтам імя П.М. Машэрава і інш.

Акрамя штатных выкладчыкаў, навучанне гісторыкаў у сценах ПДУ ажыццяўляюць буйнейшыя вучоныя СНД і Рэспублікі Беларусь, якія традыцыйна запрашаюцца для чытання асобных спецкурсаў і дысцыплін, праводзяць творчыя сустрэчы (кандыдат гістарычных навук, дацэнт, галоўны рэдактар расійскага гістарычнага часопіса “Родина” *Ю.А. Барысёнак*; кандыдат біялагічных навук, старшы навуковы супрацоўнік кафедры антрапалогіі біялагічнага факультэта Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У.В. Ламаносава *С.Б. Баруцкая*; доктар біялагічных навук, прафесар Інстытута этналогіі і антрапалогіі РАН *С.У. Васільеў*; кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дырэктар Інстытута гісторыі НАН Беларусі *В.В. Даніловіч*; доктар біялагічных навук, вядучы навуковы супрацоўнік аддзела антрапалогіі і экалогіі Інстытута гісторыі НАН Беларусі, дацэнт *І.І. Саліон*; доктар габілітаваны, прафесар Інстытута антрапалогіі біялагічнага факультэта Універсітэта імя А. Міцкевіча ў Познані *Януш Піонтэк*; прафесар остэаархеалогіі Універсітэта Готланда *Сабіна Стэн*; доктар медыцынскіх навук, прафесар, загадчыца аддзела антрапалогіі і экалогіі Інстытута гісторыі НАН Беларусі *Л.І. Цегака* і інш.).

Выкладчыкі кафедры ажыццяўляюць распрацоўку вучэбна-метадычных комплексаў па выкладаемых дысцыплінах, многія з выдадзеных ВМК з’яўляюцца аўтарскімі: (“Археалогія”, “Гісторыя Полацка (па матэрыялах археалагічных даследаванняў)” (*Д.У. Дук*); “Этналогія” (*У.А. Лобач*); “Гісторыя першабытнага грамадства” (*В.А. Емяльянчык*); “Вялікая Айчынная вайна савецкага народа”, “Спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны” (*А.І. Корсак*) і іншыя).

Кафедра арганізуе экспертызу і рэцэнзаванне артыкулаў для навукова-тэарэтычнага часопіса «Веснік ПДУ» (серыя “Гісторыя”). Дадзенае выданне ўключана ў спіс Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь для публікацыі матэрыялаў кандыдацкіх і доктарскіх дысертацый па гістарычным навукам. У межах дагавора ажыццяўляецца традыцыйная партнёрская дзейнасць з буйнейшай культурна-асветніцкай установай Полаччыны – Нацыянальным Полацкім гісторыка-культурным музеем-запаведнікам.

Буйным навуковым мерапрыемствам кафедры з'яўляецца правядзенне традыцыйнай міжнароднай навуковай канферэнцыі «Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў» (2008, 2011). Па выніках канферэнцыі выдаецца зборнік артыкулаў. Вучоныя кафедры (У.А. Лобач, У.Я. Аўсейчык) адказныя за выданне «Полацкага этнаграфічнага зборніка», у якім адлюстраваны палявыя матэрыялы па этнаграфічнаму вывучэнню Беларускага Падзвіння.

У 2012 годзе ў межах святкавання 1150-годдзя Полацка ў Полацкім дзяржаўным універсітэце была праведзена міжнародная навуковая канферэнцыя “Полацк у гісторыі і культуры Еўропы”. Гэтая канферэнцыя ставіць мэтай аб'яднанне шырокага кола даследчыкаў з Беларусі, блізкага і далёкага замежжа ў справе вывучэння невычэрпнага гісторыка-культурнага патэнцыялу Полацка. У рэзалюцыі канферэнцыі прынята рашэнне зрабіць яе пастаяннай і праводзіць праз пяць год. Зборнік прац гэтай канферэнцыі, які пабачыў свет ў 2012 годзе, стаў свайго рода працягам абагульняючага калектыўнага выдання, прысвечанага гісторыі і археалогіі Полацка “Полоцк: Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX – XIII веках, летопись древних словес, Полоцк и его округа в XIV – XVIII веках, ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников), культура и просвещение в средневековом Полоцке” (Минск: Белорусская наука, 2012). У гэтай калектыўнай працы шырока адлюстраваны напрацоўкі вучоных Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта: Д.У. Дука, В.А. Емяльянчык, І.У. Магалінскага, В.У. Чараўко і іншых.

Кафедра арганізуе і праводзіць вучэбныя практыкі: археалага-этнаграфічную, архіўна-музейную, інфармацыйную, педагогічную, даследчыцкую (пераддипломную).

Творчы, у першую чаргу навуковы, патэнцыял выкладчыкаў кафедры вельмі высокі. Над доктарскімі дысертацыямі плённа працуюць дацэнты У.А. Лобач і С.А. Шыдлоўскі, большасць маладых выкладчыкаў кафедры падрыхтавалі альбо актыўна рыхтуюць да абароны кандыдацкія дысертацыі: У.Я. Аўсейчык, С.Я. Глазырын, Г.М. Лабоха, К.А. Таляронак, В.У. Чараўко.

Як гісторыя з'яўляецца настаўніцай жыцця для ўсіх нас, так і Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт стаў першым настаўнікам у дзейнасці многіх прафесійных гісторыкаў. Выпускнікі спецыяльнасці “Гісторыя” Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта працуюць у шматлікіх навуковых, адукацыйных, музейных і архіўных установах, у рэдакцыях часопісаў і газет, у органах дзяржаўнай улады і іншых установах краіны.

Натуральна, што ўся праца выкладчыкаў арыентавана на падрыхтоўку спецыялістаў-гісторыкаў. Студэнты-гісторыкі Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта падчас навучання не толькі імкнуцца авалодаць навыкамі прафесійнай дзейнасці, але і заявіць аб сабе як аб таленавітых маладых вучоных. Многія студэнты падчас навучання ўдзельнічаюць у рэспубліканскіх конкурсах, выступаюць на міжнародных, рэспубліканскіх і навуковых канферэнцыях. Тройчы студэнты-гісторыкі гісторыка-філалагічнага факультэта ПДУ станавіліся лаўрэатамі рэспубліканскага конкурса студэнцкіх навуковых работ (В.У. Чараўко, У.Я. Аўсейчык, І.У. Магалінскі). Высокія вынікі навуковай дзейнасці грунтуюцца на актыўным удзеле нашых студэнтаў у палявых экспедыцыях, працах у архівах і бібліятэках. Навуковыя накірункі, замацаваныя за таленавітымі студэнтамі, падчас напісання курсавых і дыпломных работ, распрацоўваюцца на працягу ўсяго перыяду навучання. Многія студэнты становяцца аўтарамі значнай колькасці артыкулаў, узначальваюць уласныя археалагічныя (на падставе адпаведных Дазволаў Інстытута гісторыі НАНБ) і этнаграфічныя даследаванні. З 2003 па 2007 год кафедра ажыццяўляла набор студэнтаў па спецыяльнасці “Гісторыя. Англійская мова”. Традыцыйна ажыццяўляецца падрыхтоўка спецыялістаў-гісторыкаў па спецыялізацыі “Гістарычная інфарматыка”, лепшыя выпускнікі працягваюць навучанне ў навуковай магістратуры.

Матэрыяльная база развіцця кафедры і ўсяго гістарычнага накірунку па зместу і напаяўненню цалкам адпавядае лепшым сучасным тэндэнцыям.

У 2003 годзе намаганнямі першага рэктара Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта прафесара Эрнста Міхайлавіча Бабенкі адбылася знакавая падзея – перадача старажытных карпусоў былой Полацкай езуіцкай акадэміі ўніверсітэту. З таго часу Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт стаў Полацкім не толькі намінальна, але і рэальна. Адным з яркіх наступстваў навуковай і педагогічнай дзейнасці на Полацкай зямлі з'яўляецца штогадовая праца археалагічнай экспедыцыі.

Полацк – самы старажытны горад на тэрыторыі Беларусі, адзін з трох цэнтраў станаўлення дзяржаўнасці на тэрыторыі Усходняй Еўропы. Падчас археалагічных даследаванняў Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта было навукова абгрунтавана, што ў часы станаўлення і росквіту першых дзяржаў на тэрыторыі Беларусі (XI стагоддзе) Полацк з'яўляўся найбуйнейшым горадам на тэрыторыі Усходняй Еўропы, быў роўней Кіеву і па сацыяльна-эканамічнаму патэнцыялу пераўзыходзіў Ноўгарад і іншыя дзяржаватворчыя цэнтры Русі. Гэтая рэчаіснасць, якая доўгі час не была вядома, сёння мае надзейны навуковы падмурак, з'яўляецца гонарам усіх беларусаў, крыніцай пашаны да нашай Бацькаўшчыны.

Беларусам ёсць чым ганарыцца ў сваёй гісторыі. Нашы продкі – мужы-палачане – справедк будавалі сваю дзяржаву, здолелі адстаяць незалежнасць у часы мангола-татарскага напэўнення і крыжаккай навальы, заклалі падмурак духоўнасці, культуры Беларусі на працягу многіх стагоддзяў.

Сёння ў аснове сацыяльна-эканамічнага росквіту Полацка закладзены невычэрпны турыстычны патэнцыял. Упэўнены, што сумеснымі намаганнямі і вучоных, і дзяржаўных улад будзе зроблена ўсё, каб гонар вякоў полацкай гісторыі стаў гонарам сучаснай моцнай і квітнеючай Беларусі.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 902/904(476)“633”

ГРЕНСКАЯ КУЛЬТУРА ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

канд. ист. наук, доц. А.В. КОЛОСОВ

(Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова)

Рассматривается основной круг проблем, существующих в историографии гренской культуры финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья. В настоящее время представления о путях и механизмах формирования, времени обитания населения, принадлежащего к этой древнейшей культуре, носят дискуссионный характер. В интерпретации источников сложилось два абсолютно разных с точки зрения методологии научных подхода, объединяющих сторонников автохтонного и миграционного пути возникновения и развития гренской культуры. Понять сущность так называемого «гренского вопроса» невозможно без историографического изучения природы его происхождения, а его решение в настоящее время не может ограничиваться только Верхним Поднепровьем. Оно должно быть включено в общее русло культурологических проблем финального палеолита – мезолита лесной полосы Восточной Европы.

Введение. В последние годы в изучении финального палеолита и мезолита лесной полосы Восточной Европы наметилась тенденция к обобщению и теоретизации знаний. Свое актуальное значение сегодня приобретают вопросы происхождения культуры черешковых наконечников стрел, определения времени эйкуменизации северных широт Европы в поздне- и послеледниковое время. На фоне этих, казалось бы, более или менее разрешимых проблем гренская культура Верхнего Поднепровья заслуживает особого внимания, поскольку является связующим звеном в эволюции культурных традиций между поздним (финальным) палеолитом, с одной стороны, и мезолитом рассматриваемой территории – с другой.

Начиная с 1960-х годов, с момента выделения этой культуры В.Д. Будько [3; 4], была накоплена представительная база источников, позволившая значительно расширить представления по вопросу заселения Восточной Беларуси в период деградации последнего ледника. Однако в процессе обобщения материалов в конце 1980-х – 1990-е годы в историографии финального палеолита Верхнего Поднепровья четко обозначился так называемый «гренский вопрос» (Копытин, Калечиц, Ксензов, Зализняк), в основе которого лежали: 1) происхождение гренской культуры; 2) хронология ее памятников; 3) пути адаптации гренским населением верховьев Днепра и его притоков. На современном этапе исследований гренская проблематика дополняется определением места данной культуры в финальном палеолите и мезолите запада Восточно-Европейской (Русской) равнины, начиная от признания факта универсальности этого культурного явления до возможного (необходимого) его отрицания [38].

Следовательно, наша задача заключается в том, чтобы рассмотреть тот основной круг проблем, который сложился и существует в историографии гренской культуры, что позволит, в конечном итоге, определить состояние и перспективы дальнейшего изучения этого во многом неоднозначного, с историографической точки зрения, культурного явления в финальном палеолите и мезолите Восточной Европы.

Основная часть. Свое название гренская культура получила по стоянке в урочище Гренск, расположенном на правом берегу р. Сож, на восток от д. Ворновка Кормянского района Гомельской области. Первые сведения о памятниках, которые в настоящее время определяются в качестве гренских, стали известны еще в конце XIX века [6; 33]. Начало систематического изучения стоянок каменного века Восточной Беларуси, в том числе и гренской культуры, восходит к 1920 – 1930-м годам и связано с работами К.М. Поликарповича [27 – 29; 31]. Основные выводы ученого базировались на анализе коллекций, полученных преимущественно путем поверхностных сборов. Материалы, обнаруженные на стоянках гренской культуры, относились К.М. Поликарповичем к эпипалеолиту и демонстрировали преемственность и непрерывность исторического процесса в рамках стадийного подхода [30; 31]. Таким образом, довоенные исследования заложили базу источников, изучение которых в последующие годы дало необходимый импульс для развития представлений о культурной специфике памятников и их хронологии.

Научное обоснование гренская культура получила в исследованиях В.Д. Будько [3; 4], который, собственно, ее и выделил, а также В.П. Ксензова [20 – 24], В.Ф. Копытина [15 – 18], Е.Г. Калечиц [10; 11]. Проблема развития гренских древностей затрагивалась также в работах Л.Л. Зализняка [7 – 9], А.Е. Кравцова и А.Н. Сорокина [19], А.Е. Кравцова [43], А.Н. Сорокина [35 – 38], Г.В. Сеницыной [34], К. Шимчака [45], С. Козловского [41; 42], З. Сульгустовски [44] и других.

Основная часть стоянок гренской культуры локализуется на территории Верхнего Поднепровья: в бассейне р. Днепр это стоянки¹ Боровка, Орша-1, Дальнее Лядо, Коромка, Лудчицы, Могилевская, Малое Заречье, Хвойная; на р. Сож – Гренск, Журавель, Поклады-2; на р. Беседь – Печенеж; на р. Друть – Виричев, Вишенька, Чигиринка; на р. Березина – Гута-1 [12].

Однако география памятников с находками ассиметрично-черешковых наконечников стрел с боковой выемкой не ограничивается только обозначенным выше регионом. В последние годы на территории Беларуси наконечники этого типа обнаружены в междуречье Немана и Припяти [26, с. 157 – 161]. Они также распространены среди памятников Волго-Окского междуречья и объединены в отдельную иеневскую культуру [19; 36, с. 76 – 78], а также бассейна р. Десна (песочноровская культура) [8, с. 96 – 101; 9, с. 55 – 62]. Элементы культуры с ассиметрично-черешковыми наконечниками стрел встречаются в материалах стоянок Восточной Польши (так называемая «деснинская культура») [26, с. 157 – 161; 41; 42; 45, с. 70; 44, с. 123 – 133], Литвы [32] и севера Европы [9; 41; 42; 46].

Проблемы генезиса. Вопросы происхождения и хронологии памятников гренской культуры во многом остаются не решенными, что неоднократно подчеркивалось в литературе [8, с. 223; 10, с. 117 – 119; 11, с. 44 – 72; 15, с. 57; 17; 20; 24]. Впервые вопрос о генезисе гренской культуры был поставлен В.Д. Будько [4, с. 35 – 44]. Формирование «свидерско-гренской культуры», а именно под таким названием первоначально фигурировало данное культурное явление, он связывал с традициями «костенковско-авдиевской, елисеевичской, юдиновской, тимоновской» позднепалеолитических культур [4, с. 42]. Однако это предположение не имело под собой надежной фактологической базы, что не могло не вызвать критику со стороны исследователей [1, с. 39 – 40; 15, с. 11; 17; 24, с. 16 – 36; 39].

Таким образом, на этапе становления представлений о генезисе гренской культуры сложилось историографическое направление, сторонники которого пытались и пытаются обосновать родство гренска с традициями позднего палеолита центра Русской равнины.

Концепцию об автохтонном пути развития гренских древностей Верхнего Поднепровья наиболее обстоятельно в своих работах изложил В.Ф. Копытин [15 – 18]. Так, гренское население, по мнению этого исследователя, являлось прямым генетическим потомком представителей мезинских культурных традиций позднего палеолита. Выводы В.Ф. Копытина основывались на анализе всех типобразующих форм кремневого инвентаря памятников гренской культуры, в результате чего удалось обнаружить «поразительное сходство» мезинских и гренских традиций в обработке кремня [1, с. 39 – 55; 15, с. 10 – 27; 16, с. 257 – 261; 17; 18].

Взгляды В. Копытина на генезис гренской культуры разделяют Е.Г. Калечиц [11] и А.А. Чубур [40]. Последний автор полностью солидарен с мнением В.Ф. Копытина по вопросу происхождения гренской культуры. Ее появление рассматривается как результат развития обработки кремня, в рамках выделенной А.А. Чубуром «гмелинско-мезинской эволюционной ветви», где особую роль при этом сыграли памятники одного из вариантов мезинской археологической культуры – днепровской (среднеднепровская группа) [40, с. 46 – 49]. При этом А.А. Чубур пытается связать генезис отдельных гренских стоянок с памятниками «типа Быки – Мезин – Супонево», а также Межиричами и Добраничевкой [40, с. 48 – 49].

В свою очередь, Е.Г. Калечиц считает необходимым обратить внимание на поиски местного субстрата и возможную связь гренска с традициями Бердыжа, что подкрепляется более поздней для этого позднепалеолитического памятника Восточной Беларуси датой² [11, с. 54]. Аналогичное мнение о возможной связи гренской культуры с поздним палеолитом Русской равнины в свое время выразил В.Д. Будько, который видел преемственность в формах черешковых наконечников стрел ранней группы стоянок гренской культуры и наконечников с боковой выемкой костенковско-авдеевской культуры [5, с. 135].

Идеи автохтонного происхождения и развития гренских древностей сегодня придерживается и Г.В. Сеницына [34, с. 168 – 170]. Гренская культура, по мнению исследовательницы, является ярким примером развития местных традиций единого позднемезолитического культурного пространства, которое сложилось на территории Верхнего Поднепровья на рубеже плейстоцена – голоцена. Этот факт подкрепляется не только представлениями о специфике кремневого инвентаря гренской культуры, который, по мнению Г.В. Сеницыной, заметно отличается от технокомплекса бромме-лингби, но и естественнонаучными датами, полученными для финальнопалеолитических памятников Валдайской возвышенности, о чем будет сказано ниже.

Другой взгляд на генезис гренской культуры в своих работах предложили украинский археолог Л.Л. Зализняк и белорусский исследователь В.П. Ксензов [7 – 9; 20; 22, с. 7 – 11; 24]. При этом формирование представлений о генезисе гренской культуры последнего ученого шло параллельно с развитием идей Зализняка и фактически демонстрировало неразрывную связь основных концептуальных положений

¹ Здесь и далее указаны стоянки, исследованные только путем раскопок.

² Имеется в виду дата 15100 ± 250 лет (ОхА-716).

ний по гренской проблематике обоих исследователей. С позиций миграционизма ученый объединяет гренские памятники в рамках выделенной им красносельской культуры, происхождение которой выводится из традиций культуры восточного лингби. По мнению исследователя, во время аллередского потепления и в начале позднего дриаса лингбийское население в результате миграций смогло освоить обширную территорию: от бассейна р. Одер до верховьев Волги [9, с. 44 – 51]. Часть лингбийских охотников, мигрировавших на юго-восток, стала той генетической основой, на которой впоследствии сформировалась красносельская культура. Территориально эта культура охватывала верхнее течение Немана, Припятское Полесье и Верхнее Поднепровье. Главным аргументом Л.Л. Зализняка в пользу западного происхождения красносельской культуры является наличие в ее комплексах наконечников типа лингби [9, с. 44 – 49]. Мнение Л.Л. Зализняка относительно генезиса гренской культуры, как отмечалось выше, разделял В.П. Ксензов [20, с. 48 – 52; 22, с. 7 – 11; 23; 24, с. 16 – 39]. Руководствуясь формами наконечников стрел, Ксензов происхождение гренской культуры вначале рассматривал в контексте развития аренбургских традиций [20, с. 48 – 52], а несколько позже – лингбийских [22, с. 7 – 11; 23; 24, с. 16 – 39].

По мнению В.П. Ксензова, предшествующими гренской культуре были стоянки Аносово и Берестеново на Верхнем Днепре. Материалы этих памятников связывались с традициями культуры лингби, которая, по версии исследователя, стала «непосредственной генетической основой гренской культуры» [24, с. 16 – 39]. Одним из главных направлений миграционных потоков лингбийского населения в Верхнее Поднепровье, по его мнению, был западный. Доказательством «западного» происхождения ранних комплексов гренской культуры являлась схожесть форм черешковых наконечников стрел, известных среди лингбийских стоянок на территории Понеманья и Припятского Полесья [22, с. 11; 23; 24, с. 36].

Вместе с тем В.Ф. Копытин отрицал возможность формирования гренской культуры на базе лингбийской. Распространение черешковых наконечников стрел, так похожих по своей форме на лингбийские, объяснялось исследователем конвергентным развитием финальнопалеолитических культур Восточной Европы, оказавшихся в сходной экологической ситуации [17, с. 134 – 135].

Проблемы хронологии. За неимением абсолютных дат для гренской культуры мнения о проблеме определения ее временных рамок разделились и приобрели дискуссионный характер. Но какими бы ни были взгляды на хронологию гренской культуры, каждый из них базируется, в первую очередь, на результатах сравнительного и преимущественно типологического анализа кремневого инвентаря, что, естественно, сужает возможности исследователей в решении данного вопроса.

Первая хронологическая схема для гренской культуры была предложена В.Д. Будько [4]. В ее основу легли сведения о стоянках Гренск, Подлужье и Коромка. Стратиграфические наблюдения и представление об эволюционном развитии форм орудий труда этих памятников позволили В.Д. Будько выделить три хронологических этапа в развитии «свидерско-гренской культуры». Памятники первого этапа им датировались ранним дриасом. Второй этап определялся временем не позднее беллинговского интерстадиала, третий приходился на аллеред [4]. Однако позднейшие исследования гренских стоянок обнаружили ошибочность взглядов В.Д. Будько на проблему развития культуры и показали невозможность их применения для хронологических построений [1, с. 39 – 55; 15, с. 10 – 27, 32 – 47; 24, с. 23 – 25].

Исследователь В.Ф. Копытин выделял две хронологические группы памятников гренской культуры [1, с. 39 – 55; 15, с. 10 – 27, 32 – 47]. В первую группу он включил стоянки Боровка, Коромка и Хвойная и датировал их финальным палеолитом (12 – 10 тыс. лет назад). Вторая хронологическая группа была представлена стоянками Гренск, Могилевская, Лудчицы, Чигиринка и относилась к раннему мезолиту (10 – 8 тыс. лет назад). Такое хронологическое деление материалов гренской культуры, по мнению В.Ф. Копытина, было обосновано особенностями топографии стоянок: «все памятники раннего мезолита расположены ниже 150 м над уровнем моря» [1, с. 46], что не подтверждается современными научными исследованиями. Граница между комплексами финального палеолита и раннего мезолита В.Ф. Копытиным проводилась условно и строилась на представлении об эволюционном развитии техники расщепления кремня и отдельных форм орудий труда [1, с. 45 – 46; 15, с. 32].

Разделяя в целом взгляды В. Копытина на хронологию гренской культуры, Е.Г. Калечиц с учетом данных палеогеографии предлагает удревнить ее на два-три тысячелетия, поскольку «территория Восточной Беларуси южнее Оршы могла быть обжита практически весь период позднеледниковья, даже с 15 тысячелетия, когда ледник окончательно покинул границы Беларуси» [11, с. 53]. Примерно такого же мнения придерживается и А.А. Чубур, который определяет возраст гренских памятников «между 11000 – 13000 л. н.» [40, с. 49].

С учетом новых геомагнитных датировок для памятников финального палеолита Валдайской возвышенности, отдельные из которых проявляют типологическое сходство со стоянками гренской культуры (Вышегора-1), Г.В. Синицына предлагает «вернуться к точке зрения В.Д. Будько, который датировал среднюю группу гренской культуры временем не ранее беллинга и не позднее аллереда, т.е. 12,7 – 11,8 т. л. н., что согласуется с определением возраста погребенной почвы на стоянке Вышегора I» [34, с. 170].

Безусловно, материалы Г.В. Синицыной открывают новые перспективы в решении проблем генезиса и хронологии гренской культуры, характера культурно-исторических связей населения Верхнего Поднепровья в конце ледниковой эпохи. Однако следует помнить, что выводы В.Д. Будько относительно хронологии выделенной им «свидерско-гренской культуры» строились на некорректной системе критики источников [1, с. 39 – 55; 15, с. 10 – 27, 32 – 47], поэтому нет никакой необходимости накладывать абсолютные даты, полученные для памятников Валдая, на хронологическую схему В.Д. Будько.

Рассматривая хронологию и периодизацию красносельской культуры, Л.Л. Зализняк определил время развития ее кремневой индустрии поздним дриасом [9, с. 46 – 51]. Он считает, что в конце аллередского потепления и в начале позднедриасового похолодания происходит трансформация памятников восточного лингби в красносельскую культуру. Последняя в начале пребореала стала основой для формирования иеневских и песочноровских древностей [8, с. 96 – 101; 9, с. 46 – 51, 62]. Переходными от красносельской к иеневской и песочноровской культурам, по мнению Л.Л. Зализняка, являются верхнеднепровские памятники типа Боровка.

Концом финального палеолита и мезолитом датировал гренскую культуру В.П. Ксензов [20, с. 48 – 52; 22, с. 7 – 11; 24, с. 29 – 31]. В качестве хронологических реперов В.П. Ксензов использовал понятие об изменчивости форм орудий труда, скребково-резцовый показатель, наличие или отсутствие в составе коллекций геометрических микролитов – трапеций. Это позволило в развитии культуры выделить три хронологических этапа. Первый этап, по мнению В.П. Ксензова, приходился на поздний дриас (10800 – 10300 лет назад) и характеризовался материалами стоянок Аносово, Берестеново, Лудчицы и, возможно, Коромка. Второй этап датировался пребореалом – бореальным периодом (10300–8000 лет назад) и объединял стоянки Боровка, Орша-1, Гренск, Гута-1, Журавель, Песчаница и Хвойная. Третья хронологическая группа относилась к атлантическому времени (8000–7000 лет назад) и определялась материалами стоянок Рекорд, Речица-2 и Чижовка. Таким образом, посожские стоянки Гренск и Журавель относились к раннему мезолиту.

Однако такая схема временного развития гренской культуры не нашла поддержки среди отечественных исследователей [1, с. 39 – 55; 11, с. 47; 15, с. 12; 17, с. 133], так как возраст некоторых гренских стоянок, определенных В.П. Ксензовым, не соответствовал реальной палеогеографической ситуации. Дискуссионный характер приобрело датирование отдельных памятников гренской культуры поздним мезолитом только на основании факта присутствия в коллекции трапеций. Действительно, высокие и средневысокие трапеции сопровождают кремневый инвентарь стоянок Рекорд и Речица-2. Но сами коллекции этих памятников получены в результате поверхностных сборов. В них кроме гренских имеются материалы кудлаевской мезолитической культуры, неолита и бронзового века [21; 21]. Поэтому присутствие трапеций, по нашему мнению, не является надежным показателем позднемезолитического возраста гренской культуры, поскольку данная группа микролитов относится к числу кудлаевских находок, что признавал и сам В.П. Ксензов [20, с. 105 – 110; 21, с. 16, 25]. Более того, коллекции стоянок Речица-2, Рекорд и Чижовка статистически не выражены, поэтому и не могут быть использованы для хронологических построений и тем более обоснования отдельного позднемезолитического этапа в развитии гренской культуры.

С учетом радиоуглеродных дат, возникновение кремневых комплексов с трапециями в иеневской культуре междуречья Волги и Оки относится к другой половине пребореала – началу бореального времени [19, с. 38 – 60; 36, с. 77 – 78; 43]. К такому выводу приходит и Л.Л. Зализняк, когда рассматривает проблемы хронологии песочноровской культуры деснинского бассейна [8, с. 216 – 224; 9, с. 60 – 62].

Обращая внимание на весь круг проблем гренской культуры, нельзя обойти вниманием работы польских исследователей. Так, польский археолог С. Козловски считает гренскую, или деснинскую, по терминологии польских исследователей, культуру палеолитической. «Палеолитический» аспект деснинской культуры, – пишет С. Козловски, – ее хронология, картографические данные и присутствие элементов деснинской культуры в свидерской, говорят о том, что эта культура позднего палеолита, сложившаяся еще в начале постледникового времени» [41, с. 99]. Начало же формирования деснинской культуры С. Козловски ведет от IX тыс. до н.э. и доводит время ее существования до раннего голоцена [41; 42, р. 30 – 35]. Именно после окончания ледниковой эпохи, как считает С. Козловски, происходит трансформация деснинских древностей в целый ряд «пост-деснинских» культур.

По мнению К. Шимчака, деснинские элементы на памятниках северо-восточной Польши известны на протяжении аллереда – бореального времени [45, с. 70]. Аналогичных взглядов придерживался и отечественный исследователь В.С. Обуховский, который допускал возможное взаимодействие населения волкушанской культуры с гренским «не позднее середины дриаса III» [26, с. 159].

Исследовательница З. Сульгустовска для бореального времени отмечает широкие миграции гренского населения в западном направлении [44, с. 134]. Причиной такой активной мобильности гренских охотников, как считает исследовательница, был поиск и добыча гематита, месторождения которого известны около местечка Рыдно. Однако, несмотря на наличие в кремневых комплексах стоянок указанной

территории ассиметрично-черешковых наконечников с боковой выемкой, нельзя согласиться с тем, что население гренской культуры Верхнего Поднепровья и тем более Посожья – региона, богатого на залежи мелового кремня, – намеренно совершало столь дальние походы за сырьем совершенно другого качества. Это подтверждается и отсутствием изделий из гематита в кремневом инвентаре днепровских и сожских стоянок гренской культуры.

Проблема исторических судеб. В настоящее время очень сложно решается вопрос об исторических судьбах гренского населения, особенного того, которое проживало в бассейне р. Сож. И если для В.П. Ксензова эта проблема оставалась открытой, то в современной историографии сложилось устойчивое мнение рассматривать гренскую культуру в качестве прямого генетического предка населения двух культурных традиций – иеневской в Волго-Окском междуречье и песочноровской в Среднем Подесенье [1, с. 52; 8, с. 223; 9, с. 51, 60 – 62; 15, с. 46 – 47].

На основе аренсбургских и красносельских традиций, по данным Л.Л. Зализняка, в Скандинавии сформировалась постаренбургская культурная зона, в которую, кроме иеневской и песочноровской культур, входили также культуры Фосна и Комса [9, с. 51]. Аналогичных взглядов придерживается и С. Козловски, который считает, что в начале голоцена в междуречье Верхнего Днепра и Десны возникла «пост-деснинская» культура, близкородственная культурам европейского севера – Фосна и Комса [42, с. 30 – 35].

По мнению В.Ф. Копытина и Е.Г. Калечиц [1, с. 55 – 67; 11, с. 67 – 72; 15, с. 48 – 58; 17], часть гренского населения, при опосредованном участии свидерского, стала генетической основой для сожской культуры позднего мезолита (8000 – 6000 лет назад). Представления об этой локальной культуре строились на идее аккультурации традиций целого ряда мезолитических культур. Археологически это подтверждалось присутствием в составе кремневого инвентаря сожской культуры гренских (техника расщепления и орудия труда) и свидерских (наконечники стрел с плоской подтеской черешка) элементов.

Однако анализ коллекций опорных памятников сожской культуры показал, что конгломерат ее кремневых комплексов является результатом естественного (механического) смешения материалов разных культур, а не примером взаимодействия и взаимовлияния разнокультурных традиций, на базе которых впоследствии формировались отдельные локальные группы памятников [13; 14]. Поэтому идею трансформации гренской культуры в некое новое и своеобразное явление позднего мезолита Посожья, на наш взгляд, следует считать только моментом историографии. Тем более что сожская культура относилась к числу «постсвидерских культур» или «культур свидерских традиций» эпохи мезолита [11, с. 66 – 67; 15, с. 49, 54]. Следовательно, в области противоречий оказалось мнение о роли гренской культуры в сложении сожских древностей.

В последнее время высказывается мнение о возможном удревнении иеневской культуры междуречья Волги и Оки [37, с. 68 – 85; 38]. Объективность абсолютных дат этой культуры ставится под сомнение, что, как считает А.Н. Сорокин, объясняется «феноменом натурального омоложения палинологических спектров и радиоуглеродных образцов» [37, с. 81]. По времени иеневская культура, как считает А.Н. Сорокин, может соответствовать финальному палеолиту, и, следовательно, традиции иенева поставлены в один ряд с такими культурами, как аренсбургская, гренская, песочноровская, усть-камская. Этим признается культурное своеобразие иеневских древностей, генетически связанных, по мнению А.Н. Сорокина, с кругом культур бромме-лингби [37, с. 81 – 82; 38].

Если выводы А.Н. Сорокина верны, тогда необходимо будет признать древность не только самой гренской культуры, что, собственно, согласуется с новыми датами, полученными Г.В. Сеницыной для памятников Валдайской возвышенности, но и иеневско-песочноровских комплексов с трапециями. Естественно, кремневый инвентарь гренской, иеневской и песочноровской культур типологически сближает общность форм отдельных орудий, в первую очередь ассиметрично-черешковых наконечников с боковой выемкой. Однако нельзя не заметить отсутствие в составе гренского технокомплекса геометрических микролитов (трапеций, треугольников, сегментов). С одной стороны, это может отражать локальную специфику гренских древностей на фоне иеневских и песочноровских, с другой – являться хронологическим показателем.

Правда, если строго подходить к трапециям как к одному из критериев хронологического определения материалов культуры, то нельзя не заметить, что единичные формы этих геометрических микролитов известны и в некоторых комплексах гренской культуры. Например, грубая ассиметричная трапеция обнаружена в кремневом инвентаре стоянки Хвойная. Памятник по стратиграфическим наблюдениям В.Ф. Копытина датируется началом позднего дриаса [15, с. 25 – 27; 16]. Известны трапеции и в коллекции Гренской стоянки, но отсутствие выразительной стратиграфии памятника, наличие разновременных материалов не позволяют связать находки этих микролитов конкретно с гренским комплексом.

Для решения вопроса о времени появления в среде культуры ассиметрично-черешковых наконечников с боковой выемкой геометрических микролитов, как, впрочем, и культуры в целом, требуется привлечение надежных источников, обеспеченных данными естественных наук. На данном же уровне исследования речь должна вестись не о начале появления трапеций как таковых, а о начале наибольшего и, заметим, повсеместного их распространения. Этот факт, на наш взгляд, либо дает яркий пример технических новаций в среде культур охотников на северного оленя, связанных с изменением способов ведения хозяйства в условиях трансформации окружающей среды на рубеже плейстоцена – голоцена, либо появление микролитов может отражать культурную специфику. Но в любом случае, мы не вправе пока считать абсолютной истиной мнение о появлении комплексов с трапециями в иеневской культуре уже в позднеледниковое время, тем более что и ранние (финальнопалеолитические) даты для иеневских и песочноровских стоянок, на которых эти геометрические микролиты образуют серии, не известны.

В целом гренская, иеневская и песочноровская культуры – это не просто явления одного генетического порядка, а пример эволюции культурных и хозяйственных традиций населения в условиях трансформации окружающей среды в конце эпохи плейстоцена – начале голоцена. В данном случае материалы памятников гренской, иеневской и песочноровской культур выступают своеобразным инструментом в изучении проблем круга культур ассиметрично-черешковых наконечников, распространенных в разных регионах Восточной Европы. В этом плане следует признать справедливым мнение Е.В. Леоновой, которая объединяет комплексы с ассиметричными наконечниками в «единое информационное пространство, границы которого, вероятно, менялись во времени» [25, с. 147 – 148]. Значит, культурное своеобразие Верхнего Поднепровья, Волго-Окского и Деснинского бассейнов в составе этого единого пространства является показателем тех технических и хозяйственных изменений, роль в которых, безусловно, сыграл экологический фактор [2].

Заключение. Отмеченные выше проблемы в историографии гренской культуры остаются во многом открытыми и до конца нерешенными. Попытки рассмотрения того или иного вопроса, связанного с генезисом, хронологией, историческими судьбами гренского населения, упираются в отсутствие памятников, имеющих выраженную стратиграфию и характеризующихся надежными и представительными, с источниковедческой точки зрения, комплексами вещевого материала.

Вряд ли решение «гренского вопроса» в настоящее время может ограничиваться только Верхним Поднепровьем. Оно должно быть включено в общее русло культурологических проблем финального палеолита – мезолита лесной полосы Восточной Европы. Поиск же памятников, обеспеченных естественнонаучными датами, сравнение их с материалами сопредельных территорий позволит не только проследить генезис и эволюцию традиций кремнеобработки населения, обитавшего в Восточной Европе на заключительных этапах эпохи палеолита, но и определить их роль в формировании мезолитических культур рассматриваемой территории, что требует соответствующего комплексного изучения имеющихся источников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологія Беларусі: у 4 т.; рэдкал.: М.В. Біч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 1997. – Т. 1: Каменны і бронзавы вякі / Э.М. Зайкоўскі [і інш.]. – 424 с.
2. Балакин, С.А. Хозяйственно-экономическое развитие в голоцене и проблема археологических критериев мезолита / С.А. Балакин, Д.Ю. Нужный // Каменный век на территории Украины: Некоторые аспекты хозяйства и этнокультурных связей. – Киев, 1990. – С. 90 – 101.
3. Бутько, В.Д. Палеолит Белоруссии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / В.Д. Бутько; Ленингр. отд-ние Ин-та археологии АН СССР. – Л., 1962. – 21 с.
4. Бутько, В.Д. Памятники свидерско-гренской культуры на территории Белоруссии / В.Д. Бутько // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.-Л., 1966. – № 126: У истоков древних культур. – С. 35 – 46.
5. Бутько, В.Д. Поздний палеолит Северо-Запада Русской равнины / В.Д. Бутько, Р.А. Сорокина // Природа и развитие первобытного общества. – М.: Наука, 1969. – С. 127 – 136.
6. Данилевич, В.Е. Стоянка и мастерская каменного века в Могилевской губернии, исследованная летом 1893 года / В.Е. Данилевич // Киевская старина. – Киев, 1895. – Т. II. – С. 12 – 19.
7. Зализняк, Л.Л. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита / Л.Л. Зализняк. – Киев: Наукова думка, 1989. – 173 с.
8. Зализняк, Л.Л. Фінальний палеоліт північного заходу Східної Європи / Л.Л. Зализняк. – Київ: Нац. ун-т «Киево-Могилянська Академія», 1999. – 283 с.

9. Залізник, Л.Л. Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України. Культурний поділ та періодизація / Л.Л. Залізник // Кам'яна доба України. – Київ: Шлях, 2005. – Вип. 8. – 184 с.
10. Калечиц, Е.Г. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии / Е.Г. Калечиц. – Минск: Наука и техника, 1987. – 158 с.
11. Калечиц, Е.Г. Человек и среда обитания. Восточная Беларусь. Каменный век / Е.Г. Калечиц. – Минск: Экоперспектива, 2003. – 223 с.
12. Калечиц, А.Г. Палеалітычныя помнікі Беларусі: (культурна-храналагічная ідэнтыфікацыя крыніц) / А.Г. Калечиц, А.У. Коласаў, В.С. Абухоўскі. – Мінск: Беларус. навука, 2010. – 323 с.
13. Колосов, А.В. История изучения и проблемы историографии сожской мезолитической культуры / А.В. Колосов // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. – 2005. – № 4. – С. 8 – 14.
14. Колосов, А.В. К вопросу о локальных культурах «свидерских традиций» в мезолите Восточной Беларуси / А.В. Колосов // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Серия А. Гуманитарные науки. – 2012. – № 1. – С. 23 – 29.
15. Копытин, В.Ф. Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья / В.Ф. Копытин. – Могилев: Изд-во «Могилевское управление по печати», 1992. – 86 с.
16. Копытин, В. Финальный палеолит и мезолит Верхнего Поднепровья / В. Копытин // Tanged pointes cultures in Europe. – Lublin, 1999. – С. 256 – 266.
17. Копытин, В.Ф. У истоков гренской культуры. Боровка / В.Ф. Копытин. – Могилев: Изд-во «МГУ им. А.А. Кулешова», 2000. – 143 с.
18. Копытин, В.Ф. Финальный палеолит Верхнего Поднепровья как историческая эпоха / В.Ф. Копытин // Гістарычна-археалагічны зборнік / Ін-т гісторыі Нац. акад. навук Беларусі. – Мінск, 2005. – № 20. – С. 5 – 15.
19. Кравцов, А.Е. Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита / А.Е. Кравцов, А.Н. Сорокин. – М.: Ин-т археологии АН СССР, 1991. – 66 с.
20. Ксензов, В.П. Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья / В.П. Ксензов. – Минск: Наука и техника, 1988. – 134 с.
21. Ксензов, В.П. Мезолитические культуры Белорусского Подвинья и Поднепровья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06 / В.П. Ксензов; АН Беларуси, Ин-т истории. – Минск, 1994. – 33 с.
22. Ксензов, В.П. Финальный палеолит и мезолит Поднепровья Беларуси / В.П. Ксензов // Российская археология. – 1997. – № 1. – С. 5 – 20.
23. Ксензов, В.П. Новые памятники гренской культуры в Белорусском Поднепровье / В.П. Ксензов // Tanged pointes cultures in Europe. – Lublin, 1999. – С. 229 – 239.
24. Ксензов, В.П. Мезолит Северной и Центральной Беларуси / В.П. Ксензов // Матэрыялы па археалогіі Беларусі / Ін-т гісторыі Нац. акад. навук Беларусі. – Мінск, 2006. – Вып. 13. – 170 с.
25. Леонова, Е.В. К проблеме археологического содержания иеневской культуры Волго-Окского бассейна / Е.В. Леонова // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М.Д. Гвоздовер). – М., 2007. – С. 119 – 154.
26. Обуховский, В.С. «Гренский след» в финальном палеолите междуречья Немана, Припяти и Вислы / В.С. Обуховский // Романовские чтения-3: сб. тр. междунар. науч. конф., Могилев, 23 – 24 нояб. 2006 г.; под ред. И.А. Марзалюка. – Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2007. – С. 157 – 161.
27. Палікарповіч, К.М. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сажа / К.М. Палікарповіч // Працы кафедры археалогіі. – Мінск, 1928. – Т. 1. – С. 123 – 252.
28. Палікарповіч, К.М. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга Сажа / К.М. Палікарповіч // Працы археалогічнай камісіі. – Мінск, 1930. – Т. 2. – С. 383 – 478.
29. Палікарповіч, К.М. Досьледы культур каменнага і бронзавага пэрыядаў у БССР у 1930 – 1931 гг. / К.М. Палікарповіч // Працы сэкцыі археалогіі. – Мінск, 1932. – Т. 3. – С. 227 – 230.
30. Поликарпович, К.М. Палеолит и мезолит БССР и некоторых соседних территорий Верхнего Поднепровья / К.М. Поликарпович // Труды Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. – Москва – Ленинград – Новосибирск, 1934. – Вып. IV. – С. 75 – 87.
31. Поликарпович, К.М. Стоянки среднего Посожья / К.М. Поликарпович // Материалы по археологии БССР. – Минск, 1957. – Т. 1. – С. 45 – 148.
32. Римантене, Р.К. Палеолит и мезолит Литвы / Р.К. Римантене. – Вильнюс: Минтис, 1971. – 203 с.
33. Романовъ, Е.Р. Старина доисторическая Северо-Западного края. Популярный очеркъ / Е.Р. Романовъ // Виленский календарь на 1908. – Вильно, 1908. – С. 65 – 110.
34. Синицына, Г.В. Заселение Валдайской возвышенности на рубеже плейстоцена – голоцена / Г.В. Синицына // Путь на Север: окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики: материалы междунар. конф. – М., 2008. – С. 161 – 172.

35. Сорокин, А.Н. Мезолит Жиздринского Полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы / А.Н. Сорокин. – М.: Наука, 2002. – 251 с.
36. Сорокин, А.Н. Мезолит Волго-Окского бассейна / А.Н. Сорокин // Проблемы каменного века Русской равнины; под ред. Х.А. Амирханова. – М.: Науч. мир, 2004. – С. 59 – 89.
37. Сорокин, А.Н. Проблемы мезолитоведения. The Mesolithologic Problems / А.Н. Сорокин. – М., 2006. – 216 с.
38. Сорокин, А. На переломе эпох / А. Сорокин, С. Ошибкина, А. Трусов. – М., 2009. – 387 с.
39. Формозов, А.А. Использование подъемного материала с донных стоянок в археологических исследованиях / А.А. Формозов // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. – 1975. – Вып. 75. – С. 85 – 89.
40. Чубур, А.А. От Хотылева до Гренска: взгляд на древнейшую историю центра Русской равнины / А.А. Чубур // Деснинские древности-III: сб. материалов межгос. науч. конференции, посвященной памяти Ф.М. Заверняева. – Брянск: Изд-во Клинецовской городской типографии, 2004. – С. 43 – 50.
41. Kozłowski, S.K. Le Desnenien / S.K. Kozłowski // Anthropologie. – 1991. – XXIX/1–2. – S. 95 – 100.
42. Kozłowski, S.K. The tanged Points Complex / S.K. Kozłowski // Tanged points Cultures in Europe. – Lublin, 1999. – P. 28 – 35.
43. Kravtsov, A.E. Concerning the dating of the yenevo culture / A.E. Kravtsov // Tanged pointes cultures in Europe. – Lublin, 1999. – P. 272 – 279.
44. Sulgostowska, Z. Kontakty społeczności późnopaleolitycznych i mezolitycznych między Odrą, Dzwina i górnym Dniestrem / Z. Sulgostowska. – Warszawa, 2005. – 244 s.
45. Szymczak, K. Epoka kamienia Polski Północno-Wschodniej na tle środkowoeuropejskim / K. Szymczak. – Warszawa, 1995. – 191 s.
46. Taute, W. Die Stielspitzen-Cruppen im nordlichen Mitteleuropa / W. Taute. – Köln, 1968.

Поступила 30.06.2012

THE GRENSK CULTURE OF THE UPPER DNIEPER REGION IN THE NATIVE AND FOREIGN HISTORIOGRAPHY

A. KOLOSOV

The article deals with the main range of problems in the historiography of the Grensk culture of the Final Palaeolithic and Mesolithic ages in the Upper Dnieper region. At present, the understanding of the ways and mechanisms of the formation as well as the time of habitation of the representatives of this ancient culture are rather debatable. The interpretation of the sources has produced two completely different, in terms of methodology, research approaches, bringing together the supporters of the indigenous or migration ways of the emergence and the development of the Grensk culture. It is impossible to understand the essence of the so-called "Grensk question" without a historiographical study of the nature of its origin, and the solution of this problem can't be limited only by Upper Dnieper region. It should be included into the general course of culturological problems of the final paleolith – mesolith of the forest belt of Eastern Europe.

УДК 93(37):355.65

ЛОГИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЕННОГО ЛИДЕРСТВА В ПОЗДНЕРЕСПУБЛИКАНСКОМ И РАННЕИМПЕРАТОРСКОМ РИМЕ

канд. ист. наук, доц. С.В. ТЕЛЕПЕНЬ

(Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина)

Исследуется проблема взаимосвязи между такими важными составляющими военного лидерства, как его аксиология и рутинное обеспечение войск продовольствием. Обосновывается тесная связь между традициями самоограничения в пище, характерными для римского воинского этоса, и специфическим римским социокультурным явлением *disciplina militaria*. Показано, что логистические аспекты военного лидерства в Древнем Риме – это не только грамотная организация полководцем интендантской службы и умение спланировать кампанию, но в еще большей степени умение военного лидера воспользоваться социокультурными установками римского армейского сообщества на самоограничение в материальном потреблении.

Введение. В современном антиковедении проблема военного лидерства остается неизменно актуальной. Чаще всего она разрабатывается в тесной связи с изучением социокультурных и идеологических аспектов военной истории античности [1, с. 142]. В последнее время появляются также работы, специально посвященные вопросам римской военной логистики, начало чему было положено монографией Дж. П. Рота (1999) [2]. Однако связь между этими двумя составляющими военного лидерства – его аксиологией и рутинным обеспечением войск (прежде всего продовольствием) – до сих пор не стала в мировом антиковедении предметом соответствующего изучения. Между тем, на наш взгляд, решение данного вопроса позволит соотнести теорию и идеологию полководческой деятельности в Древнем Риме с реальной практикой, связав тем самым идеальное и материальное как в отношении римского военного лидерства, так и, шире, применительно к римской традиции *disciplina militaria*.

Основная часть. В переписке Цицерона одним из интересных с точки зрения нашей темы мест является письмо некоего Целия, писавшего Цицерону о солдатах Цезаря: *Num tibi nostri milites, qui durissimis et frigidissimis locis, teterrima hieme bellum ambulando confecerunt malis orbiculatis esse pasti videntur? (Ad fam. VIII.15)* – «Разве наши солдаты, которые в суровейшей и холоднейшей местности, жесточайшей зимой закончили войну прогуливаясь, по-твоему, воспитаны на яблоках с красными щечками?» (пер. – В.О. Горенштейна). С учетом того, что *mala orbiculata* не были особенно изысканной пищей, они в данном случае символизируют ту пищу, которую настоящий римский солдат должен был бы выбросить как мусор. Целий же явно опирается здесь на устойчивое мнение, традицию, о которой можно судить по наиболее значимым ее образам.

В качестве образцов полководческого поведения в римской традиции чаще всего фигурируют Сципион Эмилиан и Квинт Метелл. Важнейшей же особенностью поведения Сципиона и Метелла как полководцев традиция представляет их особое отношение к пропитанию солдат. Причем на примере этих полководцев видно, что ограничение солдат в пище (в смысле недопущения здесь гастрономических изысков) было средством поддержания дисциплины. Как гласит предание, сами солдаты Сципиона и Метелла якобы потребовали от командиров определить их рацион, что те и сделали, запретив воинам некоторые виды пищи, как, например, мясо, если только оно не было жареным или вареным (относительно Сципиона – *App. Iber. 85; Plut. Mor. Regum et imperatorem apophthegmata 201 C*; относительно Метелла – *Sallust. B. Jug. 45. 2; [Front.] Strat. IV. 2; Valer. Max. II. 7. 2*)

Очевидно, что тенденция к ограничению римскими воинами своих потребностей была не просто особенностью римского военного этоса, а составляла одно из направлений работы над собой, прежде всего самих римских полководцев в качестве образцов такого стиля. О Помпее известно, что он ограничивал себя как в том, что он ел, так и в том, как эта пища была приготовлена (*Diod. Sic. XXXVIII. 9; ср. Veget. I. 3*). В этом отношении Помпей, видимо, следовал примеру Сципиона Эмилиана (о Сципионе Эмилиане – см. *Polib. XXXII. 11 – 15*).

Умеренность Помпея по отношению к пище и вину была превзойдена воздержанностью Цезаря. Известно, что Цезарь усиливал свою природную конституцию, следуя образу жизни рядового солдата, в том числе в отношении пищи (*Plut. Caesar XVII*). Стоит сопоставить плутархово сообщение о Цезаре с его же, Плутарха, описанием образа жизни Катона Старшего – этого символа староримских добродетелей (*Plut. Cato Maj. IV*). Суровость Катона в этом случае подчеркивается указанием на его привычку к самоограничению в пище.

Светоний также сообщает, что Цезарь был настолько безразличен к гастрономическим изыскам, что охотно ел «приправленные оливы» (*conditum oleum*), которые другие участники обеда есть не желали (*Suet. Div. Julius* 53). Стоит заметить, что «приправа» использовалась в данном случае, возможно, для того, чтобы скрыть тот факт, что оливы были низкого качества или испорчены. *Conditum* в данном пассаже противопоставляется *viridis*, понятию, обозначающему оливковое масло высшего сорта [3, p. 75 – 79]. Более того, Плутарх изображает Цезаря как человека, который способен управлять своим аппетитом не в пример другим. Так, в рассказе Плутарха Цезарь ест блюдо из спаржи, приправленное миррой вместо оливкового масла, не проявляя признаков неудовольствия, в то время как его сотрапезники отказываются есть блюдо. В обоих приведенных случаях Цезарь поступает так исходя из чувства долга, поскольку блюда подаются дружественными ему хозяевами застолья (*Plut. Caesar* XVII). Опять стоит заметить, что комбинация спаржи и мирры должна была претить вкусу гостей Валерия Леона, так как мирра использовалась римлянами в качестве приправы к вину, а не спарже («*apud prisco*» *Plin. N. H.* XIV. 13; XV. 92; *Claudii Aeliani Varia Historia* XII. 31). В действительности мирра являлась ценным продуктом, особенно если использовалась к месту (*Cic. Ad Att.* I. 19. 2). Такой же ценимой у римлян была и спаржа (*Plin. N. H.* XIX. 54). Поэтому оплошность Валерия Леона состояла в соединении двух изысканных, но не соответствующих друг другу компонентов.

Псевдо-Фронтин приводит множество примеров греческих и римских командиров, демонстративно употреблявших простую пищу на виду у людей более низкого статуса (*[Front.] Strat.* IV. 3. 1, 7 – 11). Таким образом, любые ассоциации между пищей и *otium* или *luxuria* у данных полководцев (и Псевдо-Фронтинана) сознательно исключаются, а потребление пищи становится символом *labor* (труда, в данном случае воинского).

Приведенные примеры, имея облик исторических анекдотов, требуют соотнесения их с реалиями римской армейской действительности. Хорошо известно, что солдатам обеспечивался определенный рацион. Правда, его размер и состав остаются в значительной степени предположительными [2, p. 4 – 44]. Тем не менее очевидно, что римская система жизнеобеспечения войск, лишь с трудом поддающаяся изучению, характеризовалась крайней нерегулярностью продовольственных поставок [2, p. 1 – 6].

Цезарь в своих «Записках» часто выражает беспокойство по поводу снабжения его войска хлебом (*Caes. B.G.* I. 16, 37 etc.). Впрочем, хорошо известно, что войско в классической древности в значительной степени находилось на самообеспечении [2, p. 16]. И прежде всего самообеспечение войска предполагалось в отношении фуража, дров, воды [2, p. 17 – 55]. Сами маршруты движения войск и места расположения лагерей во многом определялись местными условиями продовольственного снабжения (*Caes. B.G.* I. 23, 48). В связи с этим солдаты в ходе военных действий могли ожидать, что получат более скудное пропитание, чем при других обстоятельствах [2, p. 15].

Отметим, однако, что когда это не было сознательным самоограничением, как в случаях, описанных относительно солдат Сципиона и Метелла, то проблемы с обеспечением войска во время похода необходимым количеством пропитания могли существенно ухудшить моральное состояние солдат. Некоторые солдаты Цезаря, например, будоражили прочих, предвещая плохое продовольственное обеспечение, якобы ожидавшее их в отдаленных районах Галлии, чтобы только не идти туда против германцев и вызывавшего у них страх Ариовиста (*Caes. B.G.* I. 36). Как замечает теоретик военного дела Онасандр (I в. н.э.), войско, подвергающееся опасности «недопродовольствования» или недовольное рационом, будет сражаться хуже (*Onas.* XII). Более того, от такого войска возможно ожидать открытого неповиновения, как это в принципе следует из слов Цезаря: *Ut complures dies frumento milites caruerint et pecore ex longinquiribus vicis adacto extremam famem sustentarent, nulla tamen vox est ab eis audita populi Romani maiestate et superioribus victoriis indigna* (*Caes. B.G.* VII. 17) – «Солдаты в течение многих дней не видали хлеба и утоляли свой острый голод лишь мясом скота, пригоняемого из отдаленных деревень; однако от них не слышали ни одного звука, недостойного величия римского народа и их прежних побед» (*пер. М.М. Покровского*).

Означенная ситуация показательна, так как демонстрирует связь между продовольствованием войска, дисциплиной и моральным духом солдат. Кампания 49 года до н.э., проводившаяся Цезарем в Испании, в этом отношении стала показательной. Обнаружившаяся здесь готовность солдат Цезаря вынести лишения, связанные с недостаточным продовольственным обеспечением, возможно, стала косвенной причиной почти что бунта солдат антицезарианских войск Афрания и Петрея. Цезарь сообщает, что когда он приказал своему войску следовать далеко в сторону от очевидной цели (реки Ибер), то за ним вслед двинулись войска Афрания и Петрея, солдаты которых бранили своих командиров за то, что те не желают вернуться в Илерду и оставить победу Цезарю, так как для солдат Афрания и Петрея важнее было то, что они не могли получить в местности, куда их вели, достаточного пропитания (*Caes. B.C.* I. 48 – 55, 62 – 87). Конечно, основания возмущаться (по поводу плохого продовольственного обеспечения) могли быть как у армии Цезаря, так и у его противников, но разная степень готовности солдат из этих армий принять

опасность голодания отражает неодинаковый уровень их дисциплины. Большая дисциплинированность солдат Цезаря давала ему возможность действовать в соответствии с принципом, о котором пишет Псевдо-Фронтин: *G. Caesar dicebat idem sibi esse consilium adversus hostem, quod plerisque medicis contra vitia corporum, fame potius quam ferro superandi* ([Front.] *Strat.* IV. 7. 1) – «Г. Цезарь говорил, что он применяет против врага тот же способ, который большинство врачей применяют против телесных недугов – побеждать их скорее голодом, чем железом» (пер. А.Б. Рановича).

В то же время следует признать, что был предел и для солдат, готовых выносить лишения. Особенно важно было наличие воды, пригодной для питья. Как известно, обезвоживание более губительно для организма, чем нехватка пищи. Степень опасности для войска оказаться без воды отражена Аррианом, повествующим о возвращении Александра из Индии через Гедрозию, когда жара и жажда погубили большую часть войска (*Arr. Anabasis* VI. 24. 4).

Ощущение опасности оказаться без питьевой воды могло вызвать у солдат страх и привести в итоге к падению дисциплины. Известен пример об отступлении афинян из-под Сиракуз. Преследуемые сиракузянами и спартанцами, но более всего страдавшие от жажды, афинские воины нарушают установленный порядок при попытке пересечь реку Ассинар. Утрата афинянами дисциплины и, следовательно, соответствия войску показана Фукидидом через яркое описание того, как афинское войско бросилось не на врага, но пить речную воду (*Thuc.* VII. 84 – 85). Сказанное, разумеется, может быть соотнесено и с римским опытом. «*Bellum Alexandrinum*» представляет войско Цезаря, заманенное египтянами в ту часть Александрии, которая была лишена противником водоснабжения. В результате солдаты начинают роптать, обвиняя Цезаря в бездеятельности ([*Caes.*] *B. Alex.* 6 – 7).

В других случаях реакция солдат на нехватку воды, в сравнении с реакцией на нехватку пищи, была также весьма бурной. Войско Антония во время Парфянского похода терпеливо переносит необходимость питаться малосъедобными продуктами, даже когда это вызывает болезни. Но становится почти неуправляемым, когда ему, испытывающему муки жажды, командиры пытаются помешать пить воду из реки, вода которой к тому же была непригодной для питья (*Plut. Antonius* XLVII).

Как отмечает Плутарх, солдаты Мария у Акв Секстиевых, столкнувшись с нехваткой воды, также приходят в состояние возмущения. В этом случае Марий (или по причине неудачного расчета, или чтобы мотивировать солдат для битвы) выбирает место для лагеря, не имеющее удобных подходов к воде, в то время как противник (тевтоны) может пользоваться водой беспрепятственно (*Plut. Marius* XVIII).

Конечно, неподходящая пища (или ее нехватка) могла быть причиной падения морального духа даже хорошо дисциплинированного войска. Поэтому существенная нехватка зерна в ходе галльской кампании, о чем пишет Цезарь в своих «Записках» (см. выше), упомянута им явно затем, чтобы подчеркнуть, что даже в этих условиях его солдаты не жаловались. Цезарь определенно делает акцент на лояльности его войска по отношению к своему вождю. Впрочем, Аппиан подтверждает, что плохое продовольственное обеспечение цезаревых войск уже в ходе гражданской войны под Диррахием также не привело к дезертирству из его войск (*App. B.C.* II. 66). Более того, как пишет Цезарь, под Диррахием его солдаты, испытывая недостаток в продовольствии, тем не менее забрасывали помпеянский лагерь диковинным хлебом, выпекавшимся ими из *chara*, горького на вкус корня, едва пригодного в пищу, чем демонстрировали противнику свою готовность бороться до последнего (*Caes. B.C.* III. 48). Когда же солдаты Помпея начали сами испытывать под Диррахием нехватку продовольствия, согласно Цезарю, они стали в большом количестве перебежать к Цезарю (*Caes. B.C.* III. 61). Говоря о последнем обстоятельстве, Цезарь усиливает впечатление, которое должны произвести на читателя примеры стойкости его солдат. Создается ощущение, что солдаты сами в ходе осады установили себе высокую планку самоконтроля в отношении потребления пищи и тем продемонстрировали высокий уровень дисциплины.

Таким образом, вопрос о поддержании у войска готовности переносить трудности с продовольственным обеспечением связан с соответствующим настроением солдат. Командир, отвечая за продовольственное обеспечение своих воинов, оказывается ответственным не просто за поддержание их боеспособности, но за сохранение у них желания сражаться за такого командира. Это не кажется противоречащим тому, что делали Сципион Эмилиан и Метелл, которые ограничением солдатского рациона добились укрепления армейской дисциплины.

Правда, в случае с этими полубогатыми полководцами возникает вопрос, существовали ли в римском войске другие способы приготовления мяса, нежели варка и жарение. По-видимому, Метелл специально упрощал методы готовки, чтобы приучить своих солдат к самостоятельному приготовлению пищи и тем самым обеспечить их лучшую приспособляемость к условиям похода. Тем более что рекомендованные методы готовки (варка и жарение) не требовали сложных приспособлений: только вертел и котелок, т.е. две трети из того, что, например, Сципион позволял своим солдатам иметь в качестве кухонной утвари в условиях боевой обстановки (*App. Iber.* 85). Можно предположить, что до введения этих

запретов мясо могли готовить более причудливым способом, причем в таком виде оно могло быть приобретено у торговцев за пределами лагеря. Пример Метеллы говорит о том, что полководец здесь стремился удержать солдат от пользования услугами других людей. Приобретение приготовленной пищи находится у этого полководца под особым запретом. Отсюда можно предположить, что более замысловатые блюда солдаты покупали у торговцев.

Проанализируем вышесказанное на других примерах.

Согласно Плутарху, Марий вырабатывал у солдат (часть системы обучения) привычки самостоятельно готовить себе пищу (*Plut. Marius XIII*). Между тем, по крайней мере, во времена Цезаря мясо было лишь желанным дополнением к основному рациону. На это указывает пассаж: *Non illi hordeum cum daretur, non legumina recusabant; pecus vero cuius rei summa erat ex Epiro copia, magno in honore habebant* (*Caes. B.C. III. 47*) – «Они (т.е. солдаты – *C. T.*) не отказывались ни от даваемого им в пищу ячменя, ни от стручковых плодов и очень ценили мелкий скот, который в изобилии получали из Эпира» (*пер. М.М. Покровского*). По этой причине не нехватка мяса, а отсутствие хлеба было наиболее тяжелым испытанием для солдат Цезаря (*Caes. B.G. VII. 17*).

Итак, обобщая сказанное, истинно преданное своему полководцу войско может далеко зайти в готовности и способности переносить тяготы. Из античной истории известны яркие примеры решимости воинов следовать «стратегии голода», когда солдаты переходили на потребление в пищу дикорастущих растений [4, р. 36 – 41]. Как мы уже отмечали, солдаты Цезаря под Диррахием делали хлеб из местного горького на вкус растения чага, так как больше есть было нечего. Их решимость продолжать борьбу в таких условиях поразила даже Помпея, известного своей воздержанностью в пище, который, тем не менее, сравнил цезаревых солдат с дикими зверями (*Caes. B.C. III. 48; Suet. Div. Iulius 68. 2; Plut. Caes. XXXIX. 2; App. B.C. II. 61*) (Привычки и свойства самого Помпея описаны Плутархом в – *Pompey II*).

Воины Марка Антония также переносили подобные же тяготы во время борьбы за Мутину, а затем – во время Парфянской кампании (*Plut. Antonius XVII, LIX*).

Авторы (Плутарх, Цезарь и др.) явно приводят эти пассажи не только для того, чтобы запечатлеть крайние лишения, с которыми сталкивалось войско, но, главным образом, чтобы подчеркнуть дисциплинированность этих солдат и их исключительную преданность своему вождю.

Связь между продовольственным обеспечением войск и дисциплиной трудно переоценить. Дисциплина предполагала соответствующий рацион, который также был существенен для обеспечения воинской дисциплины. Эта связь представлена не только посредством принятия Цезарем солдатского стиля жизни ради укрепления своей слабой конституции (см. выше), это демонстрируемо также готовностью дисциплинированного солдата к упорному труду. Онасандр выражается по этому поводу определенно, когда говорит о том, что для привыкшего к трудам война приятна самая простая пища (*Onas. X. 5*).

Иными словами, если солдаты трудятся достаточно упорно, то это имеет следствием готовность их отказаться в отношении питания от всяких излишеств. Смысл данного положения в следующем – если солдат желает чего-то сверх необходимого, то это верный знак того, что его дисциплина не на должной высоте. Кроме того, недостаточная тренированность солдата ведет к ухудшению его самочувствия. Наконец, работа, которой солдат нагружали, была средством обеспечения дисциплины, особенно важным в случае недополучения войском провианта. Успешное подавление у солдат тяги к излишествах (в пище) в тех случаях, когда солдаты не были задействованы по службе и не были сдерживаемы от нарушений своим солдатским статусом, уменьшало необходимость в постоянном контроле за их дисциплиной. Колумелла дает соответствующий совет применительно к виллику (управляющему поместьем, надзирающему за рабами) (*Colum. De re rustica I. 8; ср. Varr. De agri cultura I. 17*): *Nulla est autem maior vel nequissimi hominis custodia, quam operis exaction... ceteri post defatigationem operis quieti ac somno potius quam deliciis operam dabunt* – «Однако нет более действенного способа надзора даже за худшими из людей (т.е. рабов – *C. T.*), чем понуждением их к тяжелому труду... остальные же (рабы – *C. T.*) после тяжких трудов будут покорны и станут скорее стремиться ко сну, чем к излишествах (досл. «к роскоши» – *C. T.*)» (*пер. автора*).

Хотя Колумелла пишет об управлении рабами (а не солдатами), предмет здесь тот же самый: контроль за большой группой людей, естественные потребности которых не могут быть удовлетворены в полной мере. Так, видим, что Онасандр как бы переплетает моральные и практические аргументы в его видении связи между военной дисциплиной и продовольственным обеспечением войска. В этом случае можно обнаружить также очевидную взаимозависимость между эффективной физической тренировкой и ее результатами, обеспечиваемыми посредством простой пищи. В центре этой схемы, по Онсандру, поскольку речь идет о воинской тренировке, – личность полководца. Онасандр подчеркивает, что это обязанность командира – обеспечить должное физическое состояние своих воинов. Он должен обеспечить не просто

всемерную готовность воинов к сражению, но такую их занятость, которая делает для солдата невозможным стремление к излишества, тем более – падение боевого духа в связи с отсутствием таковых.

И все же нельзя не отметить, что, несмотря на очевидную связь между ограничением в пище и военной дисциплиной, археологические и папирологические свидетельства показывают, что римские солдаты имели весьма неплохое питание, во всяком случае в эпоху ранней Империи (см. ниже). Поскольку воины составляли привилегированный слой, это не кажется удивительным [4, p. 125 – 126].

Анекдоты о Помпее и о Цезаре как раз показывают, насколько был непривычен для аристократов столь умеренный режим питания. Самоограничение Помпея и Цезаря явно было связано с военным лидерством, немислимим без демонстрации единства полководца и войска, в том числе посредством принятия полководцем пищи рядового солдата. В этом отношении такой пример поведения демонстрирует, подражая Сципиону Эмилиану, Метеллу и Траяну, император Адриан (*Aelius Spart. Hadrianus* X. 2). Конечно, так поступали многие полководцы, особенно в подобающем месте и в соответствующее время, и особенно когда снимали пробу из солдатского котла, что было правилом в эпоху Империи (*Dig.* XLIX. 16. 12). Фронтин же, рассказывая об известном случае с Александром Македонским, вылившим целый шлем воды перед его измученным жаждой войском, объясняет эти действия полководца стремлением поднять дух солдат примером мужественного поведения их вождя, готового переносить лишения наряду с простыми воинами (*Front. Strat.* I. 7. 7; ср. *Polyaen.* IV. 3. 25, *Plut. Alex.* 42, *Arr. Anabasis* VI. 26. 3): *...utilior exemplo temperantiae, quam si communicare potuisset* – «принесши своим примером воздержания больше пользы, чем если бы он мог поделиться» (*пер. А.Б. Рановича*). И действительно, согласно Арриану, пример возымел действие, воодушевив воинов (*Arr. Anabasis* VI. 26. 3).

Безусловно, классическим примером воздержанности солдат в отношении пищи является описанный Псевдо-Фронтином: солдаты М. Скавра покинули лагерь, в расположении которого оказалась яблоня, покрытая спелыми плодами, не сорвав с дерева ни одного яблока (*[Front.] Strat.* IV. 3. 13). В то время как этот пример приводится у Псевдо-Фронтина, чтобы показать, сколь дисциплинированными могли быть римские солдаты, фактически он указывает и на противоположное – что такая воздержанность рядовых воинов была необычной и даже неожиданной, причем для солдат, достаточно обеспеченных провиантом. И это обстоятельство не отменяется пассажем (в том же месте) Псевдо-Фронтина: *Universi quoque exercitus notabilis saepe fuit continentia* – «Часто поразительной была воздержанность войска в целом» (*пер. А.Б. Рановича*).

Заметим, что приведенный пример воздержанности солдат в пище – единственный, который дает Фронтин (Псевдо-Фронтин), в то время как примеры воздержанности полководцев в этом же сочинении – многочисленны. Тем не менее тональность сообщения о солдатах М. Скавра указывает, каким образом в глазах римлян дисциплина была связана с готовностью принять нехватку провианта. Такая готовность отличает прежде всего полководца, который в принципе имел возможность позволить себе и излишества (в сравнении с солдатами) даже во время похода, и тем не менее должен был практиковать самоконтроль перед лицом бытовых трудностей, которые испытывали его воины.

Есть некоторые основания полагать, что многие офицеры и в походе пользовались предметами роскоши, соответственно, питались много лучше простых солдат. На это указывает, например, рассказ Цезаря об обнаружении в лагере разбитого у Фарсала Помпея большого количества серебряной посуды, приготовленной для победного пира (*Caes. B.C.* III. 96). Является ли это сообщение лишь топосом роскоши или нет (относительно дискуссии о предметах роскоши, упоминаемых Цезарем в описании лагеря Помпея [5, p. 239 – 248]), во всяком случае трудно представить, что офицеры обходились без предметов роскоши. Так, например, Антоний во время Парфянского похода, согласно Плутарху, имел в своем багаже много золотых кубков и блюд, а также дорогой мебели. По-видимому, в его лагере были еще воины, имевшие золотые и серебряные предметы (*Plut. Antonius* XLVIII). И это в то время, когда отсутствовали поставки продовольствия.

Археологические и эпиграфические данные более позднего происхождения как будто подтверждают это картину относительной роскоши. Домашние счета принадлежавшего к сословию всадников Флавия Цереала, префекта ауксилиев батавов в Виндоланде, представляют весьма широкий перечень продуктов питания, возможно включая вино *massic* – настоящую роскошь, особенно для Северной Британии [6, p. 68]. Также и пища, потреблявшаяся в той же Виндоланде рядовыми солдатами, характеризуется разнообразием и обилием, хотя и не столь выраженным, как у офицеров. Согласно данным археологии, можно утверждать, что рядовые воины здесь питались не хуже, если не лучше, чем окружавшее их невоенное население [6, p. 76 – 77; 7, p. 217; 8, p. 202 – 203].

Но здесь совершенно необходимо иметь в виду, что в логистическом отношении армия императорского Рима имела преимущества в сравнении с республиканской, так как почти постоянно пребывала в стационарных лагерях, которые, разумеется, много легче было обеспечивать бесперебойными постав-

ками продовольствия [9, p. 111 – 113]. Республиканские легионы обычно находились не в постоянных лагерях, а, скорее, в летних или зимних (временных), перемещаясь в ходе кампании более активно, что, конечно, затрудняло их продовольственное обеспечение. Это может объяснить, почему армия Антония в Парфии не имела достаточных запасов продовольствия, хотя у солдат и была золотая посуда. Данное различие, по сути, между войском, находящимся в местах постоянной дислокации, и армией, пребывающей в походе, создавало разницу не только в отношении логистики [10, p. 96], но также в отношении системы обучения воинов. Армия императорского Рима привыкала к жизни в постоянном лагере, регулярно обеспечиваемом продовольствием, тем самым отвыкая от перенесения тех тягот, которые всегда сопутствовали активным военным перемещениям в ходе кампаний. Это положение объясняет, почему Сципион и Метелл предпринимали такие усилия, чтобы отучить своих солдат от гастрономических излишеств. Оба их войска стояли слишком долго в стационарных лагерях, привыкая к относительным удобствам. Именно поэтому Онасандр обосновывает необходимость простого рациона для солдат, проходящих военное обучение в мирное время, как обязательной части такой тренировки (*Onas. X. 5*). Ее необходимость в мирное время характеризует эпоху, когда армия уже привыкла жить в лагерях [8, p. 33; 11, p. 59 – 60].

Рекомендации теоретиков военного дела, таких как Онасандр, относительно простого рациона для солдат означают призыв к подготовке войска для несения тягот походной жизни с ее перебоями в поставках продовольствия. Это не просто литературный топос, применяемый, чтобы продемонстрировать опасность роскоши. Данные археологии подтверждают информацию нарративных источников относительно различий в характере питания войск императорского Рима в постоянных лагерях и временных (т.е. походных). Временные лагеря в Римской Британии дают материал, совпадающий (в отношении данных о рационе) с данными о питании местного невоенного населения. В то же время раскопки постоянных лагерей показывают, что здесь солдаты питались гораздо лучше. Характерные археологические данные по римским стационарным лагерям состоят в большем количестве костей крупных рогатых животных, чем на территории местных невоенных поселений, для которых типичнее иной остеологический материал – кости мелких рогатых животных [12, p. 139]. Действительно, британский археолог А. Кинг пишет: «Как можно заметить, первоначально римская армия в Британии имела определенные пищевые предпочтения, которые отличали ее от других (т.е. небританских – *C. T.*) армейских группировок. Понятие «предпочтения» (англ. «preferences» – *C. T.*) здесь используем, поскольку совершенно ясно, что во время активных военных действий, во время вторжения (в Британию – *C. T.*) эти предпочтения были обусловлены стремлением к продовольственному обеспечению из всех возможных источников пропитания ради поддержания у солдат должной физической формы. Результат этого – кратковременное занятие регионов (например, Ход Хилл, Вэддон Хилл, Лонгторп, Хелмсфорд), лежащих среди невоенных поселений с преобладанием на их территории костей мелкого рогатого скота... Постоянные лагеря имеют другую структуру костных останков» (т.е. характеризуются иным остеологическим материалом – костями крупных рогатых животных – *C. T.*) [7, p. 193]. Отметим, что более новые археологические данные подтверждают эти наблюдения [13, p. 201 – 202].

Заключение. Очевидно, что римские солдаты в эпоху поздней Республики – ранней Империи, находившиеся в походе, зачастую не могли получать ту пищу, которую реально предпочитали, что видно при сопоставлении соответствующего археологического материала с материалом из постоянных лагерей. Пребывание в походе вынуждало воинов соглашаться на более скудное питание. Это заставляет нас сделать вывод о неразрывной связи между ограничением в рационе (в ходе обучения войска) и функционированием *disciplina militaria*. С другой стороны, очевидна также связь между логистической деятельностью римского полководца и характером его военного лидерства: чем драматичней складывались условия с материальными (продовольственными) поставками, тем значимее становился такой ресурс полководческого авторитета, как личный пример, харизма. И здесь, по нашему мнению, значимо было не просто индивидуальное поведение полководца, но соответствие этого поведения сложившимся традициям, римскому воинскому этосу. Иначе говоря, логистические аспекты военного лидерства в Древнем Риме – это не только грамотная организация полководцем интендантской службы и умение спланировать кампанию, но в еще большей степени умение военного лидера воспользоваться соответствующими социокультурными установками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Махлаюк, А.В. Духи предков, доблесть и дисциплина: социокультурные и идеологические аспекты античной военной истории в новейшей историографии / А.В. Махлаюк // Вестник древней истории. – 2010. – № 3. – С.141 – 162.

2. Roth, J.P. The Logistics of the Roman Army at War (264 B.C. – A.D. 235) / J.P. Roth. – Leiden: Brill, 1999. – XXI, 399 p.
3. Saller, R. Anecdotes as Historical Evidence for the Principate / R. Saller // Greece and Rome. – 1980. – Vol. 27. – P. 69 – 84.
4. Garnsey, P. Food and Society in Classical Antiquity / P. Garnsey. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – XIV. – 175 p.
5. Rossi, A. The Camp of Pompey: Strategy of Representation in Caesar's *Beiium Civile* / A. Rossi // Classical Journal. – 2000. – № 95. – P. 239 – 256.
6. Bowman, A.K. A Life and Letters on the Roman Frontier / A.K. Bowman. – New York: Routledge, 1998. – 192 p.
7. King, A.C. Animal Bones and Dietary Identity in Military and Civilian Groups in Roman Britain, Germany and Gaul / A.C. King // Military and Civilian in Roman Britain: Cultural Relationships in a Frontier Province; ed. T.F.C. Blagg and A.C. King. – Oxford: British Archaeological Reports. British Series, 1984. – P. 187 – 217.
8. Davies, R.W. Service in the Roman Army / R.W. Davies. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1989. – 270 p.
9. Bishop, M.C. Praesidium: social, military and logistical aspects of the Roman army's provincial distribution during the early principate / M.C. Bishop // The Roman Army as a Community / ed. A. Goldsworthy and I. Haynes. – Ann Arbor: Journal of Roman Archaeology. Supplementary Series, 1999. – P. 111 – 117.
10. Waateringe van Groerman, W. Food for Soldiers, Food for Thought / W. Waateringe van Groerman // Barbarians and Romans in North-West Europe; ed. A.P. Fitzpatrick, J.C. Barret, L. Macinnes. – Oxford: British Archaeological Reports. International Series, 1989. – P. 96 – 107.
11. Le Bohec, Y. The Imperial Roman Army / Y. Le Bohec. – London: B.T. Batsford. Ltd., 1994. – 397 p.
12. King, A. Animals and the Roman army: evidence of animal bones / A. King // The Roman Army as a Community; ed. A. Goldsworthy and I. Haynes. – Ann Arbor: Journal of Roman Archaeology. Supplementary Series, 1999. – P. 139 – 149.
13. King, A. Diet in the Roman world: a regional inter-site comparison of the mammal bones / A. King // Journal of Roman Archaeology. – 1999. – № 12. – 168 – 202.

Поступила 12.11.2012

LOGISTICAL ASPECTS OF MILITARY LEADERSHIP IN LATE REPUBLICAN AND EARLY IMPERIAL ROME

S. TELEPEN

The article deals with the relationship between these important elements of the military leadership, his axiology and routine provision of troops with food. The article explains close relationship between the traditions of self-restraint in food, typical of Roman military ethos, and such specific Roman socio-cultural phenomenon as disciplina militaria. The conclusion is made that the logistical aspects of the military leadership in ancient Rome is not only a competent organization of quartermaster service by the commander and the ability to plan the campaign, but even more the ability of the military leader to use community sociocultural aims of the Roman army to self-restrain in material consumption.

УДК 94(476.5)

**ПОЛАЦК І ПОЛАЦКАЯ ЗЯМЛЯ У ГІСТАРЫЧНАЙ ПАМЯЦІ ЖЫХАРОЎ
ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА XVI СТАГОДДЗЯ****А.А. СЕМЯНЧУК****(Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы)**

Разглядаюцца праблемы фарміравання гістарычнай памяці ў Вялікім Княстве Літоўскім XVI стагоддзя на прыкладзе Полацкай зямлі. Карыстаючыся метадалагічнымі прыёмамі нямецкіх гісторыкаў Я. Асмана і О.Г. Эксле, аўтар паказвае, што культурная памяць аб Полацку і Полацкай зямлі ў XVI стагоддзі па-рознаму інтэрпрэтавалася ў розных сацыяльных групах, сярод праваслаўных і католікаў. Тут ствараліся гісторыка-літаратурныя творы, якія зафіксавалі свой вобраз рэчаіснасці з гэтай стварэння так званай канэктыўнай структуры грамадства.

Хто летапіс твой скраў крывёй паліты...
Ул. Арлоў “Ёсць гарады прыдуманая Богам”

Уводзіны. Сярод гісторыкаў няма аднадушша адносна ідэі вызначэння супольнай памяці. Хтосьці сцвярджае: “Няма супольнай памяці. Памяць заўсёды толькі індывідуальная, чаго не змяняе факт, што некаторыя яе састаўляючыя могуць быць агульнымі для многіх асоб, і што існуюць – як пісаў французскі сацыёлаг Марыс Хальбвакс – грамадскія рамкі памяці” (Ежы Ядліцкі). Нямецкія гісторыкі Алейда і Ян Асманы лічаць, што супольная памяць існуе. Прычым выдзяляюць у ёй 4 узроўні, у тым ліку *памяць камунікатыўную* (актыўная памяць і дасведчанні жывучых пакаленняў, якія перадаюцца праз інтэрактыўныя дзеянні, але нефармальным спосабам, у выглядзе вуснай камунікацыі), якая дзейнічае прыблізна на працягу 3 – 4 пакаленняў; і *памяць культурную*, якая вызначаецца свядомым стасункам групы людзей да мінулага на канкрэтнай культурнай прасторы, якая перадаецца праз розныя формы грамадскай камунікацыі: пісьмо, вобраз, святы, рытуалы і г.д. Ян Асман пісаў: “Пераход ад вуснага да пісьмовага пераказу традыцыі азначаў пераход ад дамінацыі паўтарэння да дамінацыі ажыццяўлення (здзяйснення), гэта значыць ад кагэрэнцыі рытуальнай да тэкстуальнай. Так утварылася новая *канэктыўная структура*. Яна злучае і яднае ўжо не дзякуючы захоўванню і перайманню, але дзякуючы памяці і інтэрпрэтацыі” [1, с. 32]. Нямецкі культуралаг сцвярджае, што канэктыўная структура злучае грамадства ў часе і прасторы, стварае “сімвалічны свет значэнняў”, зразумелых у дадзеным грамадстве. Дзякуючы яе аб’ядноўваючай сіле адзінкі знаходзяць арыенціры ў свеце і пачуццё бяспекі. Прычым злучае іх не толькі ўвядзенне пэўнага парадку рэчаў і звычаяў, але таксама сувязь сучаснасці з мінулым. Адбываецца гэта шляхам фармавання і захавання істотных дасведчанняў і ўспамінаў, а таксама ўключэння вобразаў і аповесцяў з іншага часу ў сучасны момант. Чыннікам, які звязвае мінулае з сучаснасцю, з’яўляюцца міфічныя і гістарычныя нарацыі, а плёнам гэтай сувязі з’яўляецца надзея і памяць [1, с. 32].

У прынцыпе, у канцэпцыі Яна Асмана, як і іншых нямецкіх гісторыкаў і культуралагаў, прысутнічаюць ідэі, папулярныя яшчэ ў XIX стагоддзі. Напрыклад, Густаў Дройзэн (1808 – 1886) у сваёй “Гісторыцы” (Historica, тэорыя гістарычнага пазнання) пісаў: “Праводзячы гістарычныя даследаванні, мы мусім усведамляць, што змест нашага ўласнага “я” ёсць вынікам шматразовага пераказу, ёсць рэзультатам гістарычнага працэсу. Усведамленне функцыянавання такога пераказу і ёсць уласна сутнасцю памяці” [2, с. 14].

Як адзначае выбітны нямецкі гісторык Отта Гергард Эксле, памяць ёсць удзел кожнага, хто ў стане паглядзець на сябе і растлумачыць сваё “я” ў кантэксце тагачаснай свядомасці сваёй мінуўшчыны. Яна таксама ёсць удзел груп, у адносінах да якіх гісторык можа сказаць, што яны не толькі мелі сваю гісторыю, але стараліся гэтую гісторыю пазнаць і зразумець. Гэта датычыць і груп, звязаных вузамі сваяцтва, сем’яў і родаў шляхецкіх і мяшчанскіх, манаскіх суполак, гільдый, цэхаў, універсітэтаў і ўсялякіх камун. Ва ўсіх гэтых выпадках мы маем дачыненне да “групавой памяці”, прычым у дваякім значэнні: 1. Групавой абумоўленасці ўсялякай жывой памяці; 2. Методы гістарычная ёсць сутнасць, а нават канстытутыўны чыннік у працэсе паўстання і існавання такіх груп” [2, с. 14].

Асноўная частка. Мы будзем весці гаворку пра памяць і інтэрпрэтацыю яе ў наратыўных тэкстах жыхароў ВКЛ XVI стагоддзя. Прадметам гаворкі будзе іх культурная памяць пра Полацк і Полацкую зямлю. Культурная памяць – гэта прэрагатыва не адзінкі, але арганізаваных інстытуцый: рэлігійных суполак, гараджан, асяродкаў улады і г.д., якія свядома “ствараюць гісторыю”, часта далёкую ад рэальных падзей, але служачую іх актуальным інтарэсам. Дзякуючы сваёй гісторыі, захаванню ва ўспамінах свайго светаўяўлення, суполкі знаходзяць погляд на генэзіс уласнага, ужо ўсталяванага быцця, здабываюць як бы тлумачэнне сваёй сутнасці і ведаў пра саміх сябе. Гэтая самасвядомасць з’яўляецца супольнай уласнасцю ўсіх членаў дадзенага грамадства і робіць яго больш моцным, і чым больш багатая самасвядомасць, тым грамадства больш эмацыянальна скансалідаванае.

Фармаванне культурнай памяці ажыццяўляецца праз свядомы выбар (селекцыю) памяці і мадыфікацыю формаў яе перадачы і ахоплівае тры ўзроўні, альбо “тры прасторы для рэфлексіі” [3, с. 28]: 1) чысты факт з мінулага як прадмет актыўнага памятання; 2) развіццё тоеснасці культурнай групы, альбо, іншымі словамі, будаванне пачуцця прыналежнасці да супольнасці ў асобных адзінак; 3) працяг (кантынуацыя) вышэй згаданага, г. зн. стварэнне традыцыі праз селекцыю і інтэрпрэтацыю, якую пэўныя інстытуцыі захоўваюць.

На прыкладзе Полацкай зямлі можна прадэманстраваць працэс фармавання культурнай памяці розных сацыяльных груп у Вялікім Княстве Літоўскім у XVI стагоддзі. Тут мы маем дачыненне не да факта існавання старажытнага Полацкага княства ў IX – XIII стагоддзях, а да будавання пачуцця прыналежнасці да новай супольнасці (ВКЛ), якое адбываецца праз селекцыю дадзеных і іх інтэрпрэтацыю пэўнымі інстытуцыямі ў рамках паміж памяццю камунікатыўнай і культурнай. Як было сказана вышэй, культурная памяць вызначаецца свядомым стаўленнем сацыяльнай групы да мінулага на канкрэтнай культурнай прасторы. Такім чынам, нам трэба вызначыцца, па-першае, з сацыяльнымі групамі і іх інстытуцыямі, якія стваралі камунікатыўную памяць. А па-другое, акрэсліць прастору, пра якую будзе весціся гаворка. Прастора гэтая не заўсёды адпавядае тэрыторыі Полацкага княства IX – XIII стагоддзяў, у XVI стагоддзі гісторыя Полацкай зямлі стваралася ў тым ліку па-за яе геаграфічнымі межамі і ў прасторы “ментальнай”. Відавочна, што ў залежнасці ад характару сацыяльных груп і культурнай прасторы, на якой яны дзейнічаюць, вынікі даследаванняў будуць адрознівацца. Так ствараецца “супольнасць памяці” (Пьер Нара), характэрная для кожнай грамадскай групы. Таму вельмі складана аб’яднаць у адну карціну гістарычныя звесткі пра Полацк, якія паходзяць з розных крыніц і прызначаліся для рознай публікі, як дагэтуль робяць сучасныя гісторыкі пазітывісцкага накірунку.

Эксле О.Г. выказаўся адназначна: на гэтыя пытанні не можа быць простых адказаў ідэалістычнага, матэрыялістычнага ці пазітывісцкага характару, г. зн. іх нельга растлумачыць супрацьпастаўленнем “базісу” і “надбудовы” альбо “рэчаіснасці” і “ідэалу” [3, с. 28]. Прычына ў вышэйзгаданым: яны паходзілі з розных асяродкаў, якія знаходзіліся ў адносінах рознай ступені блізкасці. Падобную сітуацыю К. Крошэль назваў “складаным размежаваннем між сацыяльнымі структурамі і іх паняццем пра сябе”, а Ж. Дзюбі ўказаў на тое, што ў вырашэнні пытання аб “размежаванні між сацыяльнымі структурамі і іх паняццем пра саміх сябе” неабходна ўлічваць тры моманты: па-першае, сацыяльную рэчаіснасць, па-другое, той яе вобраз, які склаўся аб ёй у людзей; па-трэцяе, паводзіны людзей, якія абумоўлены не толькі рэчаіснасцю, але і гэтым яе вобразам [3, с. 30]. Паводле гэтай канцэпцыі, мы маем справу 1) са звесткамі па полацкай гісторыі X – XIII стагоддзяў, 2) а таксама з яе вобразам, які склаўся ў людзей у XVI стагоддзі, прычым некаторыя з іх паходзілі з іншых краін, напрыклад, з Масковіі альбо Польшчы, іншыя з ВКЛ, але з розных асяродкаў – праваслаўнага ці каталіцкага, г. зн. *Slavia Orthodoxa* і *Slavia Latina* (Рікарда Піккія) (і нават у праваслаўным асяроддзі існавалі розныя групы); 3) з паводзінамі жыхароў ВКЛ, якія абумоўлены рэчаіснасцю XVI стагоддзя, але таксама і вобразам мінулага.

Мэта працы – даследаваць культуратворчыя асяродзі і матывы з’яўлення ў іх нарратыўных твораў у XVI стагоддзі, што прымушала саміх жыхароў Полацкай зямлі змяняць сваю візію мінулага. Даследчыкамі даволі падрабязна прааналізаваны звесткі пра Полацк і Полацкую зямлю ў нарратыўных творах XV – пачатку XVI стагоддзя: “Летапісцы вялікіх князёў літоўскіх” і “Хроніцы Вялікага княства Літоўскага”, г. зн. I і II летапісных зводах і ў “Хроніцы Быхаўца” (ХБ). Тут можна назваць найноўшыя працы Алега Латышонка [4], Васіля Вароніна [5 – 7], Алега Ліцкевіча [8; 9], а таксама ранейшыя працы Барыса Флары [10] і Юрыя Заяца [11]. У цэлым сучасную беларускую гістарыяграфію адрознівае больш глыбокі і ўзважаны погляд на полацкую гісторыю, чым у ранейшай літаратуры, калі з лёгкай рукі В.М. Тацішчава ў беларускай гістарычнай навуцы з’явілася думка, быццам бы існаваў полацкі летапіс, які быў страчаны альбо нават знішчаны надобразычліўцамі. Чытаем ў Ю. Заяца: “...в распоряжении М. Стрыйковского имелась не дошедшая до нас летопись, содержащая либо уже в переработанном, либо в оригинальном виде информацию о Завилийской земле. Во втором случае это могли быть полоцкие летописи” [11, с. 88]. Маскоўскія гісторыкі Д. Аляксандраў і Д. Валадзіхін перакананы, што, як “показали недавние исследования, известный русский историк (В.Н. Татищев – А. С.) пользовался многими не дошедшими до нас летописями, делая из них большие выписки» [12, с. 18]. Апошняя праца Аляксея Талочкі пра В.М. Тацішчава дае падставы меркаваць, што гэта не адпавядае рэчаіснасці: ў распараджэнні Тацішчава не было крыніц, не вядомых сучаснай навуцы [13, с. 21]. Ускосна аб гэтым сведчыць усё тая ж *Хроніка* Мацея Стрыйкоўскага, які выкарыстаў амаль усе даступныя яму крыніцы, і ў якой мы амаль не сустракаем слядоў невядомых помнікаў пісьменства, якія былі б створаны на тэрыторыі ВКЛ, у тым ліку ў Полацкай зямлі. Усё больш крыніц Стрыйкоўскага, акрамя тых, што ён сам указаў у сваіх працах, ужо вядомыя даследчыкам. Напрыклад, Д. Аляксандраў і Д. Валадзіхін лічаць, што адной з крыніц *Хронікі* Стрыйкоўскага мог быць так званы “Рагожскі летапісец” альбо якісьці іншы летапіс, утрымліваючы інфармацыю аб Смаленску [14, с. 70 – 74].

Вучоныя М. Ермаловіч, Ю. Заяц, А. Латышонка, Д. Аляксандраў і Д. Валадзіхін, а таксама некаторыя іншыя даследчыкі дапускалі думку, што полацкі перыяд гісторыі Беларусі XI – XIII стагоддзяў быў фальсіфікаваны. “Невольно возникает впечатление, что составитель свода (II звода – А. С.) сознательно

опускал сведения по истории белорусских земель, и прежде всего Полоцкой земли” [11, с. 86; 4, с. 266 – 267]. И далее Ю. Заяц пише: “В более поздних летописях и хрониках Великого княжества Литовского сведений по истории белорусских земель X – XIII веков больше, чем в своде 1446 года, но те из них, что извлечены из древнерусских источников, представлены зачастую в значительно переработанном и искаженном виде” [11, с. 86].

Зразумела, што больш звестак магло з’явіцца з-за таго, што асобныя сацыяльныя групы зацікавіліся сваім мінулым і ў эпоху Рэнэсансу пачалі займацца пошукам інфармацыі гістарычнага характару дзеля магчымай самаідэнтыфікацыі. Той факт, што звесткі пра Полацкую зямлю на старонках беларуска-літоўскіх летапісаў II і III зводаў саступаюць па колькасці звесткам пра пачатковы перыяд фарміравання тэрыторыі ВКЛ цалкам натуральна: сэгрэгацыя інфармацыі адбывалася ў адпаведнасці з прыярытэтамі эліт пэўных грамадскіх колаў. Для рэдактараў II і III зводу было важна паказаць не столькі *рускую аснову* ВКЛ, што ўжо было зроблена ў I зводзе, колькі дадаць інфармацыю пра *літоўскую аснову*, якая была раўнапраўным этнакультурным складнікам грамадства, а ў палітычных і рэлігійных адносінах у XV – пачатку XVI стагоддзя выйшла на першае месца, аднак дагэтуль не была прадстаўлена ў гістарычным дыскурсе ўнутры краіны. Варта нагадаць, што ўсе тры летапісныя зводы працягвалі паралельна існаваць і ўздзейнічаць на гістарычную свядомасць насельніцтва ВКЛ.

Сёння з дапамогай кантэнт-аналізу ці герменеўтычнага метаду даследчыкі спрабуюць злучыць паміж сабой у адзіную тканіну звесткі аб Полацкім княстве, якія паходзяць з абсалютна розных крыніц, імкнучыся збудаваць “аб’ектыўную” гісторыю гэтага протадыржаўнага ўтварэння. Гісторык павінен даваць сабе справядзачу, што яго гістарычная навука не апісвае гісторыю, якой яна была “сама па сабе” альбо “па сутнасці”, якой яна была “ў сваім рэальным існаванні”, “у гістарычным зерне”, а спрабуе пазнаць гістарычныя феномены з дапамогай пэўных *пастановак даследчых праблем* і метадаў, схем успрыняцця і тлумачэння, якія з’яўляюцца адноснымі і аспектыўнымі не ў апошнюю чаргу менавіта таму, што самі яны былі апасродкаваны гістарычна [3, с. 95].

Нямецкі гісторык О.Г. Эксле дае нам прыклад, як можна даследаваць *ментальную гісторыю* асобных грамадскіх груп, напрыклад, сярэднявечных гільдый – суполак, аб’яднаных клятвай і гільдзейскай трапезай. Француз Бернар Генэ даследуе зараджэнне культурнай памяці ў асяроддзі тэолагаў і манахаў, міран і кліру, праўнікаў і канцылярыстаў [15]. Для даследавання падобных, скажам, купецкіх арганізацый у Полацку мы маем збор *Полацкіх грамад* (выдадзены Ганнай Харашкевіч), паводле якіх можна прасачыць, што менавіта злучала полацкіх мяшчанаў у адзіную сацыяльную групу, надавала ім кшталт культурнай групы. Нажаль, бедны комплекс наратыўных крыніц з Полацку (у тым ліку лістоў, мемуараў і г.д.) не дазваляе прадэманстраваць працэс фармавання культурнай памяці ў поўным аб’ёме, але такія спецыфічныя помнікі пісьменства, як хронікі (на наш погляд, трэба паступова адыходзіць ад прынятага дагэтуль тэрміна “беларуска-літоўскія летапісы” і замяняць яго на “хронікі”), могуць даць пэўнае ўяўленне аб метадазе. Пры гэтым нельга дапускаць паблажлівага ці пеяратыўнага стаўлення да асобных наратыўных крыніц, а спрабаваць паслядоўна і аднолькава сур’ёзна даследаваць іх усе.

Так, на старонках некаторых даследаванняў ледзь не асуджаецца дзейнасць Гаштольдаў па стварэнні “Хронікі Вялікага Княства Літоўскага”, дзе ўпершыню ў аформленым выглядзе сустракаецца легенда аб рымскім паходжанні літоўскай знаці. Але не звяртаецца ўвага на тое, што легенда была літаратурна-публіцыстычным памфлетам, ці, як пісаў У.Ц. Пашута, помнікам грамадска-палітычнай думкі XVI стагоддзя [16, с. 67, 73]. Яна на самой справе адлюстроўвае памкненне этнічна літоўскіх колаў увесці ўласны этнагенез у гістарычны дыкурс ВКЛ. Амаль сінхронна з’яўляецца *Хроніка Быхаўца*, дзе аб’ядналіся ўсе вядомыя звесткі летапісаў адносна так званых рускіх земляў ВКЛ, што дае магчымаць гаварыць пра фармаванне ідэалагічных падстаў функцыянавання і кансалідацыі розных эліт ВКЛ у цэлым. Дарэчы, наступным крокам у гэтым кірунку была гістарыяграфічная дзейнасць Мацея Стрыйкоўскага, аўтара *Хронікі польскай, літоўскай, жмудскай і ўсёй Русі*, які інтэгруе беларуска-літоўскую гісторыю ў польскі гістарычны дыкурс спецыфічным спосабам свайго часу: ён аб’ядноўвае легенду аб рымскім паходжанні літоўцаў з так званай сармацкай тэорыяй паходжання палякаў. У эпоху Рэнэсансу падобныя этнагенетычныя штудыі прадпрымаліся ў розных краінах Еўропы [17]. Але займаліся гэтым эліты пэўных сацыяльных груп, якіх цікавіла свая этнічнасць, канфесійная прыналежнасць, культурна-гістарычная адметнасць.

Грамадзянскія войны пачатку XV стагоддзя ў ВКЛ наклалі свой адбітак на айчынную гістарыяграфію. Так званы I летапісны звод 1446 года складаецца з некалькіх частак: “Пахвалы Вітаўту”, хронікі 1436 года, летапісу 1445 года і “Летапісца вялікіх князёў літоўскіх”, якія адлюстроўваюць погляды смаленскіх епіскапаў Герасіма, Сямёна і Місаіла [18, с. 17 – 50], гэта значыць прывілеяванай часткі праваслаўнага духавенства. Месцам стварэння летапіснага зводу даследчыкі адзінадушна лічаць Смаленск [18]. Па тэксце спісаў I зводу можна прасачыць эвалюцыю поглядаў мясцовага кліру на ўладу вялікіх князёў літоўскіх Вітаўта ды Свідрыгайлы. Вобраз Вітаўта на старонках летапісаў змяняецца ў адпаведнасці са зменай іх аўтараў, рэдактараў і заказчыкаў. Патрыятычнае абурэнне гучыць у словах аўтара Нікіфараўскага летапісу (самага старажытнага з вядомых нам), які піша аб захопе Вітаўтам Смаленска ў 1395 годзе, а

потым у 1398 годзе: “И тако *твори над ними обльсть, и вызва их из града лествю*, акы право судити хотя, и разделити им очину по жребию. Они же веру яша словесем его, и выехаша к нему с дары, вси братья Святъславичи и вси князи смоленский, донедеже не оста ни един в граде, но и с бояры своими. Он же поймав их, всех князии смоленских, и посла их в свою землю Литовскую, а сам посад пожже и люди многы полони, и тако все княжение Смоленское взял за себе, и наместника своего посади, князя Ямонта да Василия Бореикова. Се пръвое взятие Смоленское месяца септеврия 28, в вторник” [19, с. 30].

Аднак абурэнне ўчынкамі Вітаўта змяняецца яго ўсхваляем у адпаведным раздзеле Супрасльскага летапісу, які пачынаецца словамі “Таину таити цареву добро есть, а дела велика господаря поведати добро жь есть. Хочю вамъ поведати о великомъ князи Александри, зоведемъ Витовъти литовскомъ и рускомъ, иных многих земель господарь” [20, с. 58 – 59], так званая “Пахвала Вітаўту”.

Свідрыгайла, якому пасля смерці Вітаўта да 1436 года належалі рускія землі ВКЛ, у тым ліку Полацк (“И прииде Шьвитригаило на Польтеск и на Смолнеск, и князи рускьи и боляре посадиша князя Шьвитригаила на великое княжение на Руское” [19, с. 34]), не знаходзіць у праваслаўнага летапісца спачування, яго сімпатыі, хутчэй, на баку Жыгімонта Кейстутавіча (“И седе на великое княжение князь великый Шьвитригаило Олгирдовичь на Вилне и на Троцех. И князи великый князь Шьвитригаило два года без дву месяцеи, и при своем княжении отпусти смоленского владыку Герасима в Царьгород на митрополию. *И не управляше земли. И Литва же посадиша* великого князя Жидимонта Кестутьевича на великом княжении на Вилне и на Троцех месяца сентября 1 день”). Непрыхільнасць да Свідрыгайлы выклікана, між іншым, тым фактам, што ён загадаў спаліць мітраполіта Герасіма. Гэта негатыўна адбілася на характарыстыцы ўсіх учынкаў князя, які згубіў, на думку летапісца, прыхільнасць Бога.

Нікіфараўскі летапіс [19, с. 35]	Супрасльскі летапіс [20, с. 58]
На лето же събрашяся Шьвитригаило со князи рускыми и с боляры и с всею силою рускою, и поиде на Литву, а мештеръ приде с своею силою на помощь к Шьвитригаилу, и сняся с Шьвитригаилом в Бряславли. И <i>божшм повелением</i> паде на землю моча велика, за тым же не можааху в Литовскую землю поити. Князь Шьвитригаило вьзвратися в свою землю, и мештеръ поиде в свою землю, и распусти силу свою, князеи и бояр в Полоцьку, а сам поиде к Киеву. И на третее лето князь великый Шьвитригаило сожже Герасима митрополита у Витебську... И за то <i>бог не пособи</i> Шьвитригаилу, что сожже митрополита Герасима, и поможе бог князю вяликому Жидимонту и его сыну князю Михаилу».	На лето жь собрашяся Шьвитригаило со князи рускыми и со бояры и со всею силою рускою поиде на Литву, а мештер и своею силою приде на помощь Шьвитригаилу, и соняша Шьвитригаиломъ во Бряславли. И <i>божшм повеление</i> паде на землю моча велика, за тым не можаху в Литовскую землю поити. Князь Шьвитригаило возвратися во свою землю, а мештеръ во свою землю, и распусти силу свою, князеи и боярь в Полоцьку, а самъ поиде ко Киеву. На тертее лето князь великый Шьвитригаило сожже Герасима митрополита у Витебску... И за то <i>бог не пособи</i> Шьвитригаилу, что сожже митрополита Герасима, и поможе бог князю великому и его сыну князю Михаилу.

Эвалюцыя стаўлення да ўлады вялікіх князёў літоўскіх у праваслаўным асяроддзі ўсходніх земляў Вялікага Княства Літоўскага (былыя Полацкае і Смаленскае княствы) напрыканцы XV – пачатку XVI стагоддзяў зводзіцца да цалкам лаяльнай пазіцыі ў адносінах да цэнтральнай улады (“Братие, бога боитесь, а князя чтите” [20, с. 58]). Пасля таго як Вітаўт ліквідаваў Полацкае княства і пачаў прызначаць у Полацк сваіх намеснікаў, ва ўнутрыпалітычнай сітуацыі амаль нічога не змянілася [21, с. 50 – 52]. Больш таго, нам вядома, што смаленскія і полацкія епіскапы Герасім, Сімяон, Місаіл, Іосіф былі прыхільнікамі ідэй фларэнцкай уніі [22, с. 158 – 166], таму ўлада каталіцкіх гаспадароў ВКЛ успрымалася імі адэкватна. Адсюль у II і III летапісных зводах у цэлым пераважае патрыятычная танальнасць.

Барыс Флора адзначаў, што ў II летапісным зводзе “захавалася памяць аб тым, што ў пэўны гістарычны момант дынастыя князёў, якія панавалі ў Полоцку, перарвалася, і горад пераўтварыўся ў самастойную рэспубліку. Верагодна, у якасці такой рэспублікі Полацк вёў перамовы з гаспадарамі Вялікага княства Літоўскага аб умовах пераходу пад іх уладу, але звестак аб гэтым у афіцыйным летапісанні Вялікага княства Літоўскага не захавалася. У адносна невялікім апавяданні «Хронікі» аб старажытным Полоцку двойчы сустракаюцца спасылкі на парадкі ў Ноўгарадзе і Пскове, каб чытачу сталі зразумелымі асаблівасці палітычнага ладу Полацка. Відаць, у першыя дзесяцігоддзі XVI стагоддзя ва ўяўленнях насельніцтва ВКЛ Ноўгарад і Пскоў выступаюць як свайго роду ўзор гарадской рэспублікі” [10, с. 115].

Аднак трэба вярнуцца да пачаткаў полацкай гісторыі, якая з’яўляецца на старонках так звананага II летапіснага зводу, а потым у “*Хроніцы Польскай, Літоўскай, Жмудскай і ўсёй Русі*” Мацея Стрыйкоўскага. На думку М. Стрыйкоўскага, упершыню літоўскія князі Кернус і Гімбут перайшлі Вілію і заваявалі Завілейскія землі, якія належалі Полацкаму княству ў 1065 годзе, калі адбывалася паўстанне ў Кіеве, і вялікі князь Ізяслаў Яраславіч уцёк у Польшчу (дату Стрыйкоўскі рэканструяваў сам, на самой справе – 1068 год [23, с. 86; 24, с. 128]). Ю. Заяц меркаваў, што паход легендарных літоўскіх князёў быў акцыяй у адказ на прасоўванне палачан уніз па Віліі [11, с. 88].

Паводле “Летапісца Вялікага княства Літоўскага і Жамойцкага” першым легендарным правіцелем Полацка з літоўскай дынастыі быў Мінгайла, сын Навагрудскага князя Скірмунта (паводле *Хронікі Быхаўца* – сын Эрдзівіла).

Летапіс Красінскага [25, с. 231 – 232]	Хроніка Быхаўца [26, с. 478 – 480]
а Скірмонт на Новеградце, и на многых Руских городех и много лет княживши Скірмонтоу на тых городех и оумре, а по нем начнет княжити сынъ его Мінъкгайло собравши воиска свои и поиде на город Полтескъ и на моужи Полочане которыи вechом справовалися яко великий Новгород и Псковъ, и напервей пришли к городу ихъ реченому Городец, и моужи Полочане опольчившия полки своими и стретили ихъ под Городцомъ а великий бой и сечоу межи собою вчинили и поможе Богъ великому князю Мингаилоу и побил моужов Полочанъ на голову, и городъ ихъ Городецъ сожже и город Полтескъ возмет и остал великим княземъ Полоцким (sic!) и пановаль много летъ и умре и оставит по себе двоух сыновъ своихъ одного Шварна, а другого Кгинвила. И Шварнъ почне княжити на Новеградце, а Кгинвиль на Полоцку, и поимет Кгинвиль дочку оу великого князя Тверского Бориса именем Марью, для которе жъ окрился в Роуску веру, и дали ему имя тестя его князя Тверского Борис, и тот Кгинвиль, нареченный Борис вчинил город на имя свое на реце Березыни, и назвал его Борисовъ, и будучи емоу Русином был велми набожень. И вчинил церковь каменую в Полоцку святое Софии. Другую святого Спаса девич монастырь оу верхъ реки Полоты. От града оу полоу мили третию церковь на Белици святых Бориса и Глеба монастырь. И пануючи ему в Полоцкоу. Был ласкав на подданных своихъ и дал им подданным своим волности и вechо мети и въ звонъ звонити, и потому оу справовати яко оу великом Новеградце и Пскове. И тот князь Борис с тою жоною мель двое детеи. Сына Глеба а дочкоу Парасковгию. И сам оумре а по себе на Полоцку оставит сына своего Глеба. <u>А дочка Парасковгия обецала девитство свое заховати в целости до живота своего и пострыглася в черницы оу святого Спаса в монастыри над Полотоу и мешкала там сем летъ Богу служачи и книги пишучи на церковь, а потом забралася до Рима и в Риме служила Богу пилне и мешкала колко годовъ. И осталася которую называютъ святая Пракседыс. А по Руский Парасковгия, которой ж в Риме и костел збоудовали. На имя ее святое там же ее положили</u> (падкрэслена – А. С.). А брат ее князь Глеб Полоцкий в молодых летех своих. Княживши не много лет в Полоцку и оумре и положень быс оу святое Софии в Полоцку. <u>Со отцомъ своим во одном гробе.</u> А Полочане потом почали зася вechом справоватися. Как оу великом Новеградце и Пскове. А пана над собою не мели, и възвратимся воспак.	Y panuicyzcy wielikomu kniazii Wykintu w Zomojtskoy zemli, a Jerdywil w Nowohorodcy y w tych wyszereczennych horodech, y zatym umre kniaz wieliki Wykinth, y po nem naczniet kniazty Zywinbud kniaz wieliki Litowski, obema tymi kniazienij Litwoiu y Zomojtiju, a Jerdywil na Nowohorodcy i na wsich tych wyszey reczennych Ruskich horodech y mnoho let Erdywil kniaz zywszy na tych horodech y umre. A po nem naczniet kniazty syn jeho Mingaylo. Y po smerty otca swoiego kniaz wieliki Mingaylo sobrawszy woyska swoi, y poyde na horod Poltesk, y na muzy Poloczane, kotoryie weczom sia spravowali, kak wieliki Nowhorod, y Pskow y naperwey przszli ko horodu ich recenomu Horodeń, y muzy Poloczanie opolczywszysia polki swoimi, y stretyli ich pod Horodcom, y wielik boy y seczu mezy soboiu wczynili, y pomoze Boh wielikomu kniazii Mingaylu, iz pobil wsiech muzej Poloczanc, na holowu y horod ich Horoden sozże, y horod Poltesk otmet, y ostał welikim kniazem Polockim (sic!) y buduczcy iemu wielikim kniazem Polockim y Nowhorodskim y panował mnoho let, y umre Y ostawil po sobi dwuch synow swoich, odnoho Skirmunta, a druhoho Ginwila, y Skirmunt naczniet kniazty na Nowohorodce, a Ginwil na Polocku, a poymet Ginwil doczku u wielikoho kniazia Twerskocho w Borka imenem Maryiu, dla ktoroieoz ochrystylsia w Ruskuiu wiru, y dali imia jemu Jurij, y tot Jurij panował nemnoho let i umre. A po sobi zostawil syna swoiego Borysa na Polocku, y tot kniaz Borys wczynil horod na imia swoie na rece Berezyni i nazwał ieho Borysow. Y buduczcy iemu Rusinom był welmi nabożon, y wczynil cerkow kamennuiu u Polocku swiatoie Sofij. Druhuju swiatoho Spasa, dewic monastyr, u werch reki Poloty ot horoda w polu mili. Tretiiu cerkow monastyr na Belczycy swiatoho Borysa y Hleba. A panuicyzcy iemu w Polocku był łaskaw na poddanych swoich, y dał im poddanym swoim wolnocy, y weczom mety y w zwon zwonity, y potomu sia radyty kak u Welikom Nowohorode y Pskowe, a potom kniaz Borys Polocki umre. A po sobi zostawil syna wsiojeho na Polocku Rohwołoda prerekomoho Wasilja, y tot kniaz Wasilie Polocki żyw nemało na Polocku y umre. A po sobe zosawil syna Hleba, y doczku Paraskowiiu i <u>taia doczka obicala dewictwo swoje zachowaty w celocy do żywota swojeho, y postryglasia w czernicy u swiatoho Spasa, u monastyry nad Polotoiu, y mieszkała tam sem lit Bohu služeczcy, y knihi piszuczcy na cerkow. A potom zobralasia do Ryma, y w Rymie meszkaiuczcy Bohu służyla pilne, y mieszkała kolkoś hod, y oswiatylasia, ktorouiu zowut swiataja Praxedis, a po Rusku Paraskowia, ktoroy że w Rymie i kostel zbudowali, na imia jeie swiatoie, y tamże jeie položyli</u> (падкрэслена – А. С.). А брат ieie kniaz Hleb Polocki, w molodych letech swoich umre, y položon byst u swiatoie Sofij w Polocku, so otcem swoim u odnom hrobi. A Polczane poczali weczom sia spravowaty kak u Welikom Nowohorode y Pskowe, a pana nad soboiu ne meli, i obratymysia wospak.

Гэтае паведамленне мае характар асобнага апавядання. Як адзначаў М.М. Улашчык, звычайна складальнік летапісаў устаўкі, запазычаныя з іншых крыніц, скончваю гэтым “възвратимся воспак”. Ён жа ўпершыню называе гэты ўрывак “апавесцю пра Полацк” [27, с. 163], на што нядаўна звярнула ўвагу маладая ўкраінская даследчыца Марына Філіповіч [28]. Два вышэйпрыведзеныя ўрыўкі адрозніваюцца

нязначнымі дэталямі: па-першае, Мінгайла ў другім зводзе лічыцца сынам Скірмунта, а ў трэцім – Эрдзівіла. Сын Мінгайлы Гінвіл паводле II звода прыняў хрысціянскае імя Барыс, паводле III – Юрый. Далей *Хроніка Быхаўца* дадае два пакаленні да генеалогіі, прынятай у другім летапісным зводзе. Барыс аказваецца сынам Юрыя, а не Мінгайлы, і будзе горад Барысаў на Бярэзіне. Ён жа меў сына Рагвалода, “рэкомага Васіль”. Апошні з’яўляецца бацькам Глеба і Прасковіі (магчыма, Еўфрасінні). Як заўважыў Б. Флора: “Упомянутые князья могут быть отождествлены с сыном Всеслава Полоцкого Борисом, скончавшимся в 1129 г., сыном Бориса, Василием-Рогволодом, сидевшим на полоцком столе в 50 – 60-е годы XII века (последний раз упоминается в 1171 г.) и сыном Василия-Рогволода, Глебом (упоминается в Ипатьевской летописи под 1180 г.)” [10, с. 112].

Не ўступаючы ў палеміку з папярэднімі даследчыкамі беларуска-літоўскіх летапісаў (В. Чамярыцкім, М. Улашчыкам), а таксама прызнаючы ўласныя памылкі (аб існаванні полацкага летапісу [29, с. 24 – 29]), у дадзеным тэксце мы пакажам, як дзейнічалі механізмы фармавання культурнай памяці, на прыкладзе Полацкай зямлі. Механізмы маглі быць інстытуалізаваныя і неінстытуалізаваныя. Да першых належыць асяродкі ўлады, культуры, рэлігіі, адукацыі. Да другіх – памяць камунікатыўная, пераважна вусная гісторыя. Зразумела, што ў XVI стагоддзі інстытуалізаваныя механізмы перадачы гістарычнай памяці набываюць важнейшае значэнне ў параўнанні са стыхійнымі формамі камунікатыўнай памяці. Сацыяльныя групы, якія разумелі іх важнасць і карысталіся гэтымі механізмамі, аказваліся ў больш выгадным становішчы. Тыя ж, хто іх недаацэньваў, не толькі адставалі ў сваім развіцці, але маглі знікнуць для самой гісторыі (сваеасаблівая энтрапія).

У XV стагоддзі гістарычны дыскурс Вялікага Княства Літоўскага быў прадстаўлены шматлікімі летапіснымі творами мясцовага і не толькі паходжання. Кніжнікі і інтэлектуалы таго часу актыўна карысталіся летапісамі з Ноўгарада, Пскова, Валыні, Кіева і іншых праваслаўных тэрыторый і асяродкаў, але з прасторы так званай *Slavia Orthodoxa* як блізкіх сабе па духу і зместу (добра бачна гэта ў так званым I летапісным зводзе). Нагадаем, што найбольш вядомым летапісным творам, паходжанне якога з земляў Вялікага Княства Літоўскага не выклікае сумнення ў сучасных даследчыкаў [30, с. 62 – 85], з’яўляецца *Радзівілаўскі летапіс*. Належыць падкрэсліць, што стваральнікамі летапісаў былі менавіта духоўныя асобы, у адрозненне ад міранаў (не кранаючы іх больш дробныя групы і гензіс як першых, так і апошніх). Менавіта ў сярэднявечных духоўных асяродках зародзілася мемарыяльная традыцыя (*memoria*) – форма літургічнага ўспаміну жывых і памерлых і адначасова яго “пісьмовы субстрат” [3, с. 234]. Дык чым жа з’яўляецца вышэйпрыведзенае пералічэнне полацкіх князёў ад Мінгайлы да Глеба, як не сярэднявечнай *memoria*? Напачатку XVI стагоддзя ўпершыню рабілася спроба ўпарадкаваць камунікатыўную памяць і трансфарміраваць яе ў культурную. Адсюль блытаніна з імёнамі, якую, зрэшты, можна растлумачыць імкненнем аўтара *Хронікі Быхаўца* быць больш дакладным: прыблізна ведаючы з іншых рускіх крыніц храналогію, ён бачыў недастатковую колькасць пакаленняў, якія змяніліся на працягу вялікага перыяду. Адсюль жаданне дадаць пару імёнаў у генеалогію полацкіх князёў [12, с. 22]. Дарэчы, аналагічны прыём выкарыстаў ён (умоўна аўтар ХБ) і ў выпадку з легендарнымі князямі літоўскімі, нашчадкамі Палямона, якіх яму падалося занадта мала, каб запоўніць прамежак часу ад Палямона да Міндаўга. Тады ён, дарэчы, змяніў дату і прычыну ўцёкаў Палямона з Рыма: замест пачатку I ст. н.э. ад Нярона з’явілася дата 401 год ад Атылы [27, с. 145].

Увогуле, хрысціянства Экселе назваў “рэлігіяй успамінення”, таму, бясспрэчна, хрысціянству належыць пяршэнства ў культурнай памяці, і ўсё, што мы звязваем з паняццем памяці, прасякнута біблейскімі алюзіямі, эсхаталагічнымі матывамі. Прычым не літургічныя моманты пранікалі ў свецкую пісьменную і кніжную культуру, а наадварот, у літургічныя, патрыстычныя, тэалагічныя тэксты пачыналі ўводзіцца свецкія матывы, *exempla* і г.д. З хрысціянскай *memoria* звязана і навучанне гісторыі.

Як вядома, напрыканцы XV стагоддзя, у 1498 годзе, у Полацку з’яўляецца кляштар ордэна бернардынаў, ці францішканаў-абсэрвантаў (статус асобнага ордэна ім надаў папа Лявон X у 1517 годзе). Рэфарматар ордэна, Бернардын з Сіены (1380 – 1444) заахвочваў членаў сваёй манаскай супольнасці займацца казнадзействам і навучаннем [31, с. 48 – 49]. З гэтай мэтай бернардыны арганізавалі ў Полацку школу, дзе, праўдападобна, вучыўся Францішак Скарына. Уплыў ідэй гэтага каталіцкага ордэна на маладога Скарыну застаецца нявывучаным; нават у энцыклапедычным даведніку “Францыск Скарына і яго час” адсутнічае артыкул аб полацкіх бернардынах. Польскі правінцыял ордэна Уладзіслаў з Гельнава быў вядомым паэтам, грамадскім і рэлігійным дзеячом, а першы гвардыян кляштара ў Полацку Лявон з Ланьцута, які выконваў свае абавязкі да 1512 года, таксама меў прагрэсіўныя погляды адносна асветы мясцовага насельніцтва [32, с. 87 – 88; 33, с. 237]. Бясспрэчна, навучыцца латыні і атрымаць неабходныя веды, каб працягваць навучанне ў Кракаўскай акадэміі, Скарына мог у бернардынаў. Але нас перш за ўсё цікавіць стаўленне бернардынаў да пытання рэабантызацыі мясцовага насельніцтва. Яны ажыццяўлялі сваю душпастырскую дзейнасць у асяроддзі пераважна праваслаўным. Каб рабіць гэта эфектыўна, не патрабавалі перахрышчвання вернікаў усходняга абраду ў каталіцтва. У гэтым бернардынаў не падтрымлівала каталіцкае духавенства Каралеўства Польскага, таксама у ВКЛ яны не сустракалі паўсюднага разумення. Падобная талерантная пазіцыя бернардынскага ордэна да традыцый і культуры мясцовага насельніцтва, ві-

давочна, мела прыхільнікаў у асяроддзі самога насельніцтва. Прынамсі рысы талерантнасці ў творчасці Скарыны можна звязваць з тым, што ён бачыў яшчэ ў дзяцінстве ў родным горадзе.

Гісторык ордэна бернардынаў Ян з Камарова (ён, дарэчы, у 1511 – 1514 гадах быў гвардыянам кляштару ў Вільні) пісаў: “Паміж прэлатамі і дактарамі (касцёлу), з аднаго боку, і нашымі братамі, з другога, дайшло да разважанняў аб рэбаптызацыі грэкаў, абрад якіх захоўваюць русіны, і аб дапушчэнні іх да святых абрадаў у нашых лацінскіх касцёлах. Свецкія прэлаты і дактары сцвярджалі, што грэкі пры пераходзе на наш абрад павінны быць нанова хрышчаныя (rebaptisari) і толькі тады могуць прыступаць да сакрамантаў у нашых касцёлах, у той час як нашыя браты, а перад усім міністр правінцыі айцец Ян (Vitreatoris) прытрымліваліся супрацьлеглай думкі, што менавіта рэбаптызацыя тут непатрэбная, але дастаткова прызнаць адзіную галаву касцёла, г. зн. папу рымскага, і абяцаць быць яму паслухмяным; хто гэтак зрабіў, таму можна без усялякай рэбаптызацыі... прыступаць да сакрамантаў у нашых касцёлах” [33, с. 238].

У асяроддзі полацкіх бернардынаў альбо блізкіх да іх колаў гісторыя Еўфрасінні Полацкай магла трансфармавацца ў гісторыю дачкі Барыса-Гінвіла Параскоўі з II летапіснага зводу (ці Рагвалода-Васіля з ХБ) [34; 4, с. 273], якая з’ехала ў Рым, дзе стала вядомая як святая Паракседа (Параскоўя). На гэтую гісторыю ніхто з даследчыкаў не паглядзеў герменеўтычна, толькі М. Ціхаміраў адзначаў, што Еўфрасінню маглі пераблытаць з Еўпраксіяй-Адэльгейдай, жонкай імператара Генрыху IV, звязанай з Рымам [35, с. 365, прим. 4]. Некаторыя ў гэтай блытаніне бачаць жаданне сэрцы з памяці нашчадкаў імя праваслаўнай святой Еўфрасінні. Аднак, калі б гэта было так, то дадзенага ўрыўку папросту не было б у летапісу. Але ён ёсць і ў ХБ, і ў *Хроніцы* Стрыйкоўскага, што, на нашу думку, сведчыць аб існаванні трывалай традыцыі, але трансфармаванай пэўнымі коламі для сваіх патрэбаў.

Прыгледзімса да меркавання Стрыйкоўскага. Ён сумленна шукаў звесткі пра Еўфрасінню ў розных крыніцах. “Po nim na chięstwie Połockim został Hleb syn i córka Poroskawia, a ta poślubiwszy Panu Bogu dziewicy stan w czystości chować, postrzygła się w cernice w monasterze S. Spassa, nad rzeką Połotą, w którym mieszkała siedm lat Panu Bogu służąc i księgi do kościołów pisząc. To póty ku rzeczy o tej Poroskawi piszą Latopiszczce Litewskie i Ruskie. *Ale dalej coś dziwnego o niej powiedają* w ty słowa: I potym dzie swietaja Poroskawia wezbrała się do Ryma i w Rymie kilko lat mieszkając, Bogu pilnie służyła, i tamże umierła i potym dzie się oświęciła, którą zowią święta Praxidis, a po rusku: Praskowia. Którejże dzie to w Rymie i cerkiew zbudowano, i na imię jeje świętoje i tamże jeje cielo pohreblł. To poty wszystkie Latopiszczce jednako o tej Poroskawi, chięźnie Połockiej, świadczą. Ale iż się ja z wielkam pilnością staram i na tom siedmioletną pracą podjął, abych Litewską a Ruską, także Polską historją, nie z domniemaniam, ale z pewnych dowodów na świat pokazał: tedym też *o tej Poroskawi nie mało ksiąg kościelnych zwartował*, któraby to z chięzny Połockiej święta Praxedę w Rzymie zostać miała, alem tego nigdziej naleść ani się dopytać mógł; tylko ta pospolita jest historja o S.Praxedzie w legendach świętych, i w leda wiatiku: Praxedis virgo venerabilis Prudentis Romani filia, amissis parentibus etc. (на палях: A też się to działo roku 140 od Christusa za Antonina 13 cessarza Piusa rzeczzonego i za papieża Piusa 10, a Połocko w ten czas niewiem jeśli było jeszcze, o czym Volateranus in Anthropologia lib.18 etc. Et Carion lib. 3 ect.)” [23, с. 242 – 243].

Такім чынам, напрыканцы XVI стагоддзя, калі Стрыйкоўскі пісаў сваю *Хроніку*, захавалася традыцыя толькі аб Параскоўі (Пракседзе). “Жыцця св. Еўфрасінні” Мацею Стрыйкоўскаму сапраўды не ўдалася знайсці, хаця даследчыкі сцвярджаюць, што яно было напісана ўжо ў канцы XII стагоддзя [36, с. 459; 37, с. 575, 632 – 633, 638]. Праўда, адзначаецца, што “напісаная ў канцы XII стагоддзя, гэтая аповесць дайшла да нашага часу толькі ў пераробках XVI – XVIII стагоддзяў” [36, с. 459]. Звестак пра Еўфрасінню Полацкую няма і ў Кіева-Пячэрскім пацерыку, куды павінны былі быць зроблены адпаведныя запісы пасля пераносу яе рэштак з Ерусаліма [38]. Напрошваецца выснова, што спісы *Жыцця* св. Еўфрасінні (а іх больш за 130) даволі позняга паходжання [39, с. 147 – 148], і, сапраўды, Мацей Стрыйкоўскі мог не ведаць пра іх. Традыцыя ўшаноўвання Еўфрасінні Полацкай магла быць адноўлена толькі ў канцы XVI стагоддзя [40, с. 322; 41, с. 103], калі Іван Грозны ў 1563 годзе вярнуў у Полацк знакамiты крыж Лазара Богшы.

Беларускі даследчык *Жыцця* Еўфрасінні Полацкай Аляксея Мельнікаў прыходзіў да высновы, “што ў аснову легенды пра Параскеву Полацкую ляглі рэальныя факты з жыцця дачкі полацкага князя Рагвалода-Барыса Усяславіча, сястры Глеба Полацкага – ... Звеніславы-Еўпраксіі, стрыечнай сястры Еўфрасінні Полацкай, якая таксама шанавалася як святая заступніца Полацкага краю... Яна на самой справе здзейсніла паломніцтва ў Святую Зямлю – не ў Рым, як піша пра тое каталіцкі аўтар, а ў Канстанцінопаль... і Ерусалім” [41, с. 110].

Аб дзвюх святых – Еўфрасінні і Параскеве – пісаў у XVIII стагоддзі і базыліянін Ігнат Стэбельскі ў сваёй кнізе “Dwa wielkie światła na horyzoncie połockim z cieniów zakonnych powstające czyli żywoty ss. Panien y matek Ewfrozyny y Parascewii zakonnic y hegumeniy pod ustawą s. o. Bazylego W. w monastyrze s. Spasa za Połockiem żyjących, z chronologią i przydatkiem niektórych służących do tego pożytecznych krajowych wiadomości, z rozmaitych dziejopisów y pism zebranych” (Вільня, 1781). У гэтым сваім творы, прысвечаным манахіне мінскага базыліянскага манастыра Брыгідзе Любашчынскай, Ігнат Стэбельскі пісаў, што жыцце Еўфрасінні ён пераклаў з “славенскага дыялекту” з рукапісу мітрапаліта Макарыя (жыў у 1542 годзе

ў Маскве), а жыццё Параскевы знайшоў у адной старой кнізе, а таксама выпісаў з Стрыйкоўскага і Гвагніна. Аднак гэты факт не змяняе сітуацыі, што пра Еўфрасінню Полацкую напачатку XVI стагоддзя гістарычная памяць практычна не захавалася, у той жа час зацікаўленымі ў падарожжы Параскевы-Еўфрасінні ў Рым, замест Ерусаліма, і ўзвядзенні ў яе гонар касцёла ў Рыме маглі быць каталіцкія колы, альбо праваслаўныя прыхільнікі фларэнцкай уніі (архіепіскап Іосіф), напрыклад, полацкія бернардыны, якія такім чынам маглі “знаходзіць” каталіцкія традыцыі ў Полацку яшчэ ў XII стагоддзі.

З 1513 да 1519 года полацкім ваяводам быў Альбрэхт Гаштольд (? – 1539), якога прынята лічыць ініцыятарам стварэння першага Статута ВКЛ 1529 года, а таксама так званага другога летапіснага зводу з легендай аб рымскім паходжанні літоўскай знаці; 29 ліпеня 1518 года ён разбіў войскі Васіля III пад Полацкам [42, с. 517]. Энергічная дзейнасць гэтага чалавека наклала адбітак на многія галіны грамадска-палітычнага жыцця ВКЛ. Той факт, што ідэя стварэння другога летапіснага зводу ВКЛ паходзіла з каталіцкага асяроддзя, здаецца, не аспрэчваецца ніводным даследчыкам. Аднак было б прымітыўна і занадта проста знаходзіць у спісах гэтага зводу выключна каталіцкія ўплывы. Дастаткова ўспомніць словы *Хронікі Вялікага Княства Літоўскага*: “и поимет Кгинвиль дочку оу великого князя Тверьского Бориса именем Марью, для которое жь окрился в Роуску веру” (падкрэслена – А. С.) [25, с. 23].

Аб чым можа сведчыць ужо згаданая фраза з “Хронікі вялікіх князёў літоўскіх”: “и поможе Богъ великому князю Мингкайлоу и побил моужов Полочанъ на головоу... и город Полтескъ возмет и остал великим княземъ Полоцким”, акрамя яе канкрэтна гістарычнага значэння? Як было сказана, у даследчыкаў ёсць розныя меркаванні адносна рэальнасці асобы князя Мінгайлы, аднак з’яўленне яго ў другім зводзе выводзіла асобу полацкага князя на гарызонт гістарычнай памяці не толькі жыхароў Полацкага княства, але і ўсяго Вялікага Княства Літоўскага. Падкрэсліванне свабод і вольнасцяў “мужоў Палачанаў, якія вечам справаваліся”, таксама сведчыць на карысць таго, што на пачатку XVI стагоддзя былі грамадскія сілы, зацікаўленыя ў падтрыманні памяці пра адметную гісторыю Полацкага княства. На свой манер, як гэта магло быць больш зразумела ў XVI стагоддзі, але памяць культывавалася. Так, аўтару “Хронікі Быхаўца” падалося істотным напачатку свайго аповеду ўзгадаць Венецыю (яшчэ адна “еўрапейская” алюзія інтэлектуала XVI стагоддзя). Ён знаходзіць падабенства паміж дэмакратычнымі ладам Полацка і традыцыямі Венецыянскай рэспублікі, якая стала ў XVI стагоддзі больш актуальнай, чым параўнанне полацкага веча з пскоўскім ці наўгародскім народным сходам. Гэтая згадка ператварылася ў “Хроніцы Літоўскай і Жмойтскай” у асобную аповесць “О полоцкой свободности або Венеции” [45, с. 20 – 21]. Пры гэтым паслядоўнай пазіцыі адносна грамадскага ладу ў Полацкім княстве не існавала, альбо не надавалася спецыяльнай увагі таму факту, рэспубліка гэта была ці манархія (“остал великим княземъ Полоцким”).

У “Аповесці пра Полацк” адчуваецца жаданне інтэграваць полацкую гісторыю, як і гісторыю Вялікага Княства Літоўскага ў цэлым у еўрапейскую гісторыю (апавесць пра Еўфрасінню-Праскоў’ю-Пракседу таксама павінна была служыць гэтым мэтам). Цікавым уяўляецца і той факт, што, калі ў 1518 годзе па ініцыятыве віленскага біскупа А. Радзівіла і ордэна бернардынаў пачаўся працэс беатыфікацыі каралевіча Казіміра, сына Казіміра Ягелончыка, менавіта цудоўнае заступніцтва будучага святога выратавала Полацк у бітве з Масквой у 1518 годзе [43; 44, с. 537 – 538].

Дадае значэння Полацкай зямлі і факт падпарадкавання ўладзе вялікіх князёў літоўскіх такіх уплывовых феадальных рэспублік, як Пскоў і Ноўгарад. У “Хроніцы Літоўскай і Жмойтскай” гэты факт звязаны з дзейнасцю таго ж легендарнага полацкага князя Рагвалода-Васіля, які быццам бы вёў доўгую вайну с Псковам, у выніку чаго Пскоў трапіў у залежнасць ад Полацка (“псковян долгою войною примусил до голду” [45, с. 23]).

Заклучэнне. У цэлым можна зрабіць выснову, што грамадства ВКЛ на пачатку XVI стагоддзя яшчэ ўяўляла з сябе слаба інтэграваныя супольнасці, якія, паводле тэорыі Рыкарда Пікія, можна аднесці як да асяроддзя *Slavia orthodoxa*, так і *Slavia romana*. Літаратура *Slavia orthodoxa* будавалася не на жанравай аснове, а на прынцыпе пераймання ўзораў і мадэляў, а таксама на пэўных “правілах гульні”. “Пакуль “правілы гульні” задавальняюць асноўным характэрным крытэрыям літаратурнай сістэмы, яна застаецца трывалай і самастойнай. Калі “правілы гульні” істотна змяняюцца... так, што ранейшыя ўзаемазвязы разбураюцца, – літаратурная сістэма губляе індывідуальнасць, трансфармуецца ці распадаецца” [46, с. 8]. На рубяжы XV – XVI стагоддзяў у ВКЛ назіраецца змена “правілаў гульні” (чытай – парадыгмаў), калі грамадства паступова дрэйфуе з прасторы *Slavia orthodoxa* ў прастору *Slavia romana*. Канчатковага накладання гэтых двух абшараў у нашай ментальнай прасторы так і не адбылося, але яно выразна прасочваецца, у тым ліку на прыкладзе ўключэння гістарычнай памяці аб традыцыйна праваслаўных тэрыторыях былой Полацкай зямлі ў культурную памяць Вялікага Княства Літоўскага.

ЛІТАРАТУРА

1. Assmann, J. Pamięć kulturowa. Pismo, zapamiętywanie i polityczna tożsamość w cywilizacjach starożytnych / J. Assmann. – Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2008. – 361 s.

2. Oexle, O.G. Społeczeństwo średniowiecza. Mentalność-grupy społeczne-formy życia / O.G. Oexle. – Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2000. – 180 s.
3. Эксле, О.Г. Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья / О.Г. Эксле. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 360 с.
4. Łatyszonek, O. Od Rusinów białych do Białorusinów. U źródeł białoruskiej idei narodowej / O. Łatyszonek. – Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2006. – 388 s.
5. Варонін, В. Полаччына і палачане ў нацыянальна-культурным і рэлігійным жыцці Вялікага Княства Літоўскага першай паловы XVI ст. / В. Варонін // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – Białystok, 2002. – S. 211 – 219.
6. Варонін, В. “Wielkiego Księstwa Litewskiego Kroniczka krótko pisana” / В.Варонін // Беларускі гістарычны агляд. – 2004. – Т. 11. – Сш. 1 – 2 (20 – 21). – С. 41 – 57.
7. Варонін, В. Палачане: забытая памяць пра мора / В. Варонін // АРСНЕ-Пачатак. – 2009. – № 4. – С. 63 – 73.
8. Ліцкевіч, А.У. Пра некаторыя спісы “Летапісца вялікіх князёў літоўскіх” маскоўскага і наўгародскага паходжання (на маргінэзе выданняў М. Улашчыка і В. Вароніна) / А.У. Ліцкевіч // Вялікае Княства Літоўскае і яго суседзі ў XIV – XV стст.: саперніцтва, супрацоўніцтва, урокі: да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы: матэрыялы міжнар. навук. нанф., Гродна, 8 – 9 ліп. 2010 г. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – С. 207 – 223.
9. Ліцкевіч, А.У. Атручэнне князя Скіргайлы ў Кіеве (1395 год). Гістарычны каментарый і праблема аўтарства другой часткі “Летапісца вялікіх князёў літоўскіх” / А.У. Ліцкевіч // АРСНЕ-Пачатак. – 2012. – № 3. – С. 8 – 52.
10. Флоря, Б.Н. Историческая традиция об общественном строе средневекового Полоцка / Б.Н. Флоря // Отечественная история. – 1995. – № 5. – С. 110 – 116.
11. Заяц, Ю. История Белорусских земель X – первой половины XIII в. в отображении летописей и хроник Великого княжества Литовского / Ю. Заяц // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 1997. – № 12. – С. 85 – 91.
12. Александров, Д.Н. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII – XVI веках / Д.Н. Александров, Д.М. Володихин. – М., 1994. – 205 с.
13. Толочко, А. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия / А. Толочко. – М.: Новое лит. обозрение; Киев: Критика, 2005. – 544 с.
14. Александров, Д. «Русская хроничка» Стрыйковского // Д. Александров, Д. Володихин // Вестн. Моск. ун-та. Серия 8: История. – 1993. – № 2. – С. 70 – 74.
15. Гене, Б. История и историческая культура средневекового Запада / Б. Гене. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.
16. Пашуто, В.Т. Образование литовского государства / В.Т. Пашуто. – М.: Наука, 1959. – 531 с.
17. Ulewicz, T. Sarmacja. Studium z problematyki słowiańskiej XV i XVI w. Zagadnienie sarmatyzmu w kulturze i literaturze polskiej (problematyka ogólna i zarys historyczny) / T. Ulewicz. – Kraków: Collegium Columbinum, 2006. – 268 s.
18. Mikulski, J. Smoleński ośrodek latopisarski w latach 20 – 50. XV w. / J. Mikulski // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – Białystok, 2010. – № 33. – S. 17 – 50.
19. Никифоровская летопись // Полное собр. рус. летописей. – Т. 35: Летописи белорусско-литовские. – М., 1980. – С. 19 – 35.
20. Супрасльская летопись // Полное собр. рус. летописей. – Т. 35: Летописи белорусско-литовские. – М., 1980. – С. 36 – 67.
21. Макараў, М. Ад пасада да магдэбургіі: прававое становішча насельніцтва местаў Беларускага Падзвіння ў XIV – першай палове XVII ст. / М. Макараў. – Мінск: УП “Экаперспектыва”, 2008. – 248 с.
22. Семянчук, А. Распаўсюджанне ідэй Фларэнцкай уніі ў Вялікім Княстве Літоўскім у канцы XV – пачатку XVI ст. / А. Семянчук // Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа: зб. навук. арт.: у 2 ч. – Гродна: ГрДУ, 2009. – Ч. 1. – С. 158 – 166.
23. Strykowski, M. Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i wszystkiej Rusi / M. Strykowski. – Warszawa, 1846. – Т. I. – 392 s.
24. Рогов, А.И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника) / А.И. Рогов. – М.: Наука, 1966. – 310 с.
25. Летопись Красинского // Полное собр. рус. летописей. – Т. 17: Западнорусские летописи. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С. 153 – 190.
26. Хроника Быховца // Полное собр. рус. летописей. – Т. 17: Западнорусские летописи. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С. 473 – 572.
27. Улащик, Н.Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания / Н.Н. Улащик. – М.: Наука, 1980. – 262 с.

28. Філіпович, М. Полоцька земля у наративных та актових джерелах (друга половина XIII – перша половина XVI ст.): автореф. дис. ... канд. іст. наук / М. Філіповіч. – Київ, 2011.
29. Семянчук, А.А. Беларускі-літоўскія летапісы і польскія хронікі / А.А. Семянчук. – Гродна: ГрДУ, 2000. – 161 с.
30. Толочко, А. Прорисовки зверей к миниатюрам Радзивиловской летописи и проблема происхождения рукописи / А. Толочко // Ruthenica. – Київ, 2005. – Т. IV. – С. 62 – 85.
31. Sredniowiecze. Encyklopedia popularna. – Warszawa, 1996. – S. 48 – 49.
32. Галенчанка, Г.Я. Францыск Скарына – беларускі і ўсходнеславянскі першадрукар / Г.Я. Галенчанка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 280 с.
33. Семянчук, А. Францішак Скарына ў Кракаве / А. Семянчук // Дзеяслоў. – Менск, 2007. – № 2(27). – С. 236 – 244.
34. Сапунов, А. Католическая легенда о Параскеве, княжне Полоцкой / А. Сапунов. – Витебск, 1888.
35. Тихомиров, М.Н. Древнерусские города / М.Н. Тихомиров. – М.: Гос. изд-во “Политическая литература”, 1956. – 478 с.
36. Кніга жыццй і хаджэнняў; пер. са старажытнарус., старабеларус. і польск. / уклад., прадм. і каментарыі А. Мельнікава. – Мінск, 1994. – 503 с.
37. Назаренко, А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX – XII вв. / А.В. Назаренко. – М.: Языки рус. культуры, 2001. – 784 с.
38. Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. – М.: Наука, 1999. – 496 с.
39. Воронова, Е.М. Житие Евфросинии Полоцкой / Е.М. Воронова // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л., 1987. – Вып. 1. – С. 147 – 148.
40. Майоров, А.В. Русь, Византия и Западная Европа: Из истории внешнеполитических и культурных связей XII – XIII вв. / А.В. Майоров. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2011. – 800 с.
41. Мельнікаў, А.А. З неапублікаванай спадчыны: манагр., арт., вершы, матэрыялы навук. канф., успаміны сучаснікаў / А.А. Мельнікаў. – Мінск: Выдавецтва “Чатыры чвэрці”, 2005. – 592 с.
42. Пазднякоў, В. Гаштольд Альбрэхт Марцінавіч / В. Пазднякоў // Вялікае княства Літоўскае: энцыкл.: у 2 т. – 2-е выд. – Мінск: БелЭн, 2007. – Т. 1: Абаленскі-Кадэнцыя. – С. 517.
43. Lipnicki, A. Życie, cuda i cześć św. Kazimierza / A. Lipnicki. – Wilno, 1907.
44. Sarbiewski, M.C. Oda S. Casimirus in oppugnanda Polocia milites trans Dunam ducit / M.C. Sarbiewski // Mathiae Casimiri Sarbiewski. Poemata omnia. – Starawieś, 1892. – S. 537 – 538.
45. Хроника Литовская и Жмойтская // Полное собр. рус. летописей. – М.: Наука, 1975. – Т. 32: Летописи белорусско-литовские. – С. 15 – 127.
46. Пиккио, Р. Slavia Orthodoxa: Литература и язык / Р. Пиккио. – М.: Знак, 2003. – 720 с.

Паступілі 15.11.2012

POLOTSK AND POLOTSK LAND IN HISTORICAL MEMORY IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE XVITH CENTURY

A. SEMIANCHUK

The article is devoted to the formation of memory in the Grand Duchy of Lithuania in the XVIth century. Using the methodological tools of German historians Y. Assmanna and O.G. Eksle, the author shows that the cultural memory of Polotsk and Polotsk land in the XVIth century was interpreted differently in different social groups, the Orthodox and Catholics. Historical and literary works, designed to fix their own image of reality in order to create a so-called connectivity structure of society were created there.

УДК 94(476.5)

**ШЛЯХЕЦКІЯ ТЭСТАМЕНТЫ Ў АКТАВАЙ КНІЗЕ ПОЛАЦКАГА МАГІСТРАТА
ЗА 1656 – 1657 ГАДЫ**

М.Ю. ГАРДЗЕЕЎ,
(*Інстытут гісторыі НАН Беларусі, Мінск*);
канд. гіст. навук **Н.У. СЛІЖ**
(*Беларускі інстытут правазнаўства, Гродзенскі філіял*)

In memorium¹

Артыкул прысвечаны двум шляхецкім тэстаментам – Міхаіла Скірманта і Аляксандра Чаркаса, якія паходзяць з кнігі полацкага магістрата 1656 – 1657 гадоў. Прааналізаваны фармуляр дакументаў і іх змест. У адрозненні ад іншых падобных крыніц, адсутнічаюць разважанні аб смяротнасці цела, разгорнутае даручэнне душы Богу, пералік фундацыйных запісаў на храмы, падрабязнае апісанне пахавання, асноўная ўвага надаецца размеркаванню маёмасці. Прааналізаваныя тэстаменты з'яўляюцца цікавай крыніцай па генеалогіі шляхецкіх родаў Полаччыны, маёмасным дачыненням у шляхецкай сям'і, парадку спадкаемства, адносінам унутры сям'і.

Упершыню ў беларускай гістарыяграфіі актавыя кнігі полацкага магістрата за другую палову XVII стагоддзя былі даследаваны і прааналізаваны выбітным беларускім даследчыкам М.Ю. Гардзевым [1; 3; 4; 6; 10; 11]. Асноўнымі накірункамі яго даследавання былі магістрацкія кнігі як гістарычная крыніца, функцыянаванне ўстаноў гарадскога самакіравання, сваяцкія сувязі Сімяона Полацкага, уздзеянне вайны 1654 – 1667 гадоў на фармуляр і змест дакументаў полацкага магістрата [14], была зроблена спроба класіфікацыі дакументаў. Даследчыкам вывучаліся актавыя кнігі полацкага магістрата за 1650 і 1656 – 1656 гады. Пры даследаванні другой кнігі звярталася ўвага не толькі на змену фармуляра дакументаў, але і на жыццё горада падчас вайны 1654 – 1667 гадоў [5; 10] Прааналізаваныя дакументы полацкіх мяшчан прадстаўлялі жахлівую карціну з жыцця палачан, якія, як і іншыя жыхары Вялікага Княства Літоўскага, панеслі вялікія чалавечыя, матэрыяльныя і маральныя страты ад маскоўскіх войскаў.

Асобна тагачасную прыватную сферу прадстаўлялі мяшчанскія тэстаменты. З актавай кнігі 1655 – 1656 гадоў М.Ю. Гардзевым былі выяўлены 3 тэстаменты шляхцічаў Полацкага ваяводства і 8 запісаў тэстаментуў полацкіх мяшчан. З іх асаблівае значэння для беларускай навукі мела адкрыццё тэстамента маці Сімяона Полацкага – Тацыяны Якаўлеўны Шарамет [2; 8; 9; 12]. Пры вывучэнні тэстаменту-запісу фармуляр гэтага тыпу дакумента быў параўнаны з класічным разгорнутым фармулярам і вылучан шэраг адрозненняў: адсутнасць інвакацыі, інтытуляцыя з'яўляецца ў большасці інтытуляцый магістрата і царскай, а не асобы, нарацыя ідзе не на першым плане, запіс аб месцы і часе ўзнікнення дакумента змяшчаецца ў самым пачатку, адсутнасць карабарацыі. Тэкст афіцыйна фіксаваўся і завяраўся на пасяджэнні магістрацкага суда са слоў спецыяльнай камісіі, упісваўся ў кнігі, а з іх выдаваўся выпіс сваякам памерлага. Слушна было адзначана, што мяшчанскі тэстамент з'яўляецца важнай крыніцай па матэрыяльнаму становішчу мяшчан, тапаграфіі Полацку, па гісторыі беларускага рамесніцтва, цэхаў, гандлёва-эканамічных стасункаў, веравызнанню мяшчан, гісторыі сямейных адносінаў, маральных нормаў, ментальнасці, духоўнай атмасферы жыцця ў мяшчанскім асяроддзі Полацка пад час вайны 1654 – 1667 гадоў [6; 13, с. 95].

У дадзеным артыкуле прадстаўлены два тэстаменты полацкіх шляхцічаў Міхаіла Фёдаравіча Скірманта і Аляксандра Геранімавіча Чаркаса. Часткова звесткі з гэтых дакументаў былі выкарыстаны намі пры напісанні сумеснага артыкула па шляхецкім тэстаментам XVI – XVII стагоддзяў [21] і ў артыкулах па вайне 1654 – 1667 гадоў [10; 22]. Ініцыятыва зрабіць даследаванне па тэстаментам зыходзіла ад М.Ю. Гардзева. Артыкул рыхтаваўся на працягу 1999 года. Файл з дакументамі быў мне перададзены 30 сакавіка 1999 года. На той час яны былі ўжо падрыхтаваны да друку, але ідэя надрукаваць іх як дадаткі да артыкула тады не ўзнікла. Права на іх публікацыю належала М.Ю. Гардзеву. Ён ужо рыхтаваў да выдання зборнік дакументаў з магістрацкіх кніг за 1650 і 1654 – 1655 гады. Аднак трагедыя не дазволіла рэалізаваць яго планы. Дзякуючы намаганням калег навуковая спадчына Максіма Гардзева не засталася ў шуфлядзе, а была выдана ў часопісе *Commentarii Polocenses Historici* і ў асобным зборніку дакументаў, які быў падрыхтаваны даследчыкам раней [1; 3; 4]. Зараз засталіся не надрукаванымі дысертацыя і большасць дакументаў з кнігі полацкага магістрата за 1656 – 1657 гады. Тэстаменты полацкіх шляхцічаў як раз з гэтай кнігі.

¹ Дадзены артыкул зроблены на падставе матэрыялаў Максіма Гардзева (1974 – 2004) і прысвячаецца яго памяці як падзяка за сумесную працу.

Шляхецкія дакументы рэдка траплялі ў актавыя кнігі магістрата², бо для шляхты існавалі свае ўстановы: гродскі, земскі, падкаморскі суды і Галоўны Трыбунал ВКЛ. Тэстаменты складалі ў прысутнасці земскага ці гродскага ўраду, ці аднаго з ураднікаў і двух шляхцічаў (Статут ВКЛ 1588 г. Р. 8. Арт. 2). Пасля смерці тэстатара дакументы актыкоўваліся ў гродскім ці земскім судах, часам пераактыкоўваліся ў кнігі Галоўнага Трыбунала ВКЛ. Падчас вайны 1654 – 1667 гадоў парадак справаводства парушыўся. Дакументы складалі ў маскоўскім палоне, а ў кнігі ўносілі значна пазней [22]. На акупаванай тэрыторыі сітуацыя не была прасцей. Гардзееў М.Ю. слухна меркаваў, што полацкі земскі і гродскі суды спынілі сваю дзейнасць. Толькі магістрат змог працаваць у новых умовах [21, с. 93]. У выніку розныя шляхецкія дакументы патрапілі ў магістрацкія кнігі³.

Выяўлення М.Ю. Гардзеевым шляхецкія дакументы прадстаўляюць цікавасць як па зместу, так і па форме напісання. Абодва тэстаменты маюць інтытуляцыю цара Аляксея Міхайлавіча⁴ і магістрацкага суда. Імёны бурмістраў Філіпа Касабуцкага і Кузьмы Навумавіча адзначаны ў тэстаменце А. Чаркаса. Дакументы былі напісаны не ў прысутнасці магістрацкіх ураднікаў, а пры сведках, як таго патрабавала заканадаўства ВКЛ для шляхты. Для актыкацыі тэстаменты былі пададзены Геліяшам Козарыным і Янам Чаркасам адпаведна [20, арк. 176, 481].

Міхаіл Фёдаравіч Скірмант напісаў свой тэстамент 22 студзеня 1657 года, а ўпісаны ў кнігі ён быў 23 студзеня 1657 года (дадатак 1). Пачатковы пратакол змяшчае наступныя элементы. *Інвакацыя* (прысвячэнне Богу) даволі кароткая і абмяжоўваецца адной фразай. Шляхецкім тэстаментам уласціва разгорнутая інвакацыя, якая можа займаць старонку ці дзве дакумента. Адрозніваецца ад адрознення аб даручэнні душы Богу і святым, што тут адсутнічае. Таксама няма запісаў на храмы і на ўспамін душы [21, с. 97 – 98]. Хоць шляхцічы, нават калі ў палоне пісалі тэстамент, не забываліся аб гэтым⁵. У канцы дакумента змешчана просьба пахаваць цела ва ўласным маёнтку Галоўчычы (Полацкае ваяводства) па хрысціянскаму абраду, не зацягваючы пахавання [20, арк. 177]. Апісанне пахавання звычайна ішло адрозніваецца ад даручэння душы Богу [21, с. 99 – 100]. *Інтытуляцыя* змяшчае цалкам імя, імя па бацьку і прозвішча, геаграфічнае паходжанне: Міхаіл Фёдаравіч Скірмант, зямлянін Полацкага ваяводства. У *нарацыі* адзначана, што прычынай для напісання тэстаменста стала хвароба.

Асноўная частка, *дыспазіцыя*, утрымлівае распараджэнне мацярыстай і айчыстай маёмасцю, якую аўтар тэстаменста характарызуе як убогая “маестность”. Ён атрымаў Галоўчычы і Андрэўшчыну як спадчыну па маці Марыне Андрэўне Пораднінке⁶ (? – кл. 1656) і сумесна валодаў са стрыямі Андрэям Астапавічам⁷ і Янам і Грыгорыям Янавічамі Пораднімі. На яго частку прыходзілася 1/3, а на іх – 2/3. Маёмасць на той час не была падзелена. Яна ім перайшла ад дзеда Андрэя Порадні. На момант напісання тэстаменту Міхаіл быў у юнацкім узросце і ажаніцца не паспеў. Усю сваю маёмасць ён падараваў родным сёстрам Куліне і Марыне, кожнай – палову. Грошай і хатніх рэчаў у яго не было, а малыя рэчы былі спісаны ў асобны рэстр, які не быў актыкаваны. Старэйшая сястра была на той час замужам за Казімерам Рэмідоўскім⁸, які быў апекуном непаўналетняй сястры Марыны. Скірмант прасіў яго і надалей апекавацца сястрой і выдаць замуж. Усе сваякі па бацькоўскай і мацярынскай лініях былі выдалены ад спадчыны, акрамя сясцёр⁹. Швагер павінен быў выплаціць пазыкі: 40 коп літоўскіх грошаў – роднаму дзядзьку Есіфу Іванавічу Скірманту, 24 капы – полацкаму мешчаніну Гаўрыле Шыкуцкаму [20, арк. 176адв. – 177].

Паводле апошняй волі М. Скірманта Казімір Рэмідоўскі быў прызначаны распараджацца маёмасцю, апекаваць малодшую сястру і пахаваць цела нябожчыка ў Галоўчычах. Да іншых сваякоў ён не звяр-

² Напрыклад, у кнізе за 1650 г. дакументы прадстаўляюць маёмасны характар адносінаў паміж шляхтай і мяшчанамі: пазыкі, купля-продаж, нанясенне шкодаў і інш. [1, с. 67, 130, 132, 138 – 139, 142 і інш.].

³ У актавую кнігу за 1656 – 1657 гг. шляхта актыкоўвала не толькі тэстаменты, але і іншыя дакументы, гл. дадаткі [10].

⁴ Гэта прысутнічае і ў іншых дакументах, гл. дадаткі да артыкула [10].

⁵ Напрыклад, Феліцыяна Горская склала свой тэстамент, калі знаходзілася ў палоне ў Свяйску (1656). Частку сваёй маёмасці яна падаравала віцебскім езуітам, каб яны купілі пляц і пабудавалі на ім дом для ўдоў і сірот. Яны павінны былі атрымаць усё неабходнае для жыцця і маліцца за яе душу і душы сужэнцаў [15, с. 330 – 339].

⁶ У сям’і Рэмідоўскіх нарадзіліся сыны Іван, Марцін і Мацвей [16, с. 467 – 468].

⁷ Андрэй Порадні меў дзяцей Стэфана, Івана і Галену. Іван ажаніўся без волі бацькі з Крысцінай Хелхаўшчанкай і запісаў ёй вена на маёнтках бацькі, хоць не быў вылучаны на момант шлюбу. Ён памёр яшчэ пры жыцці бацькі, у яго сям’і не было дзяцей. З тэстаментаў Андрэя і яго сына Стэфана вынікае, што сям’я была праваслаўнага веравызнання. Стэфан з-за шляхціца Полацкага ваяводства Станіслава Падбоскага патрапіў у маскоўскі палон. Памёр у турме ў Казані (1664). Усю сваю маёмасць запісаў сястры Галене. Андрэй патрапіў у палон з-за той жа асобы, што і сын. Яго выкупіла дачка, але з-за хваробы ён пражыў нядоўга (1661). Галена разам з мужам Янам Туковічам судзілася з С. Падбоскім. За нанесення шкоды апошняму прысудзілі спгананне 250 коп літоўскіх грошаў (1668) [17, с. 265 – 272; 18, с. 244 – 250].

⁸ Галоўчычы Марына Параднінка падаравала мужу Ф. Скірманту ў 1637 г. Яе дачка Куліна падаравала сваю частку маёнтка мужу Казіміру Рэмідоўскаму ў 1681 г. [16, с. 467].

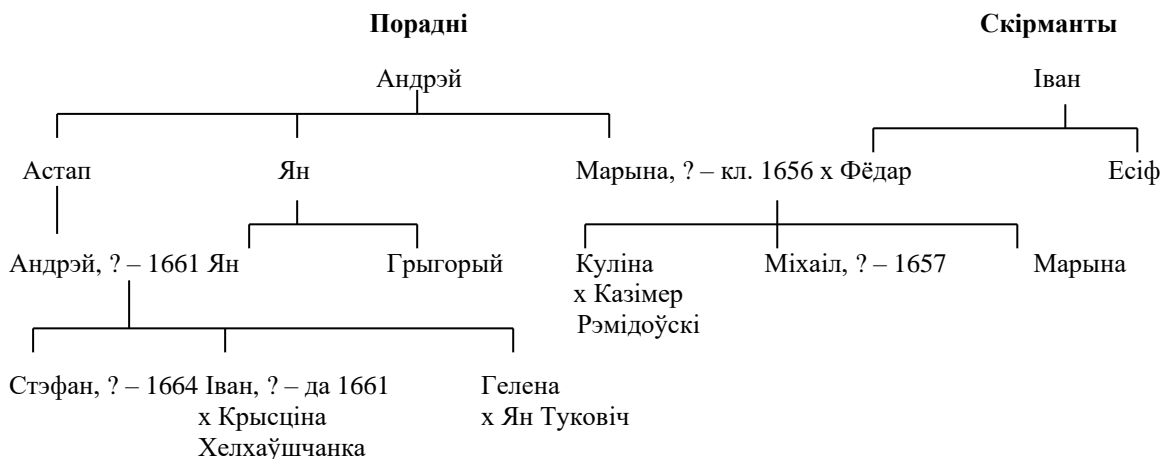
⁹ Нерухомую маёмасць імкнуліся перадаваць па мужчынскай лініі, каб яна засталася ў сям’і. Маёнткі часцей пакідалі стрыечным братам, а не родным сёстрам.

таўся. Яны ўзгадваліся ў сувязі з падзелама маёмасці і пазыкамі. Ні канфліктныя сітуацыі, ні эмацыйнае стаўленне да стрыяў не фігуруюць. Магчыма апека швагра паўплывала на такія распараджэнні.

Санкцыя пацвярджае, што ніхто, акрамя швагра, не меў права на маёмасць. У *карабарацыі* адзначана, што падпісалі дакумент шляхта Полацкага ваяводства: Геліяш Козарын, Стэфан Порадня, Сяргей Фёдаравіч Каменка і полацкі возны (енерал) Грыгорый Гаўрылкоўч [20, арк. 177адв.].

Канчатковы пратакол утрымлівае *datum*: месца напісання тэстамента – Галоўчычы; дату – 20 студзеня 1657 года, а таксама *субскрытыю*. Усе подпісы, у тым ліку і М. Скірманта, на сярэдняпольскай мове, акрамя С. Каменкі. Адзначана, што шэсць пячатак, хоць подпісаў – пяць. Геліяш Козарын падаў тэстамент для актыкацыі. Верагодна, М. Скірмант хутка памёр пасля складання дакумента, які на наступны дзень адвезлі ў Полацк. Выпіс з магістрацкіх кніг быў выдадзены двойчы, што адзначана ў кнізе [20, 177 адв.].

Тэстамент М. Скірманта, акрамя даты, не мае адбітак вайны. Будучы юнаком ён не паспеў стварыць уласную сям’ю. Родныя сёстры былі жывы на той час. Пра маці ўзгадваецца, што яна нядаўна памерла, а пра бацьку – нічога. Рэлігійнай частцы надаецца мала ўвагі, таксама як і абраду пахавання. Прыведзеныя ў крыніцы звесткі не дазваляюць дакладна вызначыць веравызнанне шляхціча. Дакумент паказвае маёмасны стан аўтара і прадстаўляе парадак перадачы і спадкаемства маёмасці. Дзякуючы гэтаму занатавана інфармацыя пра сваякоў па мацярынскай лініі. Гэтая крыніца ўтрымлівае прыватную інфармацыю маёмаснага і сямейнага характару.

Аляксандр Геранімавіч Чаркас склаў свой тэстамент 23 чэрвеня 1656 года, а актыкаваны ў кнізе ён быў 10 ліпеня 1657 года (дадатак 2). Дакумент пачынаецца з *інвакацыі*. Пасля яе прыведзена *інтытуляцыя*, дзе цалкам напісана імя, імя па бацьку, прозвішча, геаграфічнае паходжанне: Аляксандр Геранімавіч Чаркас, зямлянін Полацкага ваяводства. У *нарацыі* адзначана, што прычынай напісання тэстаменту стала хвароба і жаданне пазбегнуць канфлікту з-за падзелу маёмасці. Душа даручалася Богу, Тройцы і Маці Божай. Цела павінны былі пахаваць па шляхецкаму звычайу родныя браты Ян і Юрый [20, арк. 481]. Месца пахавання не пазначана. А шляхецкі абрад пахавання азначаў урачыстую цырымонію з казаннем на смерць, катафалкам, багата ўпрыгожанай труной і інш.¹⁰, але ў ваенны час гэта наўрад ці можна было зрабіць.

У *дыспазіцыі* асноўная ўвага была нададзена распараджэнням адносна сям’і і маёмасці; ¼ маёнтка Прыпеша (Полацкае ваяводства) прызначалася братам Яну і Юрыю. Яны былі абраны апекунамі для непаўналетняй дачкі Цэцыліі. Яны павінны былі яе выдаць замуж і выплаціць з маёнтка пасаж у памеры 600 злотых. А нерухомая маёмасць павінна заставацца ў доме Чаркасаў. У выпадку смерці дачкі грошы браты нікому не былі абавязаны выплачваць. Жонка Гелена Пчыцкая атрымлівала рухомыя рэчы, якія А. Чаркас адправіў цесцю Крыштафу Пчыцкаму ў маёнтка Саколшча (Полацкае ваяводства) у 1654 годзе. Іх пасля цесць вывез. Рэчы згадваліся наступныя: тры скрыні з 300 злотымі, серабра, золата, медзь, дакументы і іншае на суму 700 злотых, а таксама хатняя жывёла: 2 кані, 4 каровы, 7 авечак, 10 свіней – усё на 100 злотых [20, арк. 481адв. – 482].

Паводле дакумента браты былі асноўнымі спадкаемцамі і апекунамі. Яны павінны былі аддаць прызначаную для жонкі маёмасць і грошы для дачкі. Гэта паказвае добрыя адносіны паміж братамі і давер, што вельмі важна для сваяцкіх адносін. Ян і Юрый пацвердзілі сваё добрае стаўленне да Аляксандра праз клопат аб ім падчас цяжкай хваробы [20, арк. 482].

¹⁰ Падрабязней пра абрад пахавання гл. [23].

Лёс жонкі Гелены і дачкі Цэцыліі быў невядомы для А. Чаркаса. Іх выкупіў з палону цесць Крыштаф Пчыцкі пры садзейнічанні полацкага райцы Емельяна Шарамета, другога мужа маці Сімяона Полацкага Тацяны Якаўлеўны, і царскага ваяводы Сямёна Лук'янавіча Стрэшнева. Пасля сям'я была вывезена ад шляхціча Варпахоўскага з Інфлянтаў у Вільню [20, арк. 471адв., 481адв.; 10; 13, с. 93].

Братам забаранялася парушаць палажэнні дакумента (*санкцыя*). У *карабарацыі* прыведзены звесткі аб пацвярдзальных знаках аб подпісах, але імёны і прозвішчы сведкаў не зафіксаваны ў дакуменце.

Канчатковы пратакол складаўся з месца напісання дакумента – Прыпеша, даты – 23 чэрвеня 1656 года (*datum*). У *субскрыпцыі* адзначана, што ёсць пяць пячатак і подпісы Аляксандра Чаркаса, Крыштафа Станкевіча, Матэуша Люкшты на сярэдняпольскай мове, лістэнскага свяшчэнніка Афанасія Івановіча і лістэнскага дзяка Данілы Амелянавіча Асокі на старабеларускай мове. З актавых кніг быў выдадзены выпіс [20, арк. 482].

Дадзены дакумент утрымлівае звесткі аб вайне 1654 – 1667 гадоў. Аляксандр Чаркас выехаў на ваенную службу ў 1654 годзе, у самым пачатку вайны. Для бяспекі ён адправіў жонку з дачкой з Полаччыны, нават рухомыя рэчы перавёз да цесця. Аднак на момант напісання тэстамента А. Чаркас не ведаў месца знаходжання сваёй сям'і. Тым не менш жонцы былі запісаны рухомыя рэчы, а дачцэ – пасаг. Нерухомая маёмасць заставалася ў братоў. У адрозненне ад папярэдняга тэстаменту М. Скірманта, тут ёсць даручэнне душы Богу, але рэлігійная частка не дае магчымасці дакладна вызначыць веравызнання. Можна меркаваць па подпісам лістэнскага свяшчэнніка Афанасія Івановіча і лістэнскага дзяка Данілы Амелянавіча Асокі, што А. Чаркас быў праваслаўным. Для засведчання дакумента было абрана пяць чалавек, хоць дастаткова было тры.

Тэстаменты М. Скірманта і А. Чаркаса маюць класічны фармуляр, які складаецца з уласцівых для яго элементаў. Аднак у адрозненне ад іншых шляхецкіх тэстаментаў, якія напісаныя ў звычайных умовах, гэтыя дакументы вельмі лаканічныя і ўтрымліваюць інфармацыю па сутнасці справы. Адсутнічаюць разважання аб смяротнасці цела, разгорнутае даручэнне душы Богу з ухваленнем сваёй веры, пералік фундацыйных запісаў на храмы, падрабязнае апісанне пахавання¹¹. У тэстаментах М. Скірманта і А. Чаркаса асноўная ўвага надаецца размеркаванню маёмасці. На такі характар дакумента маглі паўплываць вайсковыя падзеі.

Скірмант М.Ф. і Чаркас А.Г. не адносіліся да знакамітых асобаў Полацкага ваяводства. Яны былі прадстаўнікамі шараговай шляхты. Аб іх няма звестак і ў гербоўніках. Іх тэстаменты прадстаўляюць некаторыя аспекты з жыцця павятовай шляхты ў перыяд вайны. Пры адсутнасці гродскіх і земскіх кніг за той час і знішчэнні многіх прыватных архіваў мы маем рэдкія дакументы па гісторыі полацкай шляхты ў перыяд 1654 – 1667 гадоў. Яны з'яўляюцца цікавай крыніцай па генеалогіі асобных шляхецкіх родаў Полаччыны, маёмасным дачыненням у шляхецкай сям'і, парадку спадкаемства, адносінам унутры сям'і.

ДАДАТКІ

Пры падрыхтоўцы тэстаментаў да друку М.Ю. Гардзееў кіраваўся наступным падыходам. Пры транслітарацыі тэкстаў у аснову пакладзены прынцып палітарнай іх перадачы. Разам з тым тэксты адаптаваны сучасным алфавітам. Графічнае абазначэнне літар, што выйшлі з ужытку, замененае сучасным. Тэксты падзелены на словы і сказы, цітлы раскрытыя, вынасныя літары і склады ўстаўлены ў радок і паддзены курсівам. Прапушчаныя літары ў словах пад цітламі адноўлены з улікам асаблівасцяў правапісу старабеларускай мовы і заключаныя ў круглыя дужкі. Устаўкі ад аўтара ўзятыя ў квадратныя дужкі і агаворваюцца ў палеаграфічных падрадкавых заўвагах. Цвёрды знак захаваны ўсюды. Вынасная літара (паерык) у выглядзе “с” перададзена курсіўным “й”, акрамя выпадкаў яе ўжывання напрыканцы слоў

¹¹ Нават цяжка паранены пры Мсціслаўскай абароне 1659 г. у замку Аляксандр Варанец прасіў сваіх стрыечных братоў Марціна і Паўла Варанцоў пахаваць яго ў Тупічаўскім манастыры ў Мсціслаўле, якому запісаў 40 коп літоўскіх грошаў [19, с. 126 – 129].

адзіночнага ліку і ў слове “маистрат”. Дыграф “кг” захаваны. Загалоўныя ініцыяльныя літары не адзначаюцца. Пасля знака заканчэння аркуша „//“ у квадратных дужках курсівам набіраецца нумар наступнага аркуша. Знакі прыпынку расставлены ў адпаведнасці з сучаснымі правіламі пунктуацыі. Тэксты дакументаў падзеленыя на абзацы паводле прынцыпу тэматычна і граматычна закончанага раздзела і ў адпаведнасці з фармулярам.

Канчатковая зверка дакументаў была зроблена Н.У. Сліж.

Дадатак 1. Тэстамент Міхаіла Скірманта, 1657

284. Тэстаментъ зошлого с того света небощыка пана Михала Федоровича Скирмонта, актыкованы презь п(а)на Гелияша Козарына¹².

7165. М(еся)ца генвара двадцат третего дня.

Божю м(ило)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого князя Алексѣя Михайловича, Вьсея Великие, Малые и Белые Роси(и) самодержьца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавьниками места царского величества Полоцкого, того року на справахъ судовыхъ въ ратушу Полоцкомъ заседающыми.

Постановившысе очевисто, земенинь воеводства Полоцкого пань Гелияшь Козарынь оповедаль и ку акътыкованю покъладал тэстаментъ зошлого зь сего света небощыка пана Михала Федоровича Скирмонта под печатю и с подписом руки его, такъ же под печатми и с подписами рукъ людеи зацныхъ печаторов, до того тэстаменту от него устьне и очевисто упрошоныхъ. И покъладаючы тот тэстамент, просиль, абы до кныи мескихъ ратушныхъ полоцкихъ акътыковань, ижъ писань, былъ. Которыи въписуючы въ книги слово до слова такъ се в себе мает:

“Во *Имя* Отца и Сына, и Светого Духа, стансе воля Божя.

Я, Михал Федорович Скирмонт, земенин воеводства Полоцког(о), будучы я отъ Пана Бога хоробую навежонныи, подобенствомъ самымъ и письмомъ Божиимъ доходечы, ижъ зъдоровыи чоловекъ близьшыи хоробы, а хорыи съмерти, тогды я, Михаль Федровичъ Скирмонть, еще пры доброй памети своеи и розуме будучы, хочу мет и росьпоражаю убогую маетностьку свою матерызную и отъчызную, назъваную Головьчычы, Аньдრєвщызну, у воеводстве Полоцкомъ лежачомъ, на часть [не]бощыка¹³ деда моего пана Аньдрея Порадни досъталую и сталую первеи сего небощыцы родительце // [а. 176 адв.] моеи, недавно зошлыи зь сего света годъное памети пани Марыны Аньдреевны Порадняньки Федоровои Скирмонтьовое; мъне, яко дедичу прырожоному спала межы паномъ Аньдреемъ Осътаповичомъ и паномъ Яномъ и Грыгоремъ Яновичами Пораднями, струями своими: имъ дъве части, а на мене, Михала Скирмонта – третяя частъ въ тои маетности Головьчычахъ – еще неделные – спала с поддаными оселыми, с пушою, зь деревомъ бортьнымъ – зь пьцолами и безъ пьцоль на моеи части, – и зь дворною пашънею.

Окромя зареча а маючы я, Михаль Федоровичъ Скирмонть, въ волномъ шафуньку и дысьпозыщии своеи, будучы я еще мьлодзенцомъ и нежонатымъ зь доброе воли моее скоро мене Пань Богъ Вьсемогущи до хъвалы своее Светое възят рачыт, никому иньшому по съмерти моеи тую частку мою вольную, свободную, никому ни в чомъ не пенъную, а ни заведзеную, вышьпомененую у Головьчычахъ, с поддаными оселыми и зь дворною пашънею даю, дарую и вечными, николи неотзовными часы записую милымъ сестрамъ моимъ рожонныи: старшои пани Кулине Федоровне Скирмонтьовне Казимеровои Ремидовскои половицу такъ у дворной пашъни, яко въ подданныхъ оселыхъ на вечные и николи неотъзовные часы записую и лектую, а другои сестре моеи рожонои, въ паненскомъ стане будучои панъне Марыне Федоровне Скирмонтьовне, которая-то панна тепер такъ у в опеце, яко и на всемъ у милого шъвакгра моего пана Казимера Ремидовского зостае, – другую половицу тое ж маетности моеи.

Которого пана Ремидовского, яко шъвакгра моего, прошу, абы над нею, сиротою, старане мель, аже охенъдозства на тую панну Марыну Скирмонтьовну ничего не справовал и не накладал есми. Тогды по съмерти моеи с тое ж маетности, або шьто сам прыложыт, пры выделку вытронтит мает. А тую маетность мою // [а. 177] Головьчычы отдаляю отъ близькихъ кровныхъ моихъ такъ по мечу, яко и по кудели, одно ему, пану Казимеру Ремидовскому, шъвакгру моему, и жоне его, а сестре моеи милои, половицу, а дъругои сестре – другую половицу, мають тую маетностьку мою по смерти моеи за симъ тэстаментомъ заехат и въ посесью свою вечыстую обьяят, и тую сироту, сестру мою панну Марыну Скирмонтьовну, въ станъ светыи мальженскии выдат и част еи в тои же маетности подат.

Шьто се тъкнеть долговъ, шьто я зосъталъ винень дядьку моему родному пану Есифу Ивановичу Скирмонтьу копь сорокъ грошеи литовскихъ; пану Гавърыле Шькуцькому, мещанину полоцкому, –

¹² Написана почыркам І. Далей – почыркам ІІ.

¹³ У лісце прабіта дзірка, страчаныя літары даюцца па сэнсу.

копъ двадцат чотыры – тогды мает панъ Казимер Ремидовъский онымъ с тое жъ маетности моее *отдат*. А болеи никому я не зосътал винен, такъ и мне нихто виннымъ не зосътал.

Ижъ поминатисе болеи панъ стрый мои, панъ Есифъ Скирмонтъ, и нихто у него, шывакгра моего не *будет* и мочы не *мает*, яко ижъ тую *частку*, *ижъ* зарече Ожарковъщызну и ни в которую по мне вступоватисе не *мает* и вечне не *будет* а ни *будут*. Охендозства жадного, яко и спрату домового и грошеи готовыхъ не зостало по мне, и не маю, окромя малыхъ речеи, которые на особливомъ реестре списаль есми.

А тело мое грешное маеть панъ Казимер Ремидовский своимъ кошптомъ поховат въ маетности Головьчычах водлуг преможеня и обьренъду хъ[ры]стиянского¹⁴, не проволокаючы долго, а себе за то вытронтит и *выбрат*. Опекуномъ чыню и назъначаю помененого пана Казимера Ремидовского, шывакгра моего милого, которого прошу и наупоминаю, абы сестры моее, паньны Марыны Скирмонтъовны не крывдиль.

Кончечы *остатнее* воли моее *тестамент*, // [а. 177 *адв.*] до которого подьписаль есьми руку свою власяную, прытомъ уприсомъ о подьпись рукъ пановъ прыятель моихъ, на тотъ час пры сем писаномъ тесьтаменте будучыхъ, меновите пана Гелияша Козарына, пана Стефана Порадню и пана Сергея Каменьку, землянь воеводства Полоцкогго, которые ихъ м(ило)сть на прозьбу мою учынить рачыли, пры подьписе руки моее печати свое прыложыли и руки свое подьписали.

Писанъ у Головьчычахъ, року тисеча *шестсотъ петдесять* сегомо, м(еся)ца генъвара дьвадцатого дня”.

У того тесьтаменту печатеи прытисненыхъ шесть, а подьпис рукъ подьписано тыми словы: “Michał Skirmont ręką swą. Ustnie y oczewisto proszony do tego ostatniey woli testamentu od pana Michała Skirmonta przy dobrej pamięci y rozumie będącego Heliasz Fiedorowicz Kozaryn mnpp. Ustnie proszony pieczętarz do tego testamentu przy ustney prozbie od pana Michała Skirmonta Stephan Poradnia ręką swą. Устьне прошоный печатур до того *остатнее* воли *тестаменту* от пана Михала Федоровича Скирмонта пры печати руку подьписаль Сергеи Федоровичъ Каменька рукою власяною. Proszony pieczętarz do tego testamentu od pana Michaia Skirmonta Hrehorey Nawryłkowicz, Jenerał woiewodstwa Połockiego, ręką swą”.

Который тотъ тесьтаментъ за покладанем и акътыкованемъ черезъ помененого п(а)на Гелияша Козарына ест до кьнигъ мескихъ ратушьныхъ полоцкихъ вьписанъ. Выписъ выдано¹⁵. Выдан и видымус¹⁶.

Крыница: НГАБ. – Фонд 1823. – Воп. 1. – Спр. 1. – Арк. 176 – 177адв.

Дадатак 2. Тэстамент Аляксандра Чаркаса, 1656

714. Лета сем тысячеи сто *шестдесят* пятого, м(еся)ца июля десятого дня по старому рускому чыслу.

Тестамент небощыка пана Аляксандра Чаркаса, през брата его пана Яна Чаркаса актыкованыи.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михаиловича, Всея Великое, Малое и Белое Россыи самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузмою Наумовичомъ, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царског(о) величества Полоцкогго, того року на справахъ судовыхъ в ратушу Полоцкомъ заседаючыми.

Постановившысе очевисто, земенин воеводства Полоцкогго панъ Янь Геронимович Чаркас *тестамент* зошлого с того света небощыка пана Аляксандра Геронимовича Чаркаса¹⁷, брата своего, ку актыкованю и вписаню до книгъ мескихъ полоцкихъ покладал, писаныи в тые слова:

“Во *Имя* Жывоначалное и Неразделимое Троицы, Отца и Сына и Духа Святаго, Амин.

Я, Аляксандер Геренимович Чаркас, земенин воеводства Полоцкогго, будучый от пана Бога Всемогущого навежоный обложною хоробою, а ведаючы, ижъ кождыи чоловек сподеваетса здоровый хоробы, а хорый¹⁸ – смерти, и, будучы пры доброй и зуполной памяти, хотечы сумьнене вцеле заховати, же бы на потом ростырку жадного межы позосталыми не было, вперед душу мою полецаю Господу Богу Всемогущому, в Троицы Светои Едыному и Насвеншой Панне Матце Божои, а потом маетность мою лежачують, [ру]хомое¹⁹ жадное мое пры мне на сес час не было, тогды маетность мою лежачую – *четвертую част* названого Прыпеша, у воеводстве Полоцком лежачую, – записую и легкую тым *тестаментом* брати

¹⁴ У лісце прабіта дзірка, страчаныя літары даюцца па сэнсу.

¹⁵ Напісана почыркам III.

¹⁶ Напісана почыркам IV іншымі чарніламі.

¹⁷ Упісана над радком.

¹⁸ Упісана над радком.

¹⁹ У лісце прабіта дзірка, страчаныя літары даюцца па сэнсу.

двум моим рожоньм: пану Яну и пану Юрию Геронимовичом Черкасом, которые мают тело мое грышньное поцстиве водлуг звычайю шляхецкого поховат.

Однак таким *//[а. 481 адв.]* способом, ижъ подчас небеспеченст[в]а²⁰ в году прошълем, тысяча шестсот пятьдесят четвертом, кгдам самъ одъехал на службу, а его м(и)л(о)сть панъ Крыштофъ Пчыцькийи, тест мои, без ведомости моеи, взявши зъ збегув малжонку мою и з цоркою моею Цецьлиею, од пана Варпаховского, з Ёфлянтъ, до Вилна звезъ, о которых и до тых час ведомости не маю, где се оборочаюут.

Про то, если бы оныхъ Панъ Богъ прынес, цорку мою Цецьлиею подаю в опеку тои же брати моеи рожоню: пану Яну и пану Юрию Геронимовичом Черкасом, абы ее почстиве ховали ажъ до дорошченя лет ее. А если бы доросла лет, тогда мают их м(и)л(о)сть панове братя в станъ малженскийи ее выдат. И въ тот час с тое маетности моее, которую записую, готовыми грошми золотых шестсот, выдаючы замужъ, панове братя моя мают оддат, а маетность пры себе оставит и часы вечньными ее ужыват, яко дедичове, абы моя маетность з дому нашог(о) черкасского нигде не отделяла и не одходила. А если бы цорки моеи не было, тогда тых грошей шестисот золотых панове братя моя не мают никому оддават.

А малжонце моеи Гелене Пчыцькою Александровою Черкасовою записую и тым тестаментом моимъ легкую рухомост мою, которую подчас небеспеченства од Москвы, кгдамы мы уходили, спровадил в том же году тысяча шестсот пятьдесят четвертом до пана тестя моего, пана Крыштофа Пчыцького, до маетности его м(и)л(о)сти Соколища, у воеводстве Полоцком лежащую. Которую рухомост, уходечы, панъ Крыштофъ Пчыцькийи, недочекавши мене, зъ собою в Литву спровадил, то есть: скрын тры, в которых готовых грошей золотых трыста, серебра, золота, цыны, меди, справы, обликги, квиты и инного розного моего и малжонки моее сполне набытого охендства – одно з другим на золотых семсот, о которых рухомых речах сама малжонка моя *//[а. 482]* ведаст. Так же быдло розное: кони двое, коров чотыры, овец семеро, свинней десятеро – которого может быт за золотых сто.

И то все възглядом запису моег(о), штом дал, малжонце моеи записую. А над то жаден братью мою турбоват не мают, кгда ж они обо мне печоловане и старане в хоробе моеи тяжкои мели.

И на то сес тестаментъ мои справлены заставилом с подписом руки моее и с подписами рук людеи добрых, от мене устне упрошонных, нижеи на подписе менованых, которые на прозбу мою учинили, и руки свое подписали.

Писан на Прыпешу, року тысяча шестсот пятьдесят шостого, м(еся)ца июня двадцат третего дня”.

У того тестаменту печатей прыписанных пят, а подпис рукъ подписана тыми словы: “Alexander Czerkas ręka swą; Афанасии Иванович, священник листенский; Данило Омелянович Осока, дяк листенский; Krzysztofh Stankiewicz, Matcheusz Luksza ręka swą”.

Которыи тот тестаментъ, през помененого пана Яна Черкаса перед нами, вradoм, покладаныи и до акту поданыи, ест до книг меских полоцких вписанъ. Выпис выдан.

Крыніца: // НГАБ. – Фонд 1823. – Воп. 1. – Спр. 1. – Арк. 481 – 482.

ЛІТАРАТУРА

1. Актавая кніга полацкага магістрата 1650 г.: зб. дак. / склаў і падрыхтаваў да выдання М.Ю. Гардзеў. – Мінск, 2006.
2. Гордеев, М.Ю. Новые данные к биографии Симеона Полоцкого: завещание матери просветителя / М.Ю. Гордеев // Славяноведение. – 1999. – № 2. – С. 37 – 47.
3. Гардзеў, М.Ю. Акты па аперацыях з нерухомацю ў полацкіх магістацкіх кнігах другой паловы XVII ст. / М.Ю. Гардзеў // Commentarii Polocenses Historici. – 2004. – Т. 1. – С. 50 – 58.
4. Гардзеў, М.Ю. Акты па праблемах самакіравання паводле полацкіх магістрацкіх кніг другой паловы XVII ст. / М.Ю. Гардзеў // Commentarii Polocenses Historici. – 2005. – Т. 2. – С. 13 – 18.
5. Гардзеў, М.Ю. Дакументы па гісторыі рамяства ў актавай кнізе полацкага магістрата за 1656 – 57 гг. / М.Ю. Гардзеў // Беларускі гістарычны агляд. 2003. – Т. 10. – Сш. 1 – 2. – С. 175 – 187.
6. Гардзеў, М.Ю. Запісы-тэстаменты полацкіх мяшчан часоў вайны 1654 – 1667 гг. як пісьмовыя гістарычныя крыніцы / М.Ю. Гардзеў // Гісторыя Беларусі: новае ў даследаванні і выкладанні: матэрыялы рэсп. навук.-практ. канф., Мінск, 27 сакавіка 1999 г.: у 2 ч. – Мінск, 1999. – Ч. 2. – С. 39 – 42.
7. Гардзеў, М.Ю. Матэрыяльнае становішча сям’і Симеона Полоцкого / М.Ю. Гардзеў // Симеон Полоцкий: мировоззрение, общественно-политическая и литературная деятельность: материалы междунар. науч. конф. – Полоцк, 1999. – С. 53 – 57.

²⁰ У лісце прабіта дзірка, страчаная вынасна надрадковая літара даецца па сэнсу.

8. Гардзеў, М.Ю. Новыя звесткі да біяграфіі Сімяона Полацкага / М.Ю. Гардзеў // Кантакты і дыялогі. – 1998. – № 7 – 8. – С. 54 – 56.
9. Гардзеў, М.Ю. Новы дакумент да біяграфіі Сімяона Полацкага / М.Ю. Гардзеў // Веснік Магілёўскага дзярж. ун-та ім. А.А. Куляшова. – 1999. – № 1. – С. 60 – 67.
10. Гардзеў, М.Ю. “Под час небеспеченства од Москвы...” (актавая кніга полацкага магістрата за 1656 – 1657 гг. як крыніца па вывучэнні вайны 1654 – 1667 гг.) / М.Ю. Гардзеў // Беларускі гістарычны агляд. – 1999. – Т. 6. – Сш. 1 – 2. – С. 202 – 221.
11. Гардзеў, М.Ю. Полацкія магістрацкія кнігі другой паловы XVII ст. як гістарычная крыніца / М.Ю. Гардзеў // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: матэрыялы II міжнар. навук. канф. – Полацк, 1998. – С. 76 – 79.
12. Гардзеў, М.Ю. Сімяон Полацкі: сям’я і роднасныя сувязі / М.Ю. Гардзеў // Штогоднік Інстытута гісторыі Нац. акад. навук Беларусі. – 1999. – Мінск, 1999. – С. 40 – 47.
13. Гардзеў, М.Ю. Тэстамент маці Сімяона Полацкага / М.Ю. Гардзеў // Беларускі горад у часе і прасторы. 500 гадоў Полацкай магдэбургіі: зб. навук. прац. – Наваполацк, 2001. – С. 87 – 97.
14. Груша, А. Памяці М.Ю. Гардзева / А. Груша, В. Галубовіч // Commentarii Polocenses Historici. – 2004. – Т. 1. – С. 84.
15. Историко-юридические материалы, извлечённые из актовых книг губернии Витебской и Могилёвской, хранящихся в центральном архиве в Витебске (далее – ИЮМ). – Вып. 21. – Витебск, 1891.
16. ИЮМ. – Вып. 22. – Витебск, 1891.
17. ИЮМ. – Вып. 24. – Витебск, 1893.
18. ИЮМ. – Вып. 25. – Витебск, 1894.
19. ИЮМ. – Вып. 28. – Витебск, 1900.
20. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Фонд. 1823. – Воп. 1. – Спр. 1.
21. Сліж, Н. Шляхецкія тэстаменты 16 – 17 ст. / Н. Сліж, М. Гардзеў // Гістарычны альманах. – 2000. – Т. 3. – С. 89 – 110.
22. Сліж, Н. Лёс шляхцянак у вайне 1654 – 1667 г. / Н. Сліж // Герольд Litherland. – 2004. – № 3 – 4 (15 – 16). – С. 85 – 90.
23. Chrościcki, J. Pompa Funebris. Z dziejów kultury staropolskiej / J. Chrościcki. – Warszawa, 1974.

Паступіў 18.09.2012

**GENTRY TESTAMENTS FROM THE MAGISTRATE BOOK OF POLACAK,
1656 – 1657**

M. GARDZEEŪ, N. SLIZH

The article is devoted to two testaments written by Mikhail Skirmant and Aliaksandr Čarkas. They were entered into the magistrate book of Polacak in 1656 – 1657. The structure and the context of the documents were analyzed. Despite other similar sources there are no arguments on the mortality of a body, trusting the soul to God, records for churches, description of funeral in details, mostly focusing on the distribution of property in these documents. The analyzed testaments are an interesting source for the genealogy of noble families of Polotsk region, inheritance in a noble family, relations in a family.

УДК 94/99(476.6)

РЕЙД ОТРЯДА РОМАНА РОГИНСКОГО ПО БЕЛАРУСИ ЗИМОЙ 1863 ГОДА

О.В. КАРПОВИЧ

(Брестский государственный технический университет)

Впервые в современной белорусской историографии с привлечением ранее неизвестных материалов и архивных источников представлены сведения о рейде первого на территории современной Беларуси повстанческого отряда (1863 г.) Романа Рогинского, уроженца Варшавы. Подробно изложен путь отряда от границ Гродненской губернии и Царства Польского на восток по территории Полесья; описаны боевые столкновения повстанцев с правительственными войсками и реакция местного населения на появление первых повстанцев в полесской глубинке. Анализируются причины поражения повстанческого отряда.

Введение. Отечественная историография, касаясь проблематики восстания 1863 – 1864 годов, практически не уделяет внимания боевым действиям различных повстанческих отрядов на территории современной Беларуси. Между тем это одна из важнейших тем в рамках изучения проблематики самого восстания, дающая ключ к пониманию причин поражения восстания в целом.

Самым первым повстанческим соединением, появившимся на территории Гродненской губернии, как и современной Беларуси в целом, стал созданный по решению Варшавского Центрального Национального комитета (ЦНК) отряд 22-летнего Романа Рогинского. Несмотря на свой юный (по современным меркам) возраст, Рогинский был уже опытным революционером. Выходец из семьи мелкопоместных дворян, он родился в 1841 году в Варшаве. Еще в период учебы в варшавской гимназии, увлекшись революционными идеями, быстро попал в поле зрения властей и едва не был исключен. Не сумев состояться на родине из-за радикальных взглядов, Рогинский был вынужден уехать в Италию, где уже была многочисленная польская диаспора, осевшая там после подавления восстания 1831 года. При поддержке Дж. Гарибальди в сентябре 1861 года в Генуе была открыта польская военная школа (подобно кадетскому корпусу), ставшая кузницей офицерских кадров для готовившегося варшавского восстания. Чуть позже эта школа была перенесена в Пьемонт, а в июне 1862 года итальянское правительство под давлением России ее ликвидировало. Но и за столь короткий промежуток времени военную школу смогли закончить 120 человек, в числе которых был и Роман Рогинский. «Получив с родины приказание вернуться», Рогинский с несколькими готовыми офицерами 15 октября 1862 года приезжает в Варшаву, где уже идет подготовка к восстанию. По распоряжению подпольного революционного варшавского правительства Рогинский был назначен комиссаром Подляского воеводства (в составе Бельского, Седлецкого, Луковского и Радзинского уездов) и прибыл в Бялу-Подляску, где занялся вербовкой людей, добычей оружия и средств на восстание. За короткий срок в подчинении у Рогинского оказался отряд приблизительно из трех тысяч человек, состоящий, как отмечал он сам, из беспоместной шляхты и мещан. В Бяле к Рогинскому присоединился и действующий офицер русской армии, прапорщик 3-й артиллерийской бригады Богуслав Павлович, ставший вскоре его адъютантом. Позднее вторым адъютантом стал бывший воспитанник одного из монастырей Стасякевич, после разгрома отряда Рогинского возглавивший собственный отряд в Брестском уезде.

Рогинский имел несколько небольших столкновений с войсками, пока не встретил более серьезного противника. Им оказался генерал-майор Свиты его императорского величества граф Иван Ностиц, потомок старинного аристократического рода, в январе 1863 года по личному распоряжению Александра II назначенный в распоряжение Виленского генерал-губернатора В.И. Назимова. Как вспоминал впоследствии сам Ностиц, по приезду в Вильно Назимов отправил его в Белосток, а оттуда граф с небольшим воинским отрядом прибывает в Бялу-Подляску, в окрестностях которой происходит первое сражение с Рогинским. С этого момента начинается первое заочное знакомство двух соперников.

Проведя несколько сражений с правительственными войсками на территории Польши, Рогинский, стремясь уйти от преследовавшего Ностица, переходит в Брестский уезд и 8 февраля (27 января) наведывается в Высоко-Литовск к князю Ксаверию Сапеге с просьбой выделить своих людей в отряд, а то и самому его возглавить. Как отмечал впоследствии Рогинский, «это не был потомок тех Сапег, которые имели сабли наготове для защиты родины. Дал он нам шесть коней, две двустволки да 250 рублей денег. Вот жертва, которую он принес на алтарь отечества» [4, с. 439]. Сам князь, хоть и не поддержал восстание напрямую и откупился такой малой ценой, все-таки решил не искушать судьбу и в том же году эмигрировал за границу.

Вблизи усадьбы Королёв Мост Пружанского уезда 11 февраля (30 января) произошло столкновение отряда Романа Рогинского с превосходящими силами правительственных войск под общим командо-

ванием графа Ивана Ностица. В ходе боя часть повстанцев были рассеяны и отошли в Польшу, другая во главе со Стасякевичем двинулась по направлению к Брест-Литовску. В этом столкновении, которое закончилось трагически для Рогинского, погибло и попало в плен 85 повстанцев, был потерян весь обоз. Ностиц писал в мемуарах о 50 погибших повстанцах и 3 взятых в плен, свои потери он оценил в 13 раненых нижних чинов [11, с. 205]. Сам Роман Рогинский с остатками отряда укрылся в лесу. Поздним вечером 12 февраля (31 января) его отряд, соединяясь с небольшим формированием акцизного чиновника Гродненского губернского правления Станислава Сонгина, достиг местечка Шерешево. В сельском правлении было конфисковано 93 рубля казённых денег, которыми тут же были оплачены одежда и продукты, поставленные партизанам. Как писал сам Рогинский, при занятии им Шерешево «все местечко сбежалось нас накормить, а евреи доставили остальное. Когда же я заявил, что плачу за все, дали нам то, в чем больше всего ощущалась надобность: пороху, патронов и множество пистонов для ружей» [4, с. 448].

После этого объединённый отряд под общим командованием Рогинского на 15 фурманках двинулся на Пружаны, которые и были захвачены 13 (1) февраля. Партизаны недолго оставались без денег: в местном казначействе было «экспроприровано» 10808 рублей и 85 копеек, документы и амуниция. Попутно была обезоружена местная немногочисленная воинская команда и захвачено 200 карабинов и 1720 патронов. Не обошлось без кровопролития: «убиты 2 рядовых инвалидной команды и 1 отставной ...и ранены 9 человек, из коих один, находившийся на часах у дверей казначейства, получил 10 ран» [2, с. 343]. Из городской тюрьмы было выпущено 9 арестантов, которые, однако, не присоединились к повстанцам. Рогинский в своих мемуарах вспоминал о том, что в Пружанах к нему в отряд вошло только 2 человека. Ими были бухгалтер казначейства Стравинский, который «нанес удар шашкой по голове» безоружному солдату местной инвалидной команды, и писарь уездного суда Глебович «выстрелом в горло» убивший рядового Колесникова [2, с. 344]. Помимо этого, Рогинский «силой увел в мятеж» местных дворян братьев Франца и Александра Пульховских и дворянина Брестского уезда Малевского, которые, впрочем, бежали из отряда той же ночью, о чем чистосердечно и доложили военному начальству [8, л. 11 – 11об].

В самом городе действовала местная подпольная организация, благодаря усилиям которой и был так легко захвачен уездный центр. Практически сразу по горячим следам было установлено, что непосредственную помощь Рогинскому оказывало практически все городское руководство во главе с уездным предводителем дворянства Валентием Швыковским. Как свидетельствуют архивные материалы, «главными агентами» революционного повстанческого комитета в Пружанском уезде были уездный предводитель дворянства Валентин Швыковский, уездный казначей Горецкий, уездный исправник капитан Иван Руммель, городничий штабс-капитан Бенедикт Койшевский, уездный судья Александр Вислоух, начальник городского острога Ивановский, начальник Пружанской дворянской опеки Франц Бортновский и целый ряд других [6]. Интересно поведение военных властей, охранявших город. Начальник команды Пружанской внутренней стражи поручик Платон Головня при нападении на город «обнаружил трусость и, спасая только себя, бежал из города, переодевшись в крестьянскую одежду». Впоследствии Головня был лишен офицерского звания и дворянства, изгнан из армии и выслан вглубь России. Его помощник фельдфебель Пухальский разжалован в рядовые и отдан в Оренбургскую арестантскую роту [5, л. 1 – 3]. Пружанский городничий капитан Бенедикт Койшевский лично указал повстанцам военный арсенал и казармы инвалидной команды [2, с. 343].

Конфискованное оружие, боеприпасы и амуницию погрузили на телеги, и отряд двинулся в сторону Кобрина. Однако вскоре между Рогинским и Сангиным произошла размолвка. Сангин был резко против дальнейшего продвижения по территории Гродненской губернии, считая, что регион еще не готов к восстанию. Рогинский же настаивал на продвижении вглубь «Литвы» как можно дальше [11, с. 206]. В результате разногласий отряд Сангина, забрав свою часть добычи (половину оружия, амуниции и 5000 рублей), повернул в сторону Бельского уезда. Забегая вперед, отметим, что отряд Сангина 15 (3) февраля попал в засаду близ селения Речица Пружанского уезда и был разгромлен превосходящими силами правительственных войск под командованием подполковника Вимберга. Погибли 11 повстанцев (в том числе и сам Сангин), 16 попали в плен, несколько человек утонули, сумели спастись лишь 8 повстанцев. Потери правительственных войск составили 2 человека убитыми и трое ранеными [11, с. 206; 13, с. 321]. Впрочем, к данным по потерям с обеих сторон следует относиться с максимальной осторожностью. И русское командование, и повстанцы всячески завышали чужие потери, занижая при этом свои. Зачастую эти непроверенные данные попадали и в официальную литературу. Так, сборник материалов Муравьевского музея (1915) в сведениях о том сражении приводит уже просто фантастические цифры о 83 убитых, 34 раненых и 14 взятых в плен повстанцах Сангина [1, с. XL]. Однако в действительности его отряд не превышал 40 человек.

Тем временем Рогинский с отрядом в 30 человек продолжал дальнейшее движение. После захвата Пружан отряд Рогинского расположился на отдыхе в имении Линево помещика Богуслава Трембицкого, где был готов ужин на 120 человек [8, л. 24]. В дальнейшем на протяжении пути отряда до Антополя к Рогинскому активно присоединялись местное дворянство, гимназисты, ремесленники, служащие лесной стражи. Местные помещики, не вливаясь в его отряд сами, старались оказывать ему лишь небольшую по-

мощь. Так, при проходе Рогинского через имение помещика Шемиота последний дал Рогинскому в качестве проводника своего родственника Керножицкого, наказав ему «провести отряд проселочным путем на большую дорогу, идущую от Пинска на Волинь» [7, л. 7]. В итоге отряд Рогинского вскоре вырос до 85 человек и 14 (2) февраля прибыл в имение Антополь Кобринского уезда, принадлежащее графу Казимиру Ожаровскому. Отставной артиллерийский штабс-капитан и бывший мировой посредник Кобринского уезда граф Ожаровский был довольно влиятельной фигурой. На его помощь в пополнении своего отряда людьми и рассчитывал Рогинский. Однако граф не оказал Рогинскому приема, на который тот рассчитывал, и вся помощь свелась лишь к поставке продовольствия повстанцам. Напоследок Ожаровский подарил Рогинскому своего лучшего коня и карабин [12, с. 65]. Но это скорее был жест вежливости, чем реальная помощь. Не получив реальной помощи от графа Ожаровского, Рогинский на свой страх и риск решил двигаться дальше, вглубь Полесья.

На всем протяжении пути Рогинский имел контакты с лесными стражниками государственных и частных имений, которые сообщали ему о передвижениях и местах дислокации правительственных войск. Так, в местечке Любешев им было получено сообщение, что из Пинска на поиск повстанцев вышел пехотный батальон, а в самом городе осталось только около 100 человек казаков и военнослужащих местной инвалидной команды. Воспользовавшись уходом из города основных сил, Рогинский решил атаковать город. Для проверки информации и установления связи с местной подпольной повстанческой организацией в город был выслан помощник Рогинского Волович, который вернулся через 2 дня с полицейским урядником Юрашкевичем, учителем Пинской гимназии Остромецким и гимназистом Клюковским, поступившими в отряд [11, с. 207]. Тогда же и выяснилось, что сведения об уходе из Пинска основных сил были дезинформацией.

Вечером 20 (8) февраля на мосту через реку Ясельда, в 3 км от почтовой станции Иванишовка и в 11 км от Пинска, отряд Рогинского перехватил почтовую эстафету в Минск. С почтового фургона кроме секретной переписки властей были захвачены также деньги на сумму в 4800 рублей серебром и векселя на 5546 рублей 50 копеек. При этом был убит ямщик, и получил тяжелое ранение почтальон [12, с. 65; 11, с. 207]. Проведя эту акцию, Рогинский отправился полесскими лесами в направлении Лунин – Радзивиловичи, и далее – к Боркам.

Генерал Ностиц 23 (11) февраля разделил свое подразделение на 4 отряда и отправил их вслед за Рогинским. Первый отряд под командованием штабс-капитана Евдокимова (рота 7-го Ревельского пехотного полка и 70 казаков) двинулся по направлению к Лунину. Второй отряд капитана Евстратова (рота 7-го Ревельского пехотного полка и 100 казаков) направился к Логишину. Третий отряд подполковника Вимберга (рота 7-го Ревельского пехотного полка и 50 казаков) двигался вдоль канала Огинского. Четвертый отряд капитана Нефедова в составе одной роты Ревельского полка и 25 казаков был направлен в район Кожан-Городка с задачей перекрыть Припять и не дать Рогинскому переправиться на ее левый берег. В этот же день Рогинский вошел в имение Лунин князя Друцкого-Любецкого, где отряд получил продовольствие и несколько лошадей [1, ч. 2, с. 67 – 68].

Отряд Рогинского 26 (14) февраля достиг небольшого селения Борки Пинского уезда. Это была маленькая бедная деревушка, состоящая из нескольких деревянных домов и ряда хозяйственных построек. Повстанцы расположились лагерем среди этих строений и устроились на ночлег. В ночь с 26 на 27 (15) февраля лагерь внезапно атаковала колонна штабс-капитана Евдокимова. Наспех построенные баррикады из возов не спасли повстанцев от полного разгрома. Из отряда, насчитывавшего 85 человек, сумело спастись только 12 человек во главе с Рогинским; 24 повстанца попали в плен, остальные погибли. Среди взятых в плен находился и прапорщик 13-й артиллерийской бригады Богуслав Павлович, самовольно оставивший часть и присоединившийся к Рогинскому еще на территории Польши. Трофеями Евдокимова стали 18 возов с оружием и продовольствием, 49 лошадей [1, ч. 2, с. 68; 11, с. 208].

Разгромив отряд Рогинского, граф Ностиц начал наводить порядок в самом Пинске. По подозрению в связях с повстанцами были арестованы секретарь уездного предводителя дворянства Валентий Тржетяк, секретарь уездного суда Генрих Щипилло, секретарь земского суда Франц Мороз. Были уволены уездный исправник Венедикт Флигель, городничий поручик Волчанинов и почтмейстер [1, ч. 2, с. 69; 9, с. 120].

Тем временем Рогинский с немногими уцелевшими повстанцами стремился вырваться из сжимающегося вокруг него кольца окружения, уходя все дальше на восток. Несколько дней его значительно поредевший отряд блуждал по лесам при сильном морозе и ветре, пока не достиг имения Круковичи помещика Одаховского, где Рогинский надеялся остановиться на ночлег. Однако прибывшая туда колонна капитана Альбертова нарушила эти планы, и повстанцы снова бежали в лес. Из имения к Рогинскому присоединился студент Киевского университета, работавший гувернером у Одаховского [11, с. 209]. Чуть позднее в небольшом селении Лахва Рогинскому удалось с помощью местных крестьян раздобыть немного продуктов для своего отряда и подводу, на которой повстанцы направились в сторону Житковичей Мозырского уезда.

Рано или поздно фортуна отворачивается от своего любимца. Так произошло и с Романом Рогинским. В начале марта бесконечные скитания его отряда по незнакомому краю подошли к концу. Не дохо-

дя до Житковичей, он оставил свой отряд, а сам с помощником Юрашкевичем пешком пошел в Туров, где помещик, отставной уланский офицер Млынский, 3 марта (18 февраля) в своем доме собирал шляхту. Однако вместо шляхты у Млынского собрались мещане, которые скрутили Рогинского и Юрашкевича и сдали его казакам. Под усиленной охраной повстанцы были отвезены в Житковичи, а оттуда в сопровождении капитана Альбертова доставлены в Пинск. В Пинске состоялась первая встреча графа Ностица с Романом Рогинским. Вот как описывает сам Рогинский свое первое свидание с Ностицем [4, с. 152]: «Он вошел в комнату, где собралось много офицеров, с любопытством рассматривавших меня, и, обращаясь ко мне, сказал по-русски:

– Г-н Рогинский, я вашу храбрость уважаю. Подал бы вам руку, но руки ваши обагрены кровью моих соотечественников. Вы подняли мятеж против нашего государя и народа. Если вам это будет прощено, останемся друзьями...».

Пробыв несколько дней в Пинске, Ностиц под усиленной охраной лично доставил Рогинского в Брест-Литовск. И здесь начинается интересное. Генерал Иван Григорьевич Ностиц имел богатый боевой опыт, полученный на Кавказе, обладал он и везением. Но Россия всегда имела отличных боевых офицеров, и Ностиц здесь не исключение. Знаменит он стал как один из первых в империи профессиональных фотографов. В частности, все первые снимки знаменитого Шамиля были сделаны графом Ностицем. Именно в Бресте столбовой дворянин, генерал-майор Свиты его императорского величества граф И.Г. Ностиц снизошел до уровня ремесленника и сделал арестантские снимки своего знаменитого пленника. Вполне возможно, что его брестские фотографии сохранились и находятся в российских архивах.

В дальнейшем этого неординарного пленника этапировали из Бреста в Варшаву, где военный суд приговорил Романа Рогинского к смертной казни. Но генерал Ностиц сдержал слово, данное Рогинскому в Пинске. «Во внимание чистосердечного признания Рогинского и сделанных им показаний, желая спасти жизнь этого энергичного двадцатилетнего юноши... я ходатайствовал у Великого князя (наместника Царства Польского Константина Николаевича – *О. К.*) о даровании ему жизни», – вспоминал позднее генерал. Приговор был заменен пожизненной каторгой в Сибири. В 1896 году Рогинский получил амнистию по случаю воцарения на престоле Николая II и «навестил генерала Ностица, ныне уже старичка, доживающего век в своем поместье на Украине. Встретил он меня с непритворной радостью и радушием» [4, с. 152].

Повстанцы из отряда Рогинского были схвачены вскоре после ареста их командира. Трофеями правительственных войск стали 5 повозок, 18 лошадей, 3 ружья и боеприпасы [1, ч. 2, с. 73].

Сведений о составе отряда Романа Рогинского крайне мало. Удалось установить фамилии лишь немногих лиц, оказавшихся в составе самого первого на территории современной Беларуси повстанческого отряда. Так, достоверно известно, что в разное время к отряду Рогинского присоединились: учитель Пинской гимназии Остромецкий, ученики этой же гимназии Кроликовский и Кучевский, ксендз Мозырской гимназии Выгановский, чиновники Пинского уездного суда Тржецяк, Винский, Шепилло, Павел и Франц Морозы, отставной пехотный поручик Кеневич, прапорщик Двораковский, дворянин Калаур [3]. Отдельно следует коснуться истории некоего дворянина Тита Самульского. Он был ранен в бою с правительственными войсками еще в январе 1863 года, находясь в составе отряда Романа Рогинского. Когда Рогинский захватил Пружаны, Самульский был оставлен на лечение у местного помещика Морачевского; 3 (15) февраля того же года Морачевский доставил Самульского к пружанскому приставу, который и посадил раненого повстанца под арест в местный острог для дальнейшего разбирательства. Через некоторое время Самульский был выпущен из-под ареста, отдан на поруки отставному подпоручику Станиславу Трембицкому и некоторое время жил в его доме в Пружанах. За время пребывания на свободе Самульский развернул активную работу по вербовке местных жителей, в первую очередь чиновников в отряды, нередко угрожая последних «лишить жизни». Причем вербовка шла непосредственно в самих учреждениях по месту службы чиновников. Таким образом ему удалось набрать около 40 человек. В мае 1863 года Самульский и Трембицкий благополучно ушли из Пружан в отряд Влодека. Станислав Трембицкий был арестован 5 (17) сентября 1863 года и на допросах упорно повторял, что Самульский сам ушел из его дома без ведома хозяина и он, боясь ответственности, был вынужден также уйти в леса, где через какое-то время его нашли повстанцы Влодека. Впоследствии Трембицкий был приговорен к 6 годам каторги, следы Самульского теряются в Польше [10, с. 23, 44, 155].

Заключение. Роман Рогинский совершил впечатляющий рейд со своим отрядом по территории Беларуси. За 24 дня он преодолел 750 км, расстояние, которое и в годы Великой Отечественной войны не каждый партизанский отряд был способен пройти. Все это время он действовал в совершенно незнакомых для него условиях и местности, абсолютно не зная настроений среди проживающего здесь населения. Недаром его действия получили должную оценку у русского командования. Один из офицеров подразделения графа Ивана Ностица, охотившегося за отрядом Рогинского, писал: «Этот ловкий предводитель всегда действовал как опытный партизан, быстро формируя шайки, он, несмотря на то, что был три раза последовательно разбит, держался довольно долго, тревожа уезды Пинский, Брестский и в особенности Кобринский» [1, ч. 2, с. 134]. Сам Ностиц также отмечал исключительные качества Рогинского.

«Отвага, энергия и предприимчивость всегда творили чудеса на войне, и этими качествами вполне обладал Рогинский», – вспоминал генерал позднее [11, с. 210].

Рогинский считал, что появление здесь повстанческого отряда станет мобилизующим фактором среди местного населения и всколыхнет его на поддержку восстания. На какой-то момент его ожидания оправдались. Так, по сведениям генерала Ностица, на территории Пружанского и Пинского уездов к Рогинскому присоединилось от 35 до 45 человек – чиновники, гимназисты, отставные офицеры [1, ч. 1, с. 68 – 69]. Однако главная ошибка Рогинского была в его ставке на «сознательность» местного влиятельного дворянства. Как оказалось позднее, имущее дворянство фактически отказало ему в поддержке, крестьянство также не спешило поддержать Рогинского. Слабость подпольных повстанческих организаций, а в ряде мест они еще не были сформированы вообще, абсолютная инертность края по причине полной неготовности к восстанию сыграли с Рогинским злую шутку. Тем не менее его надежды не пропали даром. Первые повстанческие отряды на территории Гродненской губернии из местного населения были сформированы в апреле – мае, во многом благодаря активной позиции бывших повстанцев Рогинского.

Можно по-разному относиться к восстанию 1863 года и его идеям. Но нельзя не оценить кипучую энергию Романа Рогинского, его талант и храбрость. Все эти качества, умноженные на определенную долю авантюризма, позволяют относиться к этому неординарному человеку с восхищением и уважением. В лице Рогинского генерал Ностиц получил достойного противника, боровшегося за свое отечество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863 – 1864 гг. в пределах Северо-Западного края: в 2-х ч.; под общ. ред. А.И. Миловидова. – Вильно, 1913. – Ч. 1; Вильно, 1915. – Ч. 2.
2. Восстание в Литве и Белоруссии 1863 – 1864 гг.: материалы и документы. – М.: Наука, 1965. – 586 с.
3. Государственный архив Российской Федерации. Фонд 109. – Оп. 38. – Д. 23. О беспорядках в Царстве Польском и западных губерниях. – Ч. 30: О Романи Рогинском.
4. Из воспоминаний повстанца (Р. Рогинский) // Исторический вестник. – 1906. – Т. 105. – С. 422 – 452.
5. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (НИАБ). – Фонд 1. – Оп. 31. – Д. 62. Дело по обвинению разных лиц в участии в польском восстании.
6. НИАБ. – Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 2887. Конфирмация на членов Гродненской революционной организации.
7. НИАБ. – Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 199. Дело о повстанческом движении по Кобринскому уезду.
8. НИАБ. – Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 204. Дело о повстанческом движении по Пружанскому уезду.
9. Памятная книжка Минской губернии на 1862 год. – Минск: Тип. губернского правления, 1861. – 260 с.
10. Повстанческое движение в Гродненской губернии 1863 – 1864 гг.; под ред. Д.В. Карева. – Брест: Академия, 2006. – 404 с.
11. Gora, S. Początki powstania styczniowego na Litwie i Białorusi oraz działania oddziału Romana Rogińskiego na tych terenach w okresie od 7 lutego do 3 marca 1863 r. / S. Gora // Studia i materiały do Historii Wojskowości. – 1985. – Т. 28. – S. 199 – 211.
12. Laniec, S. Litwa i Białoruś w dobie konspiracji i powstania zbrojnego, 1863 – 1864 / S. Laniec – Olsztyn: Ośrodek Badan Nauk im. W. Ketrzynskiego, 2002. – 196 s.
13. Zielinski, St. Bitwy i potyczki 1863 – 1864. Na podstawie materialow drukowanych i rekopismiennych Muzeum Narodowego w Rapperswilu / St. Zielinski. – Rapperswil, 1913. – 412 s.

Поступила 28.09.2012

THE RAID OF ROMAN ROGINSKY'S DETACHMENT THROUGH BELARUS IN WINTER OF 1863

O. KARPOVICH

For the first time in modern Belarusian historiography with involvement of materials and archival sources, that have been not known before, information is presented about the raid of the first rebel detachment on the territory of contemporary Belarus in 1863, which was headed by Roman Roginsky, who was born in Warsaw. The way of the detachment from the boundaries of Grodno province and Polish Kingdom to the east through the territory of Polesye is expounded; armed conflicts of the rebels with governmental forces and the reaction of the local residents on the appearance of the first rebels in the backwoods of Polesye are described. The reasons why the rebel detachment suffered a defeat are analyzed.

УДК 94(476):262.3(061/068)

**ИСТОРИЯ ВОССОЕДИНЕНИЯ ХОЛМСКИХ УНИАТОВ
С ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ В 1875 ГОДУ
(ПО МАТЕРИАЛАМ БЕЛОРУССКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ)**

О.Г. РИМКО

(Республиканский институт высшей школы, Минск)

Анализируются материалы по истории воссоединения холмских униатов с православной церковью в 1875 году, опубликованные на страницах белорусских епархиальных ведомостей конца XIX – начала XX века. Процесс, происходивший в Холмской епархии в 1875 году, явился третьим и завершающим этапом официальной ликвидации униатской церкви на территории Российской империи. На эти события откликнулись духовенство и верующие белорусских епархий (Литовской, Минской и Полоцкой), а вслед за ними и белорусские епархиальные ведомости, на страницах которых были проанализированы причины, способствовавшие возвращению униатов Холмской епархии в православие, сделано описание воссоединительных торжеств, приведены статистические данные по приходам. Кроме того, в Литовских, Полоцких и Минских епархиальных ведомостях было опубликовано большое количество документов, сопровождавших процесс воссоединения холмских униатов.

Введение. После воссоединения белорусских и украинских униатов с православной церковью в 1794 – 1796 годах и в 1839 году униатская церковь продолжала официально существовать на территории Царства Польского, вошедшего в состав Российской империи в 1815 году, в частности в Холмской униатской епархии (Седлецкая и Люблинская губернии), а также в Галиции, принадлежавшей Австро-Венгрии. Присоединение холмских униатов к православию произошло в 1875 году. Это событие можно считать третьим этапом воссоединения униатов в пределах Российской империи.

По данной проблематике были опубликованы многочисленные материалы на страницах Литовских, Полоцких и Минских епархиальных ведомостей, издававшихся в качестве официального печатного органа соответствующих епархий православной церкви на территории Северо-Западного края Российской империи. Священство и верующие миряне этих епархий с большим интересом и вниманием следили за процессами, происходившим на Холмщине, так как в них еще жива была память о воссоединении 1839 года, главными участниками которого были их ближайшие родственники или они сами. В Могилевских и Гродненских епархиальных ведомостях публикации на данную тему отсутствуют.

Основная часть. Движение в пользу воссоединения с православием проявилось среди униатов Холмщины еще в 30 – 40-е годы XIX века. Во время посещения епископом Иосифом Семашко церковью Литовской епархии в 1837 году 20 униатских священников Холмской епархии обратились к нему с частной просьбой о защите 300 тыс. холмских униатов от окончательного окатоличивания [1]. Это была пока первая робкая попытка униатских священников, предпринятая без их паствы. Последняя стала проявлять стремление к воссоединению только после Полоцкого церковного собора 1839 года.

Единичные присоединения холмских униатов к православию начались уже в 1840 году, когда 32 крестьянских семейства (323 человека) с. Люхово Люблинской губернии изъявили желание стать православными. Соответствующее прошение было представлено императору Николаю I, который повелел исполнить их просьбу. В Люхово были назначены священник из Литвы Игнатий Гинтовт и два причетника [1].

Вскоре такое же желание изъявили и жители с. Бабич, расположенного недалеко от Люхова. Они побывали на богослужениях в люховской церкви и в конце 1841 года обратились к священнику Гинтовту с просьбой назначить им православного священника и до его прибытия исполнять все духовные требы. Прихожан в бабичском приходе было более 1 тыс. человек. Они имели свою церковь и, принимая унию, пощадили в ней иконостас и царские врата, а также сохранили православный престол, покрыв его униатским престолом. Просьба бабичских униатов также была удовлетворена: последовало высочайшее повеление о передаче бабичской церкви со всем ее имуществом, строениями и землями православному ведомству и о назначении в нее священника с причтом из Литовской епархии [1].

К священнику Гинтовту обратились также униаты с. Горний-Поток в Замостском уезде, которые передали ему свое прошение о присоединении их к православию и обязательство пребывать в нем всегда. Просьба их также была удовлетворена.

Всего православная церковь на Холмщине к началу 40-х годов XIX века приобрела около 2 тыс. прихожан [1]. Однако в дальнейшем движение к воссоединению холмских униатов было приостановлено, так как без активного участия высшего униатского духовенства, которое пока не было окончательно расположено к православию, этот процесс не мог быть успешным.

Происходившая на Холмщине борьба за сохранение в униатской церкви православных церковных обрядов, к тому времени уже существенно окатоличенных, раскрыла глаза холмским униатам на то, как далеко они ушли от первоначального исповедания, и привела к убеждению, что поглощение их католичеством неизбежно, если только из униатского богослужения не будут устранены все латинские нововведения. С этой целью Холмская греко-униатская консистория, возглавляемая администратором Холмской епархии протоиереем Маркеллом Попелем, издала 3 октября 1873 года окружное послание к духовенству об очищении греко-униатской обрядности от латинских новшеств. И духовенство, и народ в большинстве признали справедливость и законность изложенных в нем требований. Из 266 приходов Холмской униатской епархии подавляющее большинство охотно подчинилось распоряжению консистории, и только в 26 приходах Седлецкой губернии униаты оказали сопротивление, чем воспользовались местные католики, заинтересованные в поддержке беспорядков. Латиняне стали распространять слухи о том, что российское правительство задумало окончательно уничтожить унию в пределах империи и насильно заставить холмских униатов воссоединиться с православной церковью. Эта же мысль была внушена и Ватикану, в результате чего Папа Пий IX издал 11 мая 1874 года энциклику, которую послал Галицкому униатскому митрополиту Сембратовичу и всем униатским епископам Галиции. Пий IX извещал униатское духовенство, что он крайне огорчен тем, что новаторы-униаты намерены отменить обряды, утвержденные апостольским престолом, и что в Холмской епархии ложный церковный правитель (протоиерей М. Попель) осмелился присвоить себе церковную власть [1].

Однако папская энциклика, имевшая своей целью отвлечь холмских униатов от принятого ими решения очистить униатскую обрядность от латинства и приблизить ее к православию, произвела на них обратное действие. Униаты увидели, как далеко зашел папский престол в своем стремлении не только латинизировать униатскую церковь, но и окончательно соединить ее с католической.

Под таким негативным влиянием энциклики в конце 1874 года некоторые униатские приходы Седлецкой губернии стали составлять постановления о воссоединении. Русское правительство, исследовав эти постановления и ту обстановку, при которой они составлялись, и убедившись, что они являются добровольными и не были результатом принуждения, доложило об этом императору Александру II, который распорядился удовлетворить просьбы о воссоединении.

Первые торжества воссоединения прошли 12 января 1875 года в городе Беле, в униатской Рождество-Богородичной церкви, куда явились депутаты от воссоединившихся приходов (по три от каждого) с их священниками, а также Варшавский архиепископ Иоанникий; 24 марта 1875 года – в посаде Яново Константиновского уезда, где воссоединилось 46 приходов той же Седлецкой губернии с населением до 50 тыс. человек, с 30 священниками; 27 апреля 1875 года – в Сувалковской губернии в Преображенской церкви с. Бяла-Церковная воссоединились 10 тыс. униатов от 7 приходов с 6 священниками [1].

Такой массовый переход в православие подляских униатов привел в движение униатское духовенство всей Люблинской губернии, которое стало собираться в своих благочиниях на съезды и обсуждать создавшееся положение. Следствием таких совещаний было то, что духовенство каждого благочиния, учитывая настроение своей паствы, расположенной к воссоединению, представило в Холмскую униатскую консисторию заявления о своем желании возвратиться вместе с прихожанами в православное исповедание. После получения в консистории таких заявлений от благочиний Холмского, Грубешовского, Томашовского, Замостского, Красноставского и Белгорайского уездов члены консистории, духовенство кафедрального собора и представители духовной семинарии собрались под руководством администратора епархии протоиерея Маркелла Пополя для чрезвычайного заседания. После всестороннего обсуждения создавшегося положения они составили «Всеподаннейшее прошение о Высочайшем соизволении на воссоединение холмских униатов», которое было подписано в городе Холме 18 февраля 1875 года.

Когда все эти сведения поступили к варшавскому генерал-губернатору, и он удостоверился, что все без исключения униатские приходы Люблинской губернии находятся в полном согласии с духовенством, изъявившим готовность к воссоединению, он доложил их через министра внутренних дел императору, который дал свое согласие на прибытие в Санкт-Петербург особой депутации от униатского духовенства и мирян. В состав этой депутации вошли администратор Холмской епархии, протоиерей Маркелл Попель, 12 священников, учитель Холмской духовной семинарии Николай Поцей (потомок инициатора унии митрополита Ипатия Поцея), двое мещан и 18 крестьян Люблинской и Седлецкой губерний. Депутаты прибыли в Санкт-Петербург и были представлены императору, который дал свое согласие на воссоединение холмских униатов с православной церковью, а Святейший Синод издал постановление об управлении воссоединенными униатскими приходами.

После опубликования постановлений Святейшего Синода начались официальные торжества воссоединения униатских приходов Люблинской губернии. Первое такое торжество происходило в г. Холме 11 мая 1875 года при участии Холмско-Варшавского архиепископа Иоанникия. Во время этих торжеств было воссоединено 47 приходов Холмского, Люблинского и Красноставского уездов с 46 священниками.

Затем, 13 мая 1875 года, было воссоединено 49 приходов в г. Грубешове – Грубешовского и Томашевского уездов, с 40 священниками. Торжества эти были закончены в г. Замостье в церкви Св. Николая, причем было воссоединено 44 священника и 51 приход Замостского, Белгорайского и Яновского уездов [1]. Знаменательно, что в том же Николаевском храме в 1720 году происходили заседания известного униатского Замойского собора, заложившего основу латинизации православного богослужения в униатской церкви.

Как уже отмечалось выше, все эти события, документы и факты были в полной мере представлены на страницах Литовских, Минских и Полоцких епархиальных ведомостей.

«Минские епархиальные ведомости» еще в 1874 году, в преддверии воссоединения, опубликовали статью под названием «О русских униатах в Царстве Польском» [2], в которой излагался «исторический ход извращения греко-восточных обрядов в униатских церквях Холмской епархии, а также последствия восстановления католическою пропагандою обрядов православнаго богослужения» [2, с. 272]. В связи с этим автор статьи, пожелавший остаться анонимным, рассматривает положение униатского населения Царства Польского в Люблинской, Седлецкой и Августовской губерниях. Особое внимание уделяется в статье тем документам, которые были изданы папами Римскими в подтверждение необходимости сохранять в униатской церкви греко-православную обрядность: булла Папы Климента VIII от 10 января 1595 года о сохранении «всех святых обрядов и обычаев, какие русские епископы и духовенство, согласно постановлениям святых отцов греческих, употребляют в богослужении при совершении священной литургии и других таинств»; бреве Папы Павла V от 10 декабря 1615 года, утверждающее восточный обряд; булла Папы Бенедикта XIV от 24 декабря 1743 года, предписывающая «строго соблюдать обряды и обычаи греческой церкви»; послание Папы Пия IX от 17 марта 1865 года на имя австрийских епископов, в котором он настаивает на соблюдении восточных обрядов. Однако, несмотря на все предписания римской курии, с течением времени «незаметно и произвольно» стали вводиться в униатской церкви новшества и изменения «в смысле латинско-католическом» [2, с. 273]. В частности, в Холмской греко-униатской семинарии богословские науки стали преподаваться на польском языке, проповеди также произносились по-польски, в церквях стали активно уничтожаться иконостасы и вводиться органы. А бывший холмский греко-униатский епископ Куземский говорил в своем отчете о состоянии его епархии в 1868 году о том, что миссионерской деятельности католичества содействовала польская шляхта, благодаря чему «русский обряд отчасти истреблен и заменен латинским, русским церквам грозило отодвижение за реку Буг, а русское население должно было окончательно исчезнуть в Царстве Польском» [2, с. 274]. И даже после того, как русские власти стали восстанавливать в униатских церквях Холмщины восточную обрядность и начали строить церкви в соответствии с православными канонами, а в октябре 1873 года Холмская епархиальная консистория издала окружное послание подведомственному духовенству, указывая на папские буллы, и потребовала повсеместного выполнения распоряжений о переходе униатского богослужения на восточный обряд и искоренения латинских нововведений, духовенство продолжало служить по католическому обряду. В 26 приходах Седлецкой губернии даже начались беспорядки, о которых упоминалось ранее. Это показывает, насколько сильной была католическая пропаганда в предчувствии грядущего воссоединения холмских униатов. Отмечается, что в Люблинской и Августовской губерниях выступлений протеста не было [2, с. 276]. Эта статья позволяет нам оценить состояние холмской униатской церкви в предвоссоединительный для нее период и увидеть те причины, которые привели к ее воссоединению с православием.

Автор статьи «По поводу воссоединения униатов в Холмской епархии» в «Литовских епархиальных ведомостей» за 1875 год [3] попытался рассмотреть и проанализировать идеологическую составляющую тех причин, по которым униатство в свое время появилось, а также тех оснований, по которым католический мир стремился его сохранить хотя бы в рамках одной Холмской епархии: «соединенными силами латинского духовенства и шляхты русский обряд истреблен и заменен латинским, причем русское население превращено в польское. Несомненно, что цель этого совокупного миссионерства была больше политическая, чем религиозная. Ибо из-за религиозных видов не было нужды совращать в латинство униатов, признававших главенство папы. Тут дело шло о народности» [3, с. 140]. Причем автор опровергает все домыслы и утверждения католиков, распространяемые как на территории Царства Польского, так и за рубежом, о том, что воссоединение 50 тыс. униатов Холмской епархии произошло «не без влияния местной администрации» [3, с. 141]. В качестве доказательств он приводит следующие факты: «даже в некоторых приходах, подписавших акт присоединения, есть и доселе лица и целая деревня Стасевка, которая и остаются по-прежнему в униии. Оставаясь в своих прежних убеждениях, они, наравне с воссоединившимися, находят защиту и покровительство местной администрации. Было бы нелепо требовать от народа, посредством описываемых в клерикальных газетах стеснений, перехода в православие, и в то же время загородить ему к этому путь» [3, с. 141]. Причем отмечается, что прежде чем разрешить переход холмских униатов в православие, местная администрация, «не довольствуясь одними официальными донесениями о готовности значительной части униатского населения перейти в православие, подвергала самой тщательной проверке это чувство» [3, с. 141].

В этом же номере неофициального отдела «Литовских епархиальных ведомостей» размещена выдержка из берлинской газеты «*Norddeutsche Allgemeine Zeitung*» от 14 марта 1875 года о религиозном движении в греко-униатских приходах Седлецкой и соседних с ней губерниях [4]. Автор заметки говорит о том, что для католической Польши утрата своей униатской паствы является достаточно ощутимым и болезненным ударом как в национальном, так и в религиозном плане: «в национальном отношении стоит поговорить о деле, в котором поставлена на карту судьба 260 тыс. душ и которое отнимает у польской агитации обширное поле действия. С клерикальной стороны раздражение поляков еще значительнее, если только это возможно, ожесточение еще сильнее» [4, с. 142]. Причем в тех процессах, которые происходили в униатской церкви на Холмщине, автор заметки обвиняет не кого иного, как Папу Римского с его политикой по латинизации униатства, а также Первый Ватиканский собор католической церкви 1869 года с его догматом о непорочном зачатии Девы Марии и, главное, с принципом непогрешимости Папы Римского в делах веры. С падением основ Тридентского собора, на постулатах которого, как говорит автор, основывалась униатская религиозная доктрина, должно было пасть и само униатство. Автор приводит в пример религиозное антиуниатское и антикатолическое движение «русских униатов» своим немецким епископам, одновременно считая восточнославянские земли «варварскими» и даже нецивилизованными: «в лесах Вольни (?) сказывается чистота христианского учения и твердость религиозных убеждений, которые, будучи признаны истинными, не допускают уже колебаний и уклонений; между тем в цивилизованных землях, как в Германии, католические епископы позволяют навязывать их совести все, что угодно, в противность религиозного исповедания, открыто признанного Богом и всем светом за наилучшее верование» [4, с. 142]. Автор констатирует также, что «немецкие иезуиты употребляют всевозможные усилия, чтобы представить религиозное движение русских униатов в превратном виде и объяснить отпадение их от Рима внешним насилием. Между тем, как русские униаты твердо стоят за древнюю веру, оскорбляемую Римом, германские епископы колеблются и насильно принуждают свою паству признавать сегодня справедливым то, что им самим вчера казалось безумием» [4, с. 142]. Эти слова являются свидетельством того, что не все представители зарубежной общественности верили в то, что возвращение униатов в православие происходило с помощью насилия и принуждения, а, напротив, видели здесь происки католического клира в его желании удержать униатов в их вере, а еще более приоритетным считали их переход в католичество, которое все более и более отходило от первоначальных христианских новозаветных догматов. Кроме того, «Литовские епархиальные ведомости» сообщают в краткой заметке о том, что движение униатов в Седлецкой губернии в сторону православия «породило в клерикально-польских журналах премило чудовищные сказки об ужасах, которым будто бы подвергали униатов. Подобное же рассказывалось и в 1839 году и было опровергнуто документальными данными» [5, с. 41]. То есть можно говорить о том, что католическое сообщество прилагало все усилия, чтобы остановить или, по крайней мере, отсрочить воссоединение последнего униатского оплота в Российской империи – Холмской униатской епархии.

Рассказывают «Литовские епархиальные ведомости» и об успехах воссоединения в Люблинской губернии, где духовенство Холмского благочиния, собравшись в деревне Камень, «постановило просить ходатайства епархиального начальства о принятии его в православие вместе со вверенными его попечению прихожанами» [6, с. 53]. При этом отмечается, что «народ совершенно спокойно относится к делу воссоединения» [6, с. 53] и даже «в самой Варшаве, в среде местного униатского населения, обнаруживается желание перейти в православие» [6, с. 53].

Эти же ведомости сообщают, что к 9 февраля 1875 года в Седлецкой губернии был воссоединен 71 униатский приход [7], после чего публикуются впечатления очевидца о торжествах присоединения униатов, прошедших в г. Беле этой же губернии. Воссоединение униатов именно в этом городе вызывает особый интерес и внимание, так как здесь, в бывшей православной, а затем базилианской церкви, со второй половины XVIII века находились мнимые мощи единственного униатского святого – полоцкого архиепископа Иосафата Кунцевича, которые летом 1874 года были «снесены в подвал (этой же церкви – *О. Р.*) и там погребены руками самого греко-униатского духовенства и народа» [8, с. 58]. Автор публикации восхищается стройностью и величием православного архиерейского богослужения: «депутаты (священство и миряне от униатских приходов, желавших присоединиться – *О. Р.*), в первый раз увидев православного архиерея, шествующаго в мантии, с посохом, окруженнаго целым сонмом духовенства, при неслыханном ими стройном пении архиерейскаго хора, до такой степени поражены были величием этой сцены, что с этой минуты они не сводили глаз с преосвященнаго – то опускались на колени при проходе его, при выходах в царские врата, то благоговейно поднимали глаза к небу, то скрещивали руки на груди» [8, с. 58]. При этом было отмечено, что униатский холмский архиепископ Куземский практически никогда не появлялся в приходах своей епархии, а если и появлялся, то не производил совсем никакого положительного впечатления на свою паству: «холодный, важный тон, католический посох, восседание на троне, устроенном у иконостаса, одевание его в ризы двумя ливрейными лакеями вместо церковно-

служителей, благословляющие руки в красивых перчатках» [8, с. 58]. Отмечается также и то, что само униатское духовенство, запутавшись в обрядности, не знало, по какому чину служить, из-за чего постоянно «происходила путаница, сбивчивость самого архиерея в словах и действиях, неумение владеть трикириями и дикириями, мизерный хор» [8, с. 58]. Эта же публикация была помещена и в «Полоцких епархиальных ведомостях» [9].

Подобного же содержания статья с описанием торжеств в г. Беле была опубликована и в «Минских епархиальных ведомостях» под названием «По поводу воссоединения униатов 12 января 1875 года. (Письмо в редакцию «Голоса» из Бельи, седлецкой губернии)» [10]. Автор особое внимание уделяет энциклике Папы Пия IX от 13 мая 1874 года, в которой тот впервые открыто официально выражает свое одобрение католическим новшествам в униатстве и рассуждает о ее негативном, в связи с этим, воздействии на конфессиональную ситуацию в Холмском крае. В доказательство этого автор даже приводит слова из венской газеты «Neues Fremdenblatt» о том, что данная энциклика «приведет униатов к воссоединению, что и сбылось» [10, с. 39]. Данную цитату подтверждают и те волнения, которые возникли среди духовенства и прихожан Холмской епархии после обнародования энциклики, а также то, что уже 30 июня 1874 года варшавский генерал-губернатор граф Коцебу опубликовал объявление, сообщавшее, что некоторые приходы Седлецкой губернии намерены подать прошение российскому императору о переводе их в православие. Далее следует описание торжеств воссоединения 12 января 1875 года. При этом редакция «Голоса» указывает на два существенных факта: «движение, приведшее к церковному торжеству в Беле, исходило снизу, из народа» и «совершалось без давления и участия какого-либо влияния со стороны православия» [10, с. 47]. Автор счел необходимым упомянуть и о «мощах» Иосафата Кунцевича, пребывавших в Бельской церкви с XVIII века.

События, описанные в данной публикации, подтверждают и официальные данные, размещенные в этом же номере «Минских епархиальных ведомостей» в разделе «Действия правительства» [11]. Власти издали сообщение по поводу того, что Холмская греко-униатская консистория выпустила окружное послание к униатскому духовенству об устранении латинских новшеств из богослужения. Отмечалось, что народ вначале недоверчиво отнесся к требованиям консистории и кое-где в пределах Седлецкой губернии даже возникали народные волнения. Однако после издания папской энциклики от 13 мая 1874 года жители губернии «увидели все стремления Рима поправить их древние обычаи и решили быть одной веры с Белым Царем. В конце 1874 года некоторые греко-униатские приходы изъявили желание о присоединении к православию» [11, с. 17]. Отмечается, что, несмотря на это желание, правительство не спешило санкционировать такой переход, так как хотело убедиться в искренности этих намерений и выявить случаи давления со стороны православных на решение униатов. Сообщается также, что 12 января 1875 года в православие перешли 50 тыс. человек и 26 униатских приходов в Седлецкой губернии [11, с. 18]. В завершение были опубликованы телеграммы седлецкого губернатора из г. Бельи министру внутренних дел, сообщавшие о торжествах воссоединения.

Публикации в «Литовских епархиальных ведомостях» за 1875 год [12 – 18] знакомят нас также с ходом воссоединения униатов Холмской епархии и с теми документами, которые сопровождали этот процесс. В частности, редакция ведомостей описывает сбор и приезд делегации Холмщины во главе с администратором Холмской униатской епархии протоиереем Маркеллом Попелем в Санкт-Петербург, где произошла встреча с императором Александром II, который одобрил прошение о возвращении униатов Холмщины в православие. Отмечается, что данное решение было принято последовательно и только после того, как власти убедились в искренности желания униатов присоединиться к православию. Главное внимание исследователя привлекают такие основополагающие документы, как «Всепопданейшее прошение Холмского духовенства», «Протокол соборного духовенства и консистории Холмской епархии», «Соборный акт холмского духовенства», «Всепопданейший адрес депутатов Седлецкой губернии», а также «Телеграмма, полученная Министром Внутренних Дел от седлецкого губернатора из местечка Янова, Седлецкой губернии, 25-го марта» о воссоединении с православием новых 42 униатских приходов и 30 священников и «Телеграмма, полученная Министром Внутренних Дел из гор. Бельи, Седлецкой губернии, 25-го марта 1875 года» о присланных для Бельской православной церкви царских подарках. Были опубликованы и списки с именами членов депутации от духовенства и мирян Холмской епархии. Идентичная информация была представлена и в «Минских епархиальных ведомостях» [19 – 24].

С прошением холмского духовенства, а также с соборным актом и протоколом соборного духовенства и консистории холмской епархии можно также ознакомиться на страницах «Полоцких епархиальных ведомостей» за 1875 год [25 – 27].

В связи с торжествами воссоединения на Холмщине архиереи и священники произносили пастырские речи и слова, посвященные происходившим событиям. В «Минских епархиальных ведомостях» была опубликована «Речь, сказанная 12 января протоиереем Николаем Ливчаком во время воссоединения униатов» [28]. Примечательным в этой речи является высказанное автором в адрес князя Радзивилла об-

винение в том, что он «делается изменником православия, разоряет церковь Божию, гонит православное духовенство, строит в малом русском городе (в Беле – *О. Р.*) три костела, вводит латинское монашество, привозит мнимые мощи гонителя православия Иосафата и с ним десяток польских виленских базилиан, одним словом, наносит язву в самый центр и сердце здешнего народа и строит вечное будто бы здание западному фанатизму латинизации и Польши» [28, с. 84]. Эта же речь была опубликована в «Полоцких епархиальных ведомостях» [29].

В «Минских епархиальных ведомостях» напечатано «Слово, произнесенное Константиновским благочинным о. Продько, в Янове, 25 марта, во время торжества воссоединения 42 униатских приходов с православною церковью» [30]. Оно не содержит в себе исторических фактов и их анализа, а представляет своеобразную оду Богу, царю и архипастырю, а также включает восторженные призывы к униатам и воссоединенным не только возвращаться в православие, но и оставаться ему верным, благодаря чему «Слово...» явилось своеобразным примером проявления чувств тех иереев, которые вернулись к вере предков.

В результате воссоединения 1875 года в православие перешли 87 приходов с 62 священниками и 93 тыс. прихожан в Седлецкой губернии и 147 приходов с 134 священниками и 132 600 прихожанами в Люблинской губернии, а также 9 приходов с 6 священниками и 11 600 прихожанами в Сувалковской и Ломжинской губерниях [31, с. 158]. В связи с этим властям необходимо было задуматься о том, каким образом благоустроить церковно-религиозный и гражданско-политический быт воссоединенных униатов. Сразу же было определено, что заботу о последнем берет на себя министерство внутренних дел, а заботу о благоустройстве религиозного и церковного быта – Святейший Синод. Однако необходимо было определиться со статусом Холмской епархии, которая стала православной, а также назначить в нее правящего архиерея. При этом оставались на территории Холмщины и униатские приходы, не высказавшие желания воссоединиться: в Соколовском благочинии Седлецкой губернии – 22 (22 священника и 25 тыс. прихожан) и в Варшаве – 1 приход (1 священник и 2 тыс. прихожан) [31, с. 158].

На эти процессы оперативно отреагировали «Литовские епархиальные ведомости», в официальном отделе которых были опубликованы правительственные распоряжения по поводу обустройства в Холмской епархии вновь воссоединенных приходов. Высочайшим повелением от 7 мая 1875 года было одобрено определение Святейшего Синода о следующем устройстве и управлении в Холмской епархии:

- 1) все священство воссоединенной епархии было полностью переведено в состав Русской православной церкви и подчинено Святейшему Синоду;
- 2) бывшая Холмская униатская епархия объединялась с Варшавской и образовывалась новая православная епархия – Холмско-Варшавская, и ее архиерей, соответственно, именовался Холмский и Варшавский;
- 3) непосредственное руководство вновь воссоединенными униатскими приходами поручалось особому епископу, с наименованием его епископ Люблинский, викарий Холмско-Варшавской епархии, местопребывание которого было в Холме;
- 4) Холмская греко-униатская духовная консистория ликвидировалась, а вместо нее создавалось Холмское духовное правление;
- 5) Холмские греко-униатские духовная семинария и училище для причетников были обращены в православные духовно-учебные заведения;
- 6) на вновь образованную кафедру Люблинского епископа, викария Холмско-Варшавской епархии, был назначен самый видный духовный деятель холмского воссоединения, бывший униатский соборный протоиерей Маркелл Попель [32, с. 174].

События, связанные с воссоединением холмских униатов, не могли не беспокоить католический лагерь, предпринимавший возможные меры, если не к ликвидации этого процесса, то хотя бы к его поддержке. Об этом свидетельствует публикация в «Литовских епархиальных ведомостях», сообщающая, что галицко-львовский униатский митрополит Иосиф Сембратович, «сторонник польского католицизма, принял всевозможные меры с целью не допустить перехода униатов в православие» [33, с. 176]. Он запретил духовенству и прихожанам Львовской епархии читать газету «Слово», которая печатала статьи в православном духе и обличала «притязания Рима» относительно униатской паствы.

В это же время в «Минских епархиальных ведомостях» был опубликован «Указ Св. Синода от 15 июля 1875 года за № 1867, Преосвященнейшему Александру, Епископу Минскому и Бобруйскому» [34], констатирующий, что «храмы в воссоединенных приходах преосвященного Иоанникия, архиепископа холмского и варшавского большею частию не вполне приспособлены к отправлению богослужения по чину православной Церкви и крайне нуждаются в утварных и ризничных предметах» [34, с. 271]. Сам указ был направлен на то, чтобы побудить прихожан «Западного края, одушевляясь благочестивым усердием к святым церквам» [34, с. 272] и вспомнив о той помощи, которая была оказана их приходам и епархиям в 1839 году, откликнулись на нужды своих единоверцев во вновь воссоединенной Холмской епархии.

Однако не только высшие официальные органы государственной власти приняли участие в обустройстве новой православной кафедры, но и другие епархии не остались в стороне. Как уже отмечалось

выше, православные белорусские епархии с большим участием и интересом следили за событиями, происходившими на Холмщине, поэтому в белорусских епархиальных ведомостях периодически появлялись публикации в виде призывов к оказанию помощи и содействия вновь присоединенным униатским приходам.

В неофициальном отделе «Литовских епархиальных ведомостей» были опубликованы заметки, касающиеся воссоединения холмских униатов, «в полной надежде, что духовенство нашей епархии (Литовской – *О. Р.*) поспешит разделить свою радость по поводу этого события с пасомыми, известит их о сем и уяснит им значение его для православной церкви» [35, с. 122]. В частности, в этих заметках сообщается информация о необходимости поддержать вновь воссоединенные приходы Холмской епархии и осуществить пожертвования на приобретение церковной утвари для проведения православных богослужений и на ремонт храмов. При этом читатели ведомостей информировались, что Виленское Свято-Духовское братство уже осуществило пожертвование в 500 рублей «на снабжение воссоединяющихся церквей принадлежностями» [35, с. 122], а также, что Санкт-Петербургский отдел славянского благотворительного комитета решил выделить 300 рублей для приобретения в дар холмскому собору Евангелия. О крайней нужде холмских приходов в богослужебных предметах и книгах мы можем узнать из публикуемого здесь же письма московского генерал-губернатора на имя городского головы о том, что, по донесению варшавского генерал-губернатора, «положение церквей в воссоединившихся приходах весьма жалкое в материальном отношении: находящаяся в сих церквях утварь крайне бедна, ветха и по большей части, имеет совершенно латинский характер; многих принадлежностей церковного богослужения вовсе не имеется ни в одной из сих церквей» [35, с. 123]. Не осталась в стороне и Полоцкая епархия, сама не так давно пережившая возвращение униатов в православие в 1839 году, поэтому она наиболее активно откликнулась на такие же процессы, происходившие в 1875 году на Холмщине. В «Литовских епархиальных ведомостях» была опубликована рекомендация полоцкого епископа Викторина (Любимова) Полоцкой духовной консистории относительно вновь воссоединенных холмских униатов: 1) чтобы настоятели церквей Полоцко-Витебской епархии во время молебна в день памяти воссоединения в 1839 году объявили бы своим прихожанам «радостную весть о совершающемся воссоединении с православною церковью холмских христиан, последних остатков бывшей униии» [36, с. 199]; 2) чтобы приходские священники также помнили о том, что в момент воссоединения белорусских униатов в 1839 году их приходы были крайне бедны и нуждались в помощи и поддержке, которая и была получена из внутренних губерний и епархий империи, поэтому сейчас они сами должны привлекать материально обеспеченных людей из своих прихожан для пожертвований в пользу воссоединенных холмских церквей [36, с. 199].

Наличие подобных публикаций позволяет утверждать, что белорусские епархиальные ведомости являлись хорошим информационным ресурсом, доводящим до сведения православного духовенства и паствы белорусских епархий сведения о нуждах воссоединившихся соседей, что содействовало оказанию им оперативной помощи.

В продолжение обустройства Холмской епархии после воссоединения император Александр II одобрил составленные Святейшим Синодом правила для руководства при рассмотрении и решении вероисповедных дел о бывших греко-униатах в новой Холмско-Варшавской епархии [37]. Эти правила были опубликованы в официальном отделе «Литовских епархиальных ведомостей» и включали в себя 10 пунктов, согласно которым подтверждалось, что все бывшие греко-униаты, воссоединенные в 1875 году в Холмской епархии, считаются православными. Верующие, происходившие от родителей бывших греко-католиков, также считались православными, даже если бы были крещены до 1875 года в костеле. Людей, крещенных в греко-униатских церквях до 1875 года, но чьи родители были католиками, можно было не причислять к униатству, и следовательно к православию, а считать их католиками. Родившихся до 1875 года от смешанных браков униатов с католиками причисляли к вероисповеданию следующим образом: лиц мужского пола – к вероисповеданию отца, а женского – к вере матери [37, с. 285].

Примеру седлецких униатов последовали униаты Люблинской губернии, воссоединение которых произошло 15 мая 1875 года. Об этом свидетельствуют две телеграммы от Люблинского губернатора и тайного советника Макова министру внутренних дел Российской империи, опубликованные в официальном отделе «Литовских епархиальных ведомостей» за 1875 год [38]. Люблинский губернатор сообщал министру о том, что «совершилось торжественное воссоединение 51 прихода: Замостьскаго, Белгородскаго, Яновскаго и остальной части Томашевскаго уездов. Таким образом, дело воссоединения с православием всех 147 приходов губернии с 134 тысячами униатскаго населения с Божией помощью окончено» [38, с. 177], о чем говорит в своей телеграмме и тайный советник Маков.

Такие массовые переходы униатов в православие в провинции вызывали активное движение среди их единоверцев в крупных городах, несмотря на мощное католическое окружение. «Литовские епархиальные ведомости», в частности, сообщают о присоединении к православию варшавского униатского прихода [39]. Варшавские униаты, рассеянные в католическом окружении, должны были особенно под-

вергаться латинскому влиянию, но тем не менее уже к 1876 году обозначилось движение в их среде к православию под воздействием воссоединительных процессов в Холмской епархии. И в результате 24 января 1876 года состоялся переход в православие варшавских униатов, впечатленных новым видом своей церкви, обустроенной по православным канонам.

В качестве оценки и анализа произошедших на Холмщине в 1875 году событий мы можем рассматривать статью известного церковного историка М.О. Кояловича «Воссоединение холмских униатов с православною церковью» [40], опубликованную в «Литовских епархиальных ведомостях» в 1875 году. Следует отметить, что автор довольно критически отнесся к действиям воссоединителей и в большей степени уделил внимание рассмотрению тех недостатков и недочетов, которые присутствовали во время воссоединительных процессов 1875 года в Холмской епархии. Автор говорит о том, что это был далеко не первый опыт воссоединения, и некоторых промахов можно было избежать, если бы священство и власти Холмщины учли опыт Полоцкого церковного собора 1839 года. В частности, среди самых существенных ошибок М.О. Коялович выделяет следующие: 1) «ближайшие свидетели холмского воссоединения занимаются не сущностью дела, а оценкою заслуг современных деятелей по воссоединению. И пошло разбирательство: хороши или нет местные холмские духовные, хороши или нет приезжие галичане, не лучше ли были бы совершенно новые духовные, – из внутренних духовных России. Это мелочное эгоистическое разбирательство, какая племенная группа людей лучше, какая хуже в высшей степени вредно»; 2) «в холмском воссоединении сказался в высшей степени польско-шляхетский аристократизм. Направление это выразилось в непомерной быстроте, с какою совершалось воссоединение. Мысль о необходимости воссоединения, во что бы то ни стало, овладела всеми, а речи о терпении и любви христианской к народу не было»; 3) «воссоединение униатов началось с восстановления русской, православной обрядности. При усиленных заботах о внешности в деле веры, легко забыть о сущности, об утверждении истин веры и правил нравственности» [40, с. 405]. Другими словами, автор осуждает чрезмерное внимание к конкретным личностям воссоединения, а не всему народу, решившему возвратиться в веру отцов и дедов, а также критикует излишнюю поспешность и резкое введение единообразия в церковной обрядности края. При этом автор уточняет специфику перехода униатов в православие, отмечая, что если белорусы в свое время довольно легко восприняли такой переход, то с украинцами дело обстоит совершенно иначе. Говоря о белорусах, М.О. Коялович отмечает, что «по самой уже мягкости своей природы и вследствие многочисленных исторических перемен в их жизни, не имеют такой привязанности к обрядности и такой привычки твердо в ней стоять, как малороссы. Они (белорусы – *О. Р.*) всегда больше дорожили идеями и всегда быстро усваивали их» [40, с. 405].

Белорусские епархиальные ведомости и после 1875 года не оставляли без внимания холмский униатский вопрос, о чем свидетельствуют публикации, периодически появлявшиеся в них и в поствоссоединительный период в различные годы. Так, в «Минских епархиальных ведомостях» за 1881 год была опубликована небольшая заметка о том, что в газете «Восток» сообщалось о рассмотрении в комитете по делам Царства Польского «современного положения греко-униатского вопроса в Привислянском крае» [41, с. 208], в частности в Седлецкой губернии. В результате своего заседания комитет постановил предоставить обер-прокурору Святейшего Синода, по соглашению с варшавским генерал-губернатором, «озаботиться об усилении и сосредоточении деятельности местного среди бывших униатов православного духовенства, а также об улучшении наличного состава духовенства и о благоустройстве храмов» [41, с. 208]; министру внутренних дел поручил дать указания руководству местной администрации «по делам уклонения бывших униатов от воссоединения с православною церковью» [39, с. 208]; министра народного просвещения обязал следить за развитием школ грамотности в Царстве Польском, особенно в тех местностях, где преобладает православное население [41, с. 208]. Все эти меры были одобрены российским императором.

Примечательной является статья из «Литовских епархиальных ведомостей» за 1889 год под названием «Опасность, которой подвергалась Холмская уния в 1862 году» [42]. Автор публикации скрыт под псевдонимом «Теобальд». Статья представляет собой выдержку из основной работы автора, опубликованной в книге «Русский Архив» за 1884 год. Анализируя положение униатской церкви на Холмщине в 1862 году, автор отмечает, что суть опасности для холмской униатской церкви в этот период заключалась в следующем: начальник гражданского управления Царства Польского маркиз Велепольский и статс-секретарь при совете управления краем Енох решили уничтожить в униатских храмах то единственное отличие, которое разделяло их с костелами, а именно иконостасы.

Завершает публикации в «Литовских епархиальных ведомостях», посвященные воссоединению холмских униатов, статья под названием «Двадцатипятилетие воссоединения униатов» [43]. Заметка полностью посвящена описанию празднования 25-летия со дня воссоединения бывших греко-католиков Холмской и Подляшской Руси. Торжества проходили в г. Холме Люблинской губернии 11 мая 1900 года. После описания торжественных мероприятий (литургии, молебнов и т.п.) приводятся выдержки из пасырского воззвания архиепископа Холмского и Варшавского Иеронима, которое зачитал на торжествен-

ном заседании холмского Свято-Богородицкого братства епископ Герман. После чего были зачитаны и соответственно опубликованы приветственные телеграммы от экзарха Грузии архиепископа Флавиана, епископа Маркелла, епископа Оренбургского и Уральского Владимира, от Совета Полоцкого братства и от редакции «Московских епархиальных ведомостей», а также от редактора «Варшавского дневника». Также были напечатаны приветствия от многих городов Северо-Западного края.

Как уже отмечалось выше, самое теплое участие в холмском воссоединении приняла Полоцкая епархия. В «Полоцких епархиальных ведомостях» в 1875 году, так же как и в «Литовских епархиальных ведомостях», появляются публикации, посвященные событиям на Холмщине. Многие материалы, представленные на страницах этих епархиальных ведомостей, дублировались, однако были и свои оригинальные публикации. Так, в № 9 «Полоцких епархиальных ведомостей» от 1 мая 1875 года в статье «Воссоединение холмских униатов» [44] приводится описание воссоединительных торжеств в местечке Яново на основании данных телеграммы от 25 марта 1875 года губернатора Седлецкой губернии министру внутренних дел. Далее описываются события в Холмской епархии, предшествовавшие посещению холмской униатской делегацией Санкт-Петербурга, то есть составление особого протокола и соборного акта холмского духовенства, а затем и подробности самого посещения столицы Российской империи и прием у государя.

Особенно интересной является публикация в № 23 от 1 декабря 1875 года детской переписки по поводу воссоединения униатов в Холмской епархии [45]. О нем было сообщено воспитанницам полоцкого женского училища духовного ведомства. Сами они читали в газетах описание воссоединительных торжеств, а также речи и приветствия. Автор в предисловии говорит также о том, что «им припомнились рассказы отцов и дедов их о подобных же торжествах по поводу такого же события на их родине» [45, с. 857]. Поэтому воспитанницы полоцкого училища решили написать приветственное и поздравительное письмо воспитанницам холмского женского шестиклассного училища, которое и было опубликовано в «Полоцких епархиальных ведомостях». Был напечатан и ответ воспитанниц холмского училища. Письма эти интересны и ценны тем, что воспитанницы каждого училища рассказывают о своем учебном заведении, о его традициях, а также в конце писем приведены списки с именами воспитанниц. Кроме того, девушки холмского училища рассказывали о своих эмоциях и впечатлениях по поводу совершившихся событий. В одном из таких писем читаем: «мы на себе испытали то, что когда-то чувствовали в константинопольском храме наши предки, посланные Владимиром святым для испытания вер» [45, с. 862]. А одна из воспитанниц холмского Мариинского училища Н. Якимова даже описала жизнь и события воссоединения в стихах.

В начале XX века редакторы «Минских епархиальных ведомостей» не просто описывали события воссоединения униатов Холмской Руси в 1875 году, но и давали им оценку, анализировали и сравнивали с событиями Полоцкого церковного собора 1839 года. Так, в 1900 году была опубликована статья под названием «Двадцатипятилетие окончательного торжества православия над унией в пределах православной России» [46]. Незвестный автор в своей публикации выделяет «три подьяема народно-русского самосознания – при Екатерине Великой, при Николае I, при Александре II Освободителе в 1875 году» [46, с. 138]. Практически все содержание статьи посвящено «просветителю холмского края» Маркеллу Попелю, руководителю воссоединения униатов на Холмщине. В рамках биографии автор говорит о его происхождении, образовании, духовной карьере и особенно о деятельности на территории Холмской епархии. Существенное внимание уделено его трудам по воссоединению холмских униатов, а также его духовной карьере после 1875 года. Кроме того, автор счел необходимым перечислить произведения, написанные владыкой, и таким образом рассказать потомкам о его духовном литературном наследии.

Публикации, посвященные истории воссоединения холмских униатов, присутствовали и в центральных епархиальных изданиях нынешних соседних с Беларусью государств, ранее входивших в состав Российской империи. В «Московских епархиальных ведомостях» за 1874 и 1875 годы есть, хотя и немногочисленные, материалы по делу греко-униатов в Царстве Польском, об униатских приходах в Седлецкой губернии, о воссоединении греко-униатов в Холмской епархии [47 – 55]. Были опубликованы также тексты телеграмм министру внутренних дел от холмских униатов [56], приведенные выше в Литовских, Полоцких и Минских епархиальных ведомостях.

Аналогичная ситуация наблюдается и в «Киевских епархиальных ведомостях»: публикуются лишь краткие заметки и телеграммы в предшествующий воссоединению год и во время самого воссоединения [57 – 58]. Много внимания в этих ведомостях уделено личности Маркелла Попеля [59 – 61].

Закономерно, что наиболее насыщенными информацией и материалами по воссоединению холмских униатов стал образованный после основания Холмско-Варшавской православной епархии аналог епархиальных ведомостей «Холмско-Варшавский епархиальный вестник» (1878 – 1917). В этом журнале опубликовано много церковных исторических исследований по унии в Холме, а также документы и материалы [62 – 66]. Данные публикации представлены информацией о «страданиях униатов под давлением латино-полонизма», перепиской между подляскими униатскими священниками и латинским епископом Иосифом о мерах к спасению униатов Холмской епархии от поглощения его латинополонизмом,

сведениями о движении между крестьянами-униатами в пользу воссоединения Холмской епархии и возвращения православным их униатских приходов, о необеспеченности вновь присоединенного духовенства на приходах, о преследовании со стороны католиков и поляков воссоединенного духовенства и крестьян, о протестах униатов против латинизации унии, а также сведениями об униатских приходах и приходжанах, бывших в недавнем прошлом униатами, о церковно-народных училищах и приходском духовенстве, о реформе в епархии во время консисторского правления и о деятельности епископа Куземского в Холмской униатской епархии.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие **выводы**:

- события, происходившие в Холмской епархии в 1875 году, явились третьим и завершающим этапом официальной ликвидации униатской церкви на территории Российской империи. После этой волны воссоединения униатство продолжало сохраняться только в Галиции, принадлежавшей Австро-Венгрии;
- самым живым образом на эти процессы отозвались духовенство и верующие белорусских епархий (Литовской, Минской и Полоцкой), а вслед за ними и редакторы соответствующих белорусских епархиальных ведомостей, на страницах которых значимое внимание было уделено событиям воссоединения холмских униатов с православием. Связано это было в первую очередь с тем, что белорусские верующие в 1839 году сами были участниками воссоединительного процесса и перехода из унии в православие;
- авторы статей и публикаций, размещенных в белорусских епархиальных ведомостях, проанализировали причины, способствовавшие возвращению униатов Холмской епархии в православие, сделали описание воссоединительных торжеств, привели статистические данные по приходам, а в более поздний временной период (публикации начала XX века) дали оценку произошедшему;
- в Литовских, Полоцких и Минских епархиальных ведомостях было опубликовано большое количество документов, сопровождавших процесс воссоединения холмских униатов и отражавших весь ход основных событий – это тексты прошений, телеграмм, правительственных распоряжений и т.п. Данные документы могут быть использованы исследователями в качестве первоисточника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зноско, К. Исторический очерк Церковной унии. Ее происхождение и характер / К. Зноско [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/353257/read#t54>. – Дата доступа: 12.02.2012.
2. О русских униатах в Царстве Польском // Минские епархиальные ведомости. – 1874. – № 8. – С. 272 – 277.
3. По поводу воссоединения Униатов в Холмской епархии // Литовские епархиальные ведомости. – 1875. – № 16. – С. 139 – 142.
4. Религиозное движение в греко-униатских приходах в Седлецкой и смежных с нею губерний // Литовские епархиальные ведомости. – 1875. – № 16. – С. 142.
5. Обращение униатов в Седлецкой губернии // Литовские епархиальные ведомости. – 1875. – № 5. – С. 41.
6. Движение униатов в Подлясье // Литовские епархиальные ведомости. – 1875. – № 6. – С. 53.
7. К вопросу о воссоединении униатов с православной церковью // Литовские епархиальные ведомости». – 1875. – № 7. – С. 57.
8. Из Варшавы. Очевидец о торжестве воссоединения униатов с православною церковью в г. Белой Седлецкой губернии // Литовские епархиальные ведомости. – 1875. – № 7. – С. 57 – 60.
9. О торжестве воссоединения униатов с православною церковью в г. Белой Седлецкой губернии // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1875. – № 5. – С. 184 – 194.
10. По поводу воссоединения униатов 12 января 1875 года (Письмо в редакцию «Голоса» из Белы, седлецкой губернии) // Минские епархиальные ведомости. – 1875. – № 2. – С. 39 – 48.
11. Действия правительства // Минские епархиальные ведомости. – 1875. – № 2. – С. 15 – 20.
12. О воссоединении униатов Холмской епархии с православною церковью // Литовские епархиальные ведомости. – 1875. – № 14. – С. 114 – 117.
13. Всеподданнейшее прошение Холмского духовенства // Литовские епархиальные ведомости. – 1875. – № 14. – С. 117.
14. Протокол соборного духовенства и консистории Холмской епархии // Литовские епархиальные ведомости. – 1875. – № 14. – С. 117 – 118.
15. Соборный акт холмского духовенства // Литовские епархиальные ведомости. – 1875. – № 14. – С. 118 – 120.
16. Всеподданнейший адрес депутатов Седлецкой губернии // Литовские епархиальные ведомости. – 1875. – № 14. – С. 120 – 121.
17. Телеграммы, полученные министром внутренних дел // Литовские епархиальные ведомости. – 1875. – № 14. – С. 121.
18. Имена членов депутации от духовенства и прихожан Холмской епархии // Литовские епархиальные ведомости. – 1875. – № 14. – С. 121.

19. Всеподданнейшее прошение холмского духовенства // Минские епархиальные ведомости. – 1875. – № 8. – С. 226 – 228.
20. Протокол соборного духовенства и консистории холмской епархии // Минские епархиальные ведомости. – 1875. – № 9. – С. 266 – 268.
21. Соборный акт холмского духовенства // Минские епархиальные ведомости. – 1875. – № 9. – С. 268 – 278.
22. Всеподданнейший адрес депутатов Седлецкой губернии // Минские епархиальные ведомости. – 1875. – № 9. – С. 279 – 280.
23. Телеграммы министру внутренних дел // Минские епархиальные ведомости. – 1875. – № 9. – С. 280 – 281.
24. Имена членов депутации от духовенства Холмской епархии и от прихожан // Минские епархиальные ведомости. – 1875. – № 9. – С. 281 – 282.
25. Всеподданнейшее прошение холмского духовенства // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1875. – № 10. – С. 392 – 394.
26. Протокол соборного духовенства и консистории Холмской епархии // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1875. – № 10. – С. 395 – 397.
27. Соборный акт холмского духовенства // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1875. – № 10. – С. 395 – 413.
28. Речь, сказанная 12 января протоиереем Николаем Ливчаком во время воссоединения униатов // Минские епархиальные ведомости. – 1875. – № 3. – С. 84 – 86.
29. Речь, сказанная 12 января новоприсоединившимся униатским протоиереем и Бельским благочинным о. Николаем Ливчаком // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1875. – № 5. – С. 194 – 197.
30. Слово, произнесенное Константиновским благочинным о. Продько в Янове 25 марта, во время торжества воссоединения 42 униатских приходов с православной церковью // Минские епархиальные ведомости. – 1875. – № 10. – С. 307 – 309.
31. Заявление Виленского Св. Духовского братства по случаю воссоединения униатов // Литовские епархиальные ведомости. – 1875. – № 14. – С. 122 – 123.
32. Правительственные распоряжения // Литовские епархиальные ведомости. – 1875. – № 20. – С. 174.
33. Запрещение на галицко-русскую газету «Слово» // Литовские епархиальные ведомости. – 1875. – № 20. – С. 175 – 176.
34. Действия правительства // Минские епархиальные ведомости. – 1875. – № 19. – С. 271 – 272.
35. По сведениям, сообщаемым Духовною Беседейю // Литовские епархиальные ведомости. – 1875. – № 18. – С. 158.
36. Преосвященный Полоцкий дал духовной консистории, предложение след. содержания... // Литовские епархиальные ведомости. – 1875. – № 23. – С. 198 – 199.
37. Действия правительства // Литовские епархиальные ведомости. – 1898. – № 32. – С. 285 – 286.
38. Телеграммы, полученные министром внутр. дел от Люблинского губернатора и т. сов. Макова, из г. Замостья, Люблинской губ., от 15-го мая 1875 г. // Литовские епархиальные ведомости. – 1875. – № 24. – С. 177.
39. Воссоединение с Православною церковью Варшавского униатского прихода // Литовские епархиальные ведомости. – 1876. – № 6. – С. 42 – 43.
40. Коялович, М. Воссоединение Холмских униатов с православною церковью / М. Коялович // Литовские епархиальные ведомости. – 1875. – № 48. – С. 403 – 407.
41. В газете «Восток» сообщается... // Минские епархиальные ведомости. – 1881. – № 7. – С. 208.
42. Теобальд, Опасность, которой подвергалась Холмская уния в 1862 году / Теобальд // Литовские епархиальные ведомости. – 1889. – № 11. – С. 95 – 96.
43. Двадцатипятилетие воссоединения униатов // Литовские епархиальные ведомости. – 1900. – № 26. – С. 246 – 248.
44. Воссоединение холмских униатов // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1875. – № 9. – С. 369 – 372.
45. Детская переписка по поводу воссоединения Холмской епархии // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1875. – № 23. – С. 857 – 867.
46. Двадцатипятилетие окончательного торжества православия над унией в пределах православной России // Минские епархиальные ведомости. – 1900. – № 8. – С. 137 – 140.
47. По делам греко-униатов в Царстве Польском. Об униатских приходах в Седлецкой губернии // Московские епархиальные ведомости. – 1874. – № 14. – С. 174 – 172.
48. Москва, 26 января. По поводу воссоединения греко-униатов в Холмской епархии // Московские епархиальные ведомости. – 1875. – № 4. – С. 31 – 32.
49. Внутренне обозрение. Воссоединение Холмских униатов // Московские епархиальные ведомости. – 1875. – № 4. – С. 36.

50. Внутреннее обозрение. Новое воссоединение униатов на Холмщине и современное состояние Холмской Греко-униатской епархии // Московские епархиальные ведомости. – 1875. – № 5. – С. 45 – 50.
51. Известия и заметки. Из Холма // Московские епархиальные ведомости. – 1875. – № 8. – С. 70.
52. Внутреннее обозрение. Из Холма // Московские епархиальные ведомости. – 1875. – № 8. – С. 81.
53. Внутреннее обозрение. О новом воссоединении в Холме // Московские епархиальные ведомости. – 1875. – № 14. – С. 129 – 130.
54. Москва, 13 апреля. Воссоединение в Холме // Московские епархиальные ведомости. – 1875. – № 15. – С. 133 – 134.
55. Внутреннее обозрение. О воссоединении униатов в Люблинской губернии // Московские епархиальные ведомости. – 1875. – № 21. – С. 190 – 191.
56. Телеграммы министру внутренних дел от холмских униатов // Московские епархиальные ведомости. – 1875. – № 18. – С. 161 – 162.
57. Положение греко-униатской церкви в Царстве Польском // Киевские епархиальные ведомости. – 1874. – № 9. – С. 221 – 227.
58. О воссоединении униатов с православной церковью. Телеграммы, полученные министром внутренних дел от седлецкого губернатора из г. Белы // Киевские епархиальные ведомости. – 1875. – № 3. – С. 121 – 122.
59. Речь, произнесенная в Холмском соборе М.О. Попелем при воссоединении греко-униатской церкви с православною, 11 мая 1875 года // Киевские епархиальные ведомости. – 1875. – № 13. – С. 472 – 479.
60. Хиротония о. Маркелла Полея в епископа // Киевские епархиальные ведомости. – 1875. – № 13. – С. 479.
61. Посещение Киева преосвященным Маркеллом Попелем, епископом Люблинским // Киевские епархиальные ведомости. – 1875. – № 13. – С. 480 – 484.
62. Стремление униатов б. Холмской епархии к воссоединению с православной церковью в 1837 – 1857 гг. // Холмско-Варшавский епархиальный вестник. – 1878. – № 3. – С. 8 – 14; № 4. – С. 5 – 10; № 5. – С. 9 – 14; № 6. – С. 10 – 12; № 8. – С. 13 – 18; № 19. – С. 5 – 10; № 21. – С. 13 – 19; № 23. – С. 9 – 13.
63. Документы, относящиеся к истории попыток холмских униатов воссоединиться с православной церковью // Холмско-Варшавский епархиальный вестник. – 1878. – № 5. – С. 1 – 4; № 6. – С. 1 – 2; № 8. – С. 1 – 4; № 19. – С. 1 – 4.
64. Самоквасов, К. Очерки и воспоминания из недавней истории б. Холмской греко-униатской епархии / К. Самоквасов // Холмско-Варшавский епархиальный вестник. – 1879. – № 2. – С. 26 – 32; № 3. – С. 40 – 45; № 9. – С. 149 – 155.
65. Материалы для истории воссоединения униатов б. Холмской епархии с православием (за 1848 – 1857 гг.) // Холмско-Варшавский епархиальный вестник. – 1879. – № 21. – С. 1 – 4.
66. Кваснецкий, А. Об упраздненных приходах и закрытых церквях б. Холмской греко-униатской епархии, Володавского уезда / А. Кваснецкий // Холмско-Варшавский епархиальный вестник. – 1890. – № 2. – С. 22 – 25; № 3. – С. 40 – 43; № 4. – С. 61 – 64; № 5. – С. 75 – 77; № 7. – С. 108 – 111; № 8. – С. 131 – 133.

Поступила 10.12.2012

**THE HISTORY OF THE REUNION OF KHOLMSK UNIATS
WITH THE ORTHODOX CHURCH IN 1875
(ON THE MATERIALS OF BELORUSIAN EPARCHIAL BULLETIN)**

O. RIMKO

Materials on the history of the reunion of Kholmshk uniats with the Orthodox church in 1875, published in Belarussian eparchial bulletin at the end of the 19th century – beginning of the 20th century, are analyzed. The process, which took place in Kholmshk eparchy in 1875, was the third and final stage of the official liquidation of the uniats church on the territory of Russian empire. Clergy and believers of Belarussian eparchies (Lithuanian, Minsk and Polotsk) responded to those events and Belarussian eparchial bulletin followed them, publishing the analysis of the reasons, which contributed to the returning of Kholmshk uniats into orthodoxy, description of reunion celebrations, statistical data about each parish. Moreover, a wide range of documents, concerning the process of the reunion of Kholmshk uniats, was published in Lithuanian, Polotsk and Minsk eparchial bulletins.

УДК 94(438):37:63

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ В СФЕРЕ СРЕДНЕГО АГРАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ПОЛЬШИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В.П. ВОРОН

(Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, Минск)

Рассматриваются основные направления политики российского самодержавия в сфере среднего аграрного образования на территории Польши во второй половине XIX – начале XX века. Основу исследования составляет законодательство Российской империи, в основном постановления и материалы Министерства Народного Просвещения. Значительное внимание уделяется сравнению политики, проводимой самодержавием в области сельскохозяйственного образования на территории Царства Польского, с иными регионами империи. Кроме того, для полноты анализа правительственной деятельности в указанном направлении введена двухуровневая типологизация средних учебных заведений Привислинского края исходя из особенностей организации в них аграрного образования. В заключение делается вывод о результативности данной политики в Польше во второй половине XIX – начале XX века.

Введение. Изучение дореволюционного опыта формирования системы среднего сельскохозяйственного образования на территории Польши ввиду схожих исторически обусловленных, культурных и экономических особенностей с пятью белорусскими губерниями Российской империи дает возможность более точно определить оптимальные варианты реорганизации аграрных учебных заведений среднего звена Беларуси в настоящее время. В территориальные рамки исследования входит Царство Польское, при этом особое внимание уделяется Варшавской и Сувалкской губерниям.

Необходимо отметить, что при высокой степени актуальности указанной темы какие-либо существенные исследования в отношении ее не проводились. Незначительный материал предоставляет дореволюционная историография. Некоторые особенности организации сельскохозяйственных занятий раскрыл Е.П. Ковалевский в Вейверской учительской семинарии [9]. Министр народного просвещения И.И. Толстой проанализировал перспективы внедрения в Российской империи на рубеже XX века аграрного образования в учительские семинарии [21]. Статистические сведения по Варшавскому учебному округу о введении в начальных школах садоводства и огородничества собрал В.И. Покровский [19]. На современном этапе изучением деятельности трехлетних земледельческих курсов в частном коммерческом училище Э.А. Ронталера занимается польский исследователь Даниэль Каминский [22].

Таким образом, чрезвычайная важность темы, а также отсутствие по ней специальных работ в историографии представляется необходимым основанием для ее изучения.

Основная часть. Во второй половине XIX – начале XX века в Царстве Польском формируется система среднего аграрного образования, состоящая из школ 2-х типов: специализированных и не специализированных на сельском хозяйстве. К числу первых относится Варшавская ветеринарная школа, сформированная в 1858 году на базе Варшавской школы простых ветеринаров, открытой в 1840 году как учебное заведение низшего звена [12, с. 6 – 7; 1, с. 236]. Необходимо отметить, что ее преобразование в 1858 году представляло собой квинтэссенцию российского образовательного опыта середины XIX века. Так, в империи средние аграрные школы для упрощения процесса их формирования создавались на основе уже имеющихся сельскохозяйственных учебных заведений либо учебно-показательных хозяйств. В частности, основой Харьковского земледельческого училища (образовано в 1854 году) стала учебная ферма Министерства Государственных Имуществ (МГИ) [13]. В 1859 году Горы-Горецкие землемерно-таксаторские классы были организованы как составная часть Горы-Горецкого земледельческого института [15]. Кроме того, учебная часть Варшавской ветеринарной школы выстраивалась в соответствии с уставами Харьковского (1850 год) и Дерптского (1848 год) ветеринарных училищ, являющихся вузами. А именно: срок обучения увеличивался с 3-х до 4-х лет, курс преподавания дополнялся сравнительной анатомией, фармацией, сведениями из сельского хозяйства и немецким языком. Вместе с тем отсутствие в школе преподавателей с учеными степенями, а также незначительный ее бюджет (5275 руб., согласно штату 1858 года) в сравнении с Харьковским (24920 руб. по штату 1850 года) и Дерптским училищами (27720 руб. по штату 1848 года) закрепляли за ней статус среднего учебного учреждения [12, с. 6; 5; 4; 7; 6]. Тем не менее по числу учащихся Варшавская школа являлась одним из основных центров подготовки ветеринаров в Российской империи. Если в 1874 году в Харьковском ветеринарном училище обучение

проходили 144 чел., в Дерптском – 30, то в Варшавской школе в 1875 году – 90 чел. [8, с. 22; 2, с. 66]. По этой причине Министерство Народного Просвещения (МНП), с одной стороны, реализовывало меры по улучшению материального ее обеспечения, о чем свидетельствуют данные о систематическом увеличении годового бюджета школы с 8959 руб. в 1869 году до 11595 руб. в 1873 году. С другой стороны, предпринимались шаги, направленные на повышение качества образования школы. Этой цели служило расширение преподавательского штата указанного заведения с 6 чел. в 1858 году до 10 в 1873 году. Наконец, преобразование Варшавской ветеринарной школы в ветеринарное училище в 1884 году ознаменовало переход учебного заведения в разряд вузов, что стало новым этапом в его истории [11, с. 203; 8, с. 22; 3, с. 142]. Однако на этом завершалось существование специализированного среднего аграрного образования в Царстве Польском.

В подобных условиях центральное место в развитии среднего сельскохозяйственного образования занимает неспециализированная школа. Введение в составе частного коммерческого училища Э.А. Ронталера в 1902 году трехлетних земледельческих курсов – явление отнюдь не типичное для Российской империи, в значительной мере представляло собой попытку компенсировать полное отсутствие на территории десяти польских губерний специализированных аграрных учебных учреждений. Программа обучения на курсах согласно школьному уставу 1905 года включала в себя ряд следующих предметов: лесоводство, сельскохозяйственная экономия, животноводство, растениеводство и огородничество [22, с. 38 – 39]. Перечень дисциплин был определен Департаментом Земледелия исходя из учета хозяйственной специфики региона. Именно такой подход к организации курсов соответствовал принятому 26 мая 1904 года «Положению о сельскохозяйственном образовании» [16].

Слабое развитие специализированного сельскохозяйственного образования стимулировало внедрение во второй половине XIX века системы аграрного обучения в учительских семинариях Привислинского края. Подобные процессы получили распространение и в остальных регионах империи, но именно Польша находилась в ее авангарде. Примером этому служит Вейверская учительская семинария (создана в 1866 году в Сувалкской губернии), уровень организации аграрного образования в которой и ее сельскохозяйственный потенциал МНП признавало образцовым для подобного рода заведений. По информации того же министерства, в начале 1890-х годов преподавание садоводства и огородничества в Вейверской семинарии представляло собой глубоко систематизированный курс ботаники, излагаемый в течение одного семестра по специально разработанной в самом учреждении программе. Такое качество теоретической работы было достигнуто лишь в Несвижской и Свислочской семинариях. Высокий уровень практической подготовки в Вейверах обеспечивался работой учащихся в опытных учреждениях семинарии – огороде и дендрологическом саду. Последний включал в себя около 2700 деревьев и являлся одним из наиболее крупных состоящих при семинариях садов [9, с. 22; 10, с. 18].

В целом к 1892 году в Варшавском учебном округе сельскохозяйственная подготовка была организована в пяти из восьми учительских семинарий. Для сравнения: в Виленском – в трех из шести; Одесском – в одной из пяти; Харьковском – в двух из шести; Киевском учебном округе ни в одной из трех семинарий не проводились занятия по агрономии [9, с. 4, 8, 9, 16, 17, 22, 30, 31, 35; 14]. Яркая выраженная диспропорция в пользу Царства Польского объясняется не только значительным количеством учительских семинарий в Варшавском учебном округе, но и применением к ним особых законодательных норм, согласно которым еще в 1856 году в семинариях в свободное от классных занятий время предполагалось обязательное изучение садоводства и огородничества. А в 1866 году в указанных заведениях в урочное время вводилось преподавание природоведения с уклоном на изучение местной аграрной специфики, а также курс по ознакомлению с основными землемерными орудиями. Кроме того, для поддержания процесса преподавания сельскохозяйственных дисциплин и работы опытных учреждений в штат семинарий вводилась должность садовника, оклад которого в 1890-е годы составлял около 200 руб. [20, с. 221, 219].

В то же время в большинстве семинарий иных областей империи сельскохозяйственная подготовка официально ограничивалась единственным смежным с агрономией предметом – землемерием, введенным в образовательный курс в 1870 году. В дальнейшем ситуация в отношении преподавания аграрных дисциплин характеризовалась отсутствием необходимых государственных мер. Министерство Народного Просвещения хоть и не строило препятствий на пути к ее неформальному введению, однако блокировало попытки разработки единой законодательной базы, регламентирующей проведение обязательной аграрной образовательной работы в семинариях и гарантирующей ей необходимую материальную поддержку. К примеру, было отвергнуто предложение, исходившее в 1907 году от бывшего министра народного просвещения И.И. Толстого, заключавшееся в необходимости дополнить учебный курс семинарий рядом предметов агрономического цикла. Лишь в Курской семинарии таковые были введены в 1910 году [21, с. 119 – 120; 20, с. 215; 207].

Достигнутый уровень организации сельскохозяйственного обучения в семинариях Привислянья позволял относительно эффективно решать в Царстве Польском характерную для начальных школ империи проблему дефицита педагогических кадров со специальной агрономической подготовкой, которая являлась необходимым условием организации курсов огородничества, садоводства и пчеловодства в общеобразовательных учреждениях МНП низшего звена. В особенности в 1911 году занятия такого рода проводились в 439 из 5027 начальных заведений Варшавского учебного округа, что примерно соответствовало показателям Одесского учебного округа – по уровню развития среднего специализированного аграрного образования одного из наиболее передовых в империи, в 435 из 4777 школ которого был введен дополнительный сельскохозяйственный курс. В то же время по вышеуказанным показателям другие учебные округа, располагающие сетью средних специализированных учебных заведений, такие как Киевский, с аграрной подготовкой, введенной в 209 из 4445 школ, Виленский с 231 соответствующими школами из 4697, значительно уступали Варшавскому округу [19, с. 126 – 127; 17, с. 9, 33; 18, с. 6, 25].

Заключение. Сформированная во второй половине XIX – начале XX века система среднего аграрного образования в Царстве Польском характеризовалась диспропорциями развития двух типов сельскохозяйственных школ. Подобное положение было обусловлено противоречивостью образовательной политики самодержавия в Польше. С одной стороны, правительство фактически отказалось от создания в Привислинском крае, по примеру Беларуси и Украины, сети специализированных аграрных учебных учреждений. Единственным такого рода заведением в 1858 – 1884 годах оставалась Варшавская ветеринарная школа. С другой – Министерство Народного Просвещения и польская общественность стремились компенсировать отсутствие подобных учреждений повсеместным введением агрономической подготовки в учительских семинариях и коммерческом училище, т.е. в неспециализированных учебных заведениях.

Представленные в данной работе данные и сделанные выводы могут быть использованы соответствующими сельскохозяйственными и образовательными структурами Республики Беларусь для модернизации существующей системы подготовки специалистов-аграриев и решения проблем интенсификации сельского хозяйства. *Во-первых*, целесообразно введение дополнительной сельскохозяйственной подготовки в учреждениях общего среднего образования. *Во-вторых*, следует иметь в виду, что использование общественной инициативы в процессе совершенствования системы образования значительно повышает отдачу от проведенных преобразований, этот аспект становится особенно актуальным в условиях возникающих затруднений, связанных с материально-финансовым обеспечением школ. *В-третьих*, при формировании образовательной сети страны или региона необходимо учитывать объективную потребность в определенных типах учебных заведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Военно-статистическое обозрение Российской империи: в 17 т. / сост.: А.И. Астафьев. – СПб.: Тип. Ген. штаба, 1850. – Т. 15, ч. 3. – 417 с.
2. Ветеринарные институты: Дерптский, Харьковский и Казанский // Журнал М-ва Нар. Просвещения. – 1876. – Т. 186. – С. 63 – 66.
3. Ветеринарные учебные заведения // Журнал М-ва Нар. Просвещения. – 1875. – Т. 181. – С. 140 – 145.
4. Высочайше утвержденный устав Дерптского ветеринарного училища, 14 янв. 1848 г., № 21894 // Полное Собр. Законов Рос. империи. – 1848. – Т. 23. – Ч. 1. – Ст. 21, 7.
5. Высочайше утвержденный устав Харьковского ветеринарного училища, 12 апреля 1850 г., № 24072 // Полное Собр. Законов Рос. империи. – 1848. – Т. 25. – Ч. 1. – Ст. 21, 7.
6. Высочайше утвержденный штат ветеринарного училища в Дерпте, 14 января 1848 г., № 21894 // Полное Собр. Законов Рос. империи. Штаты и табели. – 1848. – Т. 23. – Ч. 1.
7. Высочайше утвержденный штат ветеринарного училища в Харькове, 12 апреля 1850 г., № 24072 // Полное Собр. Законов Рос. империи. Штаты и табели. – 1850. – Т. 25. – Ч. 1.
8. Извлечение из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1873 г. // Журнал М-ва Нар. Просвещения. – 1875. – Т. 180. – С. 1 – 65.
9. Ковалевский, Е.П. Сельскохозяйственные занятия в учительских семинариях и начальных школах / Е.П. Ковалевский // Журнал М-ва Нар. Просвещения. – 1892. – Т. 283. – С. 1 – 53.
10. Несколько данных об истинном состоянии Молодеченской учительской семинарии в Виленском учебном округе // Русь. – 1884. – 15 мая. – С. 18 – 22.
11. Обзор деятельности М-ва Нар. Просвещения за время царствования императора Александра III (со 2 марта 1881 по 20 октября 1894 г.). – СПб., 1901. – 651 с.
12. О преобразовании ветеринарных училищ Харьковского, Дерптского и Варшавского в ветеринарные институты // Журнал М-ва Нар. Просвещения. – 1873. – Т. 166. – С. 1 – 22.

13. О закрытии училища сельского хозяйства в Санкт-Петербурге и открытии взамен его земледельческого училища при Харьковской учебной ферме МГИ, 17 мая 1854 г., № 28237 // Полное Собр. Законов Рос. империи. – 1854. – Т. 29. – Ч. 1. – Ст. 2.
14. О преподавании ручного труда в некоторых учительских институтах и семинариях, 29 января 1896 г., № 19 // Сб. постановлений по М-ву Нар. Просвещения. – 1896. – Т. 14.
15. Проект положения о классах для образования частных землемеров и таксаторов при институтах: Константиновском, Межевом и Горы-Горецком земледельческом, 15 декабря мая 1858 г., № 33904 // Полное Собр. Законов Рос. империи. – 1858. – Т. 33. – Ч. 2.
16. Положение о сельскохозяйственном образовании, 26 мая 1904 г., № 24628 // Полн. Собр. Законов Рос. империи. – 1904. – Т. 24. – Ч. 1. – Ст. 68.
17. Покровский, В.И. Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 г. (Киевский учебный округ) / В.И. Покровский. – СПб.: Тип. «Екатерининское печатное дело», 1913. – 175 с.
18. Покровский, В.И. Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 г. (Одесский учебный округ) / В.И. Покровский. – Петроград: Тип. «Екатерининское печатное дело», 1914. – 119 с.
19. Покровский, В.И. Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 г. (Варшавский учебный округ) / В.И. Покровский. – Петроград: Тип. «Екатерининское печатное дело», 1914. – 130 с.
20. Свод законов Российской империи. – СПб.: Книжн. тов-во «Деятель», 1913. – Кн. 4. – 1350 с.
21. Толстой, И.И. Заметки о народном образовании в России / И.И. Толстой. – СПб., 1907. – 130 с.
22. Kamiński, D. Średnia szkoła handlowa Edwarda Rontalera / D. Kamiński // Wyższe szkolnictwo rolnicze w Polsce – rys historyczny i stan obecny. Wystawa Polskie Szkolnictwo Rolnicze w Szasach Zaborów; Centralna Biblioteka Rolnicza im. Michała Oczapowskiego. – Warszawa, 2011. – Zeszyt. 1. – S. 38 – 39.

Поступила 22.10.2012

**POLICY OF RUSSIAN AUTOCRACY IN THE SPHERE OF SECONDARY
AGRICULTURAL EDUCATION ON THE TERRITORY OF POLAND IN THE SECOND
HALF OF THE 19th – THE BEGINNING OF THE 20th CENTURIES**

V. VORON

The article deals with the main directions of the policy of Russian autocracy in the sphere of secondary agricultural education on the territory of Poland in the second half of the 19th century – the beginning of the 20th century. The core of research is the legislation of Russian Empire, mainly, decrees and materials of the Ministry of National Education. A great deal of the research is connected with the comparison of the policy of Russian autocracy in the sphere of agricultural education on the territory of Polish Kingdom to other regions of the Empire. Besides, the article introduces a 2-level typology of secondary agricultural educational establishments of Privilislyanya according to peculiarities of organization of agricultural education in them. The author makes a conclusion about the results of this policy in Poland in the second half of the 19th century – the beginning of the 20th century.

УДК 94(476)“19”

**ОРГАНИЗАЦИИ СОЮЗА СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ (ЭСЕРОВ) МАКСИМАЛИСТОВ
В МЕЖРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД (1908 – 1914 гг.)
НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ****Л.А. ДАВЫДОВА***(Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова)*

Анализируется деятельность организаций Союза социалистов-революционеров (эсеров) максималистов на территории белорусских губерний в период с 1908 по 1914 год. Отмечается, что группы эсеров-максималистов после революции 1905 – 1907 годов продолжали свою деятельность в городах Белосток, Гродно, Минск, Слоним, Вильно и Пинск. В Париже действовала заграничная группа эсеров-максималистов, состоявшая в основном из уроженцев белорусских губерний. Однако уже к 1910 году начали проявляться кризисные явления в партии, что привело к уменьшению численности организаций. По сводкам Департамента полиции по максималистам от 1913 – 1914 годов, на территории белорусских губерний в 1910 – 1914 годах действовала лишь группа максималистов в городе Белостоке.

Введение. Поражение первой российской революции (1905 – 1907 гг.) в значительной мере повлияло на дальнейший ход общественно-политической жизни России, привело к спаду революционного движения. После третьеиюньского переворота политическая реакция приняла широкие масштабы, усилился полицейский террор, сопровождавшийся различными репрессиями, арестами, ссылками и расстрелами. Наиболее сильно пострадали от репрессий правительства и внутренних разногласий в условиях послереволюционного периода политические партии, которые достаточно широко применяли в своей тактике методы индивидуального террора. На территории Беларуси в 1907 году полиция нанесла сильный урон группам социалистов-революционеров максималистов в Белостоке [1, л. 14], Гродно [2, л. 560], Минске и Пинске [3, л. 1 – 3], что привело к сокращению численности каждой из них.

Всестороннее исследование деятельности организаций Союза социалистов-революционеров максималистов на территории белорусских губерний в отечественной и зарубежной историографии до настоящего времени не проводилось. Тем не менее некоторые вопросы, относящиеся к истории партии социалистов-революционеров максималистов, получили освещение в ряде монографий и научных статей. Одним из первых к характеристике максимализма обратился эсер-максималист И.И. Жуковский-Жук. Он в сборнике статей «Воля труда» (Благовещенск, 1920 г.) дал краткий обзор истории максимализма [4]. Отдельные аспекты деятельности эсеров-максималистов в период с 1908 по 1914 год были затронуты в исследованиях А.Ф. Жукова, Д.Б. Павлова, В.Н. Гинева и Ю.И. Шестака [5 – 8].

Цель данной работы – обобщение, анализ и оценка деятельности эсеров-максималистов на территории белорусских губерний в период с 1908 по 1914 год.

Основная часть. Несмотря на пристальный надзор со стороны полиции, на протяжении 1908 – 1914 годов максималистские организации продолжали свою деятельность на территории белорусских губерний. В городах Белосток, Гродно, Минск, Слоним, Вильно и Пинск вели как террористическую, так и пропагандистскую деятельность группы эсеров-максималистов.

Так, по сведениям Департамента полиции в Вильно, в 1908 году действовала группа максималистов в следующем составе: 1) Меер Слонимчик (Слонимчик Менька); 2) Красовский – учитель Виленской частной гимназии Павловского, видный член организации; 3) Борок Исаак («Исаак»), в группе заведовал организационной кассой, пропагандист; 4) Эльбаум Симха («Семень»), в городах Гродно и Белосток был известен как «Моисей»), в группе занимал роль организатора кружков и пропагандиста; 5) Гириш Шоломович Гриншпан – ученик коммерческого училища; 6) Хонон Беркович Диккер – ученик торговой школы, видный деятель в группе; 7) Якобсон Борис – пропагандист, в 1907 году в своей квартире хранил оружие; 8) Феликс, заявил себя в группе бежавшим из каторги, у себя в квартире хранил около 2-х пудов литературы и 4 браунинга [9, л. 4 – 4об.].

Также в 1908 году существовали группы максималистов в Минске и Бресте [9, л. 5].

В местечке Коссово Слонимского уезда Гродненской губернии в 1908 году продолжала действовать группа максималистов, состоявшая из 15 – 20 человек. Она имела свою печать, оружие и, возможно, разрывные снаряды. Членами группы являлись как не евреи, так и евреи, последние преобладали. Среди известных Департаменту полиции членов группы можно отметить следующих лиц: 1) Жуковский-Жук Иосиф Иванович («Саша Горный»), у себя хранил значительное количество нелегальной литературы; 2) Костлер Юдель Пейсахович; 3) Абрамович Гершон Абрамович, у себя в квартире хранил револьвер; 4) Каплан, занимался агентурой по эмиграционной части; 5) Слонимский Абрам-Данил Иоселевич. Эта группа занималась распространением прокламаций и вела пропаганду по деревням [10, л. 438].

Однако особое внимание со стороны Департамента полиции затрудняло деятельность максималистов, а во многих случаях и вовсе приостанавливало ее. Так, в сентябре 1909 года в Гомеле была зафиксирована деятельность эсеров-максималистов, которые пытались приобрести оружие и патроны в г. Новозыбкове, но из-за боязни быть арестованными чинами местной полиции возвратились в Гомель [11, л. 3].

Из-за массовых арестов, широкой агентурной деятельности, многие максималисты из белорусских губерний вынуждены были эмигрировать за границу. Так, с 1908 года в Париже действовала довольно сильная группа максималистов, среди которой было немало выходцев из белорусских городов. Группа в январе 1909 года издавала свой печатный орган «Трудовая республика» [4, с. 41]. Среди белостокской группы максималистов, проживавших в 1908 году в Париже, выделялись следующие лица: 1) Хваловский Янкель Хонович, 23 года, Шерешевский мещанин Пружанского уезда, кличка «Янкель-Вебер»; 2) Котович Янкель-Михель Зорохович, 25 лет, Орлянский мещанин Бельского уезда, по ремеслу слесарь, кличка «Янкель», пользовался псевдонимом «Пахтерь»; 3) Доротынский Вольф, 29 лет, Орлянский мещанин Бельского уезда, рабочий на фабрике, кличка «Вельвель-Кацан»; 4) Луневская Дарья Мовшевна, 20 лет, Гродненская мещанка, щеточница, кличка «Цирль»; 5) Мейлахович Янкель Менделевич, 21 год, мещанин г. Тыкоцина Белостокского уезда, кличка «Борис»; 6) Хваловский Шоель Хонович, 18 лет, Шерешевский мещанин Пружанского уезда, по ремеслу пекарь; «Слинский» [12, л. 19 – 20].

За границу выехали после совершения ряда террористических актов наиболее видные деятели гродненской организации максималистов. Так, эсер-максималист, член «летучего отряда», Моисей Длугач, совершивший покушение на подполковника отдельного корпуса жандармов Н.А. Грибоедова, после революции 1905 – 1907 годов выехал за границу, проживал в Лондоне и Париже [13, л. 218]. Осенью 1908 года вместе с М. Длугачем в Париж выехали видные максималисты Давид Бехтер и Ичко Рублянский. Уехал в Париж и Федор Дорожко, крестьянин волости Гродненского уезда, известный максималист, который был кучером пролетки, на которой увозились деньги, награбленные на Фонарном переулке. В 1907 году он работал в Париже на фабрике, изготовлял палки и ручки для зонтиков, вместе с М. Длугачем. Выехала за границу и Адель Каган, которая увезла в пролетке при ограблении на Фонарном переулке деньги с Федором Дорожко, впоследствии она проживала в Париже и Швейцарии [14, л. 5].

Проживали в Париже и максималисты, которые бежали из ссылки: Клара Зельцер (выехала в 1910 г.), была причастна к покушению на пристава г. Белостока Самсонова [15, л. 4] и состояла в близких отношениях с эсером-максималистом М.Г. Рипсом, завербованным начальником Московской охраны в 1908 году [12, л. 66]; белостокский максималист-пропагандист Моисей Эльбаум (Илья Гиршевич Добковский, участвовал в экспроприации динамита в Юзовке) вместе с сестрой Есфирь Эльбаум [16, л. 28]; максималист из Гомеля, член «летучего отряда» Сергей Малиев («Сергей Маленький», «Митька»), принимавший активное участие в покушении на начальника Брянских заводов Иванова [16, л. 3].

Уже в 1908 году в Париже видные максималисты принялись за организацию особого террористического отряда, члены которого намерены были разъехаться по городам России для совершения ряда политических убийств. В число жертв были включены петербургский градоначальник генерал Д.В. Драчевский (против которого были настроены максималисты из петербургских рабочих) и начальник Петербургского охранного отделения генерал-майор А.В. Герасимов [17, л. 11, 47]. Из-за провалов в России максималисты решили действовать маленькими группами по 5 – 10 человек, в число которых намерены были набирать людей, только самых испытанных и верных. В декабре 1908 года из Петербурга в Париж приехал максималист «Борода», который привез с собою три номера максималистского журнала «За дело», выходящего в Петербурге; в Россию для организации крупной экспроприации группа решила направить мещанина в м. Дятлово Гродненской губернии «Илью», известного за границей под именем «Григорий» [12, л. 44; 55].

По сведениям Департамента полиции к 1909 году в Париже была организована группа боевиков из максималистов, решивших стать под начало Б. Савинкова. Во главе этой группы стояли: 1) Григорий Абрамович Ривкин (революционная кличка «Николай Иванович»), мещанин Оршанского уезда Могилевской губернии, принимавший активное участие в Кронштадтском и Московском восстаниях, 27 лет; 2) мещанин Липа-Хаим Моисеевич Кац (бежавший 2-го октября 1908 года из С.-Петербургской военной тюрьмы). Члены группы: 1) «Илья»; 2) Федор Матвеевич Дорожко, крестьянин м. Крынки Гродненского уезда; 3) Эстер Двейра Янкелевна Вишневецкая («Эмма», дочь Минского раввина, была арестована в 1907 году в Петербурге по делу эсеров-максималистов и выслана в Туруханский край, откуда бежала), 27 лет; 4) Дора Эльяшевна Козак, 32 года; 5) Янкель-Михель Захарович Котович (он же «Пахтер»), Орлянский мещанин Бельского уезда, Гродненской губернии [18, л. 1132 – 1134; 896].

Заграничная организация социалистов-революционеров максималистов поддерживала связи с эсерами-максималистами в России, периодически направляла видных максималистов для содействия работе местных организаций. В марте 1908 года из-за границы в Россию вернулся известный максималист Ичко Рублянский (мещанин г. Яново Сокольского уезда, бросивший бомбу в казачьего есаула) [1, л. 41; 50]. В ок-

тябре 1909 года из Парижа в Россию выехала максималистка «Эмма» (Эстер Двейра Янкелевна Вишневская), входившая в группу Б. Савинкова, для совершения террористического акта [18, л. 1132].

Однако ввиду большого числа информаторов и провокаторов, завербованных Особым отделом, о деятельности и планах парижских максималистов сразу же становилось известно Департаменту полиции. Так, среди секретных сотрудников заграничной агентуры под псевдонимами «Мольер» и «Клермон» числился крестьянин Гродненской губернии Ф.М. Дорожко, получавший 600 франков в месяц. Дорожко доносил о деятелях Парижской группы социалистов-революционеров максималистов, состоял членом боевой группы Ривкина [19, с. 145]. Мотивы секретного сотрудничества с охранкой были разные, в большинстве случаев люди шли на сотрудничество из-за корысти или из страха перед наказанием.

Организация социалистов-революционеров максималистов г. Белостока, известная своими боевыми предприятиями, в период с 1910 по 1913 год практически не проявляла прежней активности, оставшиеся на свободе деятели занимались в основном малыми делами. По сведениям полицейской агентуры, группа пыталась возобновить свою работу, причем некоторые члены поддерживали переписку с Центральным комитетом. В распоряжении организации находилось оружие в количестве 3 – 4 браунингов, партийные печати и нелегальные паспорта. По предположению сотрудника «Владиминова», паспорта хранились у Жака Влоха, а партийная печать «Белостокская организация ССРМ» и паспортная печать «м. Мир Минской губернии» – у Гдаля. Шрифт и литература хранились в Пинске закопанными за городом. Партийная корреспонденция в Белостоке адресовалась на Эльбаума, совершенно конспиративные письма приходили на адрес Богуша, жившего за границей (в Торне).

Из местных социалистов-революционеров максималистов, пользовавшихся влиянием, в Белостоке в 1910 году известны следующие: 1) Фарбер Элиаш и его жена Малка, у них было 2 дочери, старшая Дора, по мужу Казак (нелегально Ковенская), и младшая Фаня, которые жили в Париже, первая из них принадлежала к Парижской организации социалистов-революционеров максималистов; 2) Влох Жак, партийная кличка «Шайка»; 3) Маринский Виктор; 4) Медовник Израиль Шлемович; 5) Канель Люба, студентка Парижского университета, проживала на Николаевской улице в собственном доме; 6) Чмуть Александр; 7) Пейсихович Гдаль Мовшевич («Гдаля») и его жена Ривка; 8) Елька, невеста максималиста Янкеля Котовича, находящегося в Париже; 9) Новик Алта, бывшая анархистка; 10) Хакель Этель [20, л. 2; 2 об.].

В июле 1910 года по поручению местной организации социалистов-революционеров максималистов из Белостока в Варшаву выехал видный максималист И. Медовник, чтобы отпечатать в нелегальной типографии воззвания [21, л. 1861]. Прибыв в Варшаву, И. Медовник остался работать в местной организации, отправив в Белосток письмо, в котором сообщил: «Бакай из Парижа запрашивает, есть ли у кого-либо возможность в Варшаве заходить за справками в канцелярию генерала Утгофа и в канцелярию Набокова». 19 июля 1910 года из Варшавы в Белосток прибыл член белостокской организации Мейшка Брамсон, который виделся с И. Медовником и объяснил суть письма: Центральный комитет Союза социалистов-революционеров максималистов посоветовал местной организации убить в Варшаве помощника генерал-губернатора по полицейской части генерал-лейтенанта Льва Карповича Утгофа и прокурора судебной палаты Сергея Дмитриевича Набокова [20, л. 9]. Тем не менее белостокская организация высказалась против участия в предполагаемом в Варшаве террористическом акте из-за своей малочисленности [22, л. 49].

К 1913 году организация социалистов-революционеров максималистов в Белостоке практически перестала существовать, из уцелевших к этому времени эсеров-максималистов, известных своей активной революционной деятельностью в 1904 – 1907 годах, нужно отметить кожевника Монеса Мовшевича Гитлица («Монос»). Его квартира служила местом сбора членов организации социалистов-революционеров максималистов для подготовки предполагаемых террористических актов, из которых некоторые впоследствии были приведены в исполнение, а именно: убийство полицмейстера Метленко, покушение на пристава Самсонова. У Монеса скрывался прибывший в 1904 году в Белосток известный террорист Е.С. Сазонов, убивший министра внутренних дел В.К. фон Плеве. По данным агентуры, Монос поддерживал знакомство со многими известными революционерами за границей, а также находящимися в ссылке. В 1913 году вся деятельность Монеса сводилась лишь к тому, что он иногда собирал деньги среди знакомых рабочих для бывших своих товарищей, сосланных на каторгу [23, л. 3].

Последние сводки Департамента полиции об эсерах-максималистах относятся к 1913 – 1914 годам, когда из ссылки на родину стали возвращаться бывшие эсеры-максималисты. Летом 1913 года в Слоним из ссылки вернулся известный эсер-максималист, член «летучего отряда» местной организации Борух Шемелевич Воллох. Первоначально был арестован в сентябре 1906 года по делу покушения на исправника Полховского, городского Карпова и пристава Самсонова, сослан в Архангельскую губернию сроком на два года. Из ссылки Б. Воллох бежал и был арестован в Белостоке 12 ноября 1907 года по подозрению в убийстве коменданта станции Белосток Северо-Западной железной дороги, полковника А.А. Шретера. По сведениям агентуры, Воллох остался таким же партийным деятелем, как и раньше, способным на совершение террористических актов [24, л. 442]. Так, в 1913 году Б. Воллох пытался организовать в Слониме группу социалистов-революционеров максималистов [24, л. 445].

В начале 1913 года вернулся в Белосток помещик м. Орля Бельского уезда Гродненской губернии Вольф Доротынский, который выехал в Америку в феврале 1908 года. Вскоре был арестован (25 февраля 1913 года в Белостоке) по подозрению в том, что в 1906 – 1907 годах он совместно с другими максималистами, членами «летучего отряда» (Иоселем Виторжем и Ицко Рублянским), принимал участие в подготовке убийств коменданта станции Белосток полковника Шретера и жандармского подполковника Грибоедова [25, л. 4], однако был освобожден из-под стражи, так как не была установлена виновность задержанного по подозрению в покушении на жизнь вышеуказанных полицейских чинов [25, л. 5об.].

Заключение. С наступлением реакции Союз социалистов-революционеров (эсеров) максималистов, как и другие российские революционные и оппозиционные партии, оказался в состоянии кризиса. Он был вызван прежде всего той неудачей, которую потерпели в революции эти партии, а также резким ухудшением условий их деятельности.

На протяжении 1908 – 1910 годов группы эсеров-максималистов действовали в городах Белосток, Гродно, Минск, Слоним, Вильно и Пинск, довольно сильной была группа максималистов в Париже. Кризис местных организаций эсеров-максималистов по-настоящему стал проявляться лишь с 1910 года. Постоянный контроль власти над членами максималистских групп, аресты, репрессии разрушили местные организации. Именно в 1910 году стали все больше и больше проявляться различные кризисные явления – уменьшение количества партийных организаций, сокращение отдельных видов борьбы и общего количества проводимых партийных мероприятий. После 1910 года действовала лишь одна группа максималистов на территории белорусских губерний, в городе Белостоке. В результате к 1913 – 1914 годам в губернии уже фактически не существовало организаций эсеров-максималистов, а были лишь отдельные ее члены, которые не проявляли заметной активности. С началом первой мировой войны почти полностью были утрачены связи с эмиграцией, где находилось большинство идеологов и лидеров Союза социалистов-революционеров максималистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Оппозиция партии социалистов-революционеров – максималисты по Гродненской губернии // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – ДП ОО. – Фонд 102. – 1907. – Оп. 237. – Д. 10 ч. 13. – Л. 14; 41; 50.
2. Переписка с Гродненским губернатором, своими помощниками и др. о лицах, принадлежавших к разным партиям, списки лиц, у которых произведены обыски // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Гродненское ГЖУ. – Фонд 366. – Оп. 1. – Д. 91. – Л. 560.
3. Дело об обвинении Б. Литвина, М. Леви, А. Гольштейна, С. Найдич и др. в принадлежности к организации максималистов г. Минска (за 1907 г.) // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Минское ГЖУ. – Фонд 705. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 1-3.
4. Воля труда: сб. ст. по вопросам программы и тактики Максимализма. – Благовещенск: Изд. Амурского Областного Исполнительного Бюро С. Р. Максималистов, 1920. – 127 с.
5. Жуков, А.Ф. Идеино-политический крах эсеровского максимализма / А.Ф. Жуков. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. – 158 с.
6. Павлов, Д.Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции / Д.Б. Павлов. – М.: Изд-во ВЗПИ, 1989. – 240 с.
7. Гинев, В.Н. Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества, 1902 – 1914 гг. / В.Н. Гинев. – Л.: Наука, 1983. – 335 с.
8. Шестак, Ю.И. Банкротства эсеров-максималистов / Ю.И. Шестак. – Вопросы истории. – 1977. – № 1. – С. 30 – 46.
9. О группе социалистов-революционеров максималистов по Виленской губернии // ГАРФ. – ДП ОО. – Фонд 102. – 1908. – Оп. 238. – Д. 10ч 6л А. – Л. 4-5.
10. Переписка с начальником Гродненского ГЖУ, унтер-офицерами дополнительного штата и др. о надзоре за деятельностью благотворительных, просветительных и др. обществ и проф. Союзов, обнаружении нелегальной литературы // НИАБ в г. Гродно. – Гродненское ГЖУ. – Фонд 369. – Оп. 1. – Д. 36. – Л. 438.
11. Максималисты по Могилевской губернии // ГАРФ. – ДП ОО. – Фонд 102. – 1909. – Оп. 239. – Д. 10ч 33. – Л. 3.
12. О группе социалистов-революционеров максималистов по Гродненской губернии // ГАРФ. – ДП ОО. – Фонд 102. – 1908. – Оп. 238. – Д. 10ч 13. – Л. 19-20; 44; 55; 66.
13. Переписка с прокурором Гродненского окружного суда помощниками начальника Гродненского ГЖУ и др. о производстве дознаний, о лицах, обвинявшихся в распространении нелегальной литературы,

- оскорблениях царя и др. // НИАБ в г. Гродно. – Гродненское ГЖУ. – Фонд 366. – Оп. 1. – Д 106. – Л. 218.
14. Максималисты по Виленской губернии // ГАРФ. – ДП ОО. – Фонд 102. – 1908. – Оп. 238. – Д. 10 ч. 6л. А. – Л. 5.
 15. Общая переписка социалистов-революционеров по загранице // ГАРФ. – ДП ОО. – Фонд 102. – 1910. – Оп. 240. – Д. 10ч 1л. А. – Л. 4.
 16. Агентурные сведения, максималисты по загранице // ГАРФ. – ДП ОО. – Фонд 102. – 1910. – Оп. 240. – Д. 10ч 1л. Б. – Л. 28.
 17. Общая переписка // ГАРФ. – ДП ОО. – Фонд 102. – 1908. – Оп. 238. – Д. 10т 1. – Л. 11; 47.
 18. Переписка с начальником Виленского губернского жандармского управления, помощниками начальника Гродненского ГЖУ и др. о наблюдении за деятельностью политических партий // НИАБ в г. Гродно. – Гродненское ГЖУ. – Фонд 366. – Оп. 1. – Д. 126. – Л. 367; 896; 1132 – 1134.
 19. Брачев, В.С. Заграничная агентура Департамента полиции (1883 – 1917) / В.С. Брачев. – СПб.: Стомма, 2001. – 183 с.
 20. Максималисты по г. Белостоку // ГАРФ. – ДП ОО. – Фонд 102. – 1910. – Оп. 240. – Д. 10ч 19л. В. – Л. 2 – 9.
 21. О собрании сведений о политической благонадежности // НИАБ в г. Гродно. – Гродненское ГЖУ. – Фонд 366. – Оп. 1. – Д. 100. – Л. 1861.
 22. Выписки из агентурных сводок и деятельности партии социалистов-революционеров максималистов в г. Белостоке // НИАБ в г. Гродно. – Гродненское ГЖУ. – Фонд 366. – Оп. 1. – Д. 156. – Л. 49.
 23. Выписки из агентурных сводок о деятельности партий социалистов-революционеров и «Бунда» в г. Белостоке за 1913 г. // НИАБ в г. Гродно. – Гродненское ГЖУ. – Фонд 366. – Оп. 1. – Д. 433. – Л. 3.
 24. Переписка с начальником Гродненского ГЖУ; унтер-офицерами дополнительного штата и др. о надзоре за деятельностью политических партий, сборе сведений о состоявших под надзором лицах // НИАБ в г. Гродно. – Помощник начальника Гродненского ГЖУ. – Фонд 369. – Оп. 1. – Д. 81. – Л. 442 – 445.
 25. Наблюдательное дело по обвинению мещанина м. Орли Бельского уезда Вольфа Доротынского в принадлежности к партии социалистов-революционеров максималистов и участия в подготовке покушения на подполковника Грибоедова // НИАБ в г. Гродно. – Гродненское ГЖУ. – Фонд 366. – Оп. 1. – Д. 217. – Л. 4 – 5.

Поступила 17.09.2012

**THE ORGANIZATIONS OF THE UNION OF SOCIALIST REVOLUTIONARIES MAXIMALISTS
DURING THE INTERREVOLUTIONARY PERIOD
ON THE TERRITORY OF BELARUSIAN PROVINCES**

L. DAVYDOVA

The activity of the Union of Socialist-Revolutionaries (SR) maximalists on the territory of Belarussian provinces during the period from 1908 to 1914 is analyzed. It is marked that the group of SR-maximalists continued their activity after the Revolution of 1905 – 1907 in Belostok, Grodno, Minsk, Slonim, Vilna and Pinsk. The foreign group of SR-maximalists, which in general consisted of people from Belarussian provinces, operated in Paris. But since 1910 the crisis phenomena in the party began to appear, which led to decrease in the number of organizations. Only one group in Belostok operated on the territory of Belarussian provinces after 1910, according to reports of the police department in 1913 – 1914.

УДК 947,6 (“1914 – 1918”)

**ДЗЕЙНАСЦЬ МІНСКАЙ ГУБЕРНСКАЙ ХАРЧОВАЙ КАМІСІІ
Ў ГАДЫ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ****В.М. ХАДАНЁНАК****(Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск)**

Разглядаецца дзейнасць Мінскай губернскай харчовай камісіі ў перыяд 1915 – 1917 гадоў. На аснове шырока скарыстаных архіўных крыніц аналізуецца яе роля ў забеспячэнні насельніцтва не акупаванай немцамі тэрыторыі Беларусі прадуктамі, фуражам, асобнымі прадметамі першай неабходнасці. Паказаны цяжкасці, з якімі прыйшлося сутыкнуцца камісіі ў барацьбе са спекуляцыяй і дарагоўляй. Робіцца выснова, што, нягледзячы на адсутнасць адпаведнага фінансавання, слабую сувязь з мясцовымі (павятовымі) аддзяленнямі, перагружанасць чыгуначных шляхоў і адсутнасць неабходнай колькасці транспарта, дзеянне законаў, якія абмяжоўвалі ўвоз і вываз вызначаных катэгорый прадуктаў сілкавання, Мінская губернская харчовая камісія аказала істотную дапамогу насельніцтву ў барацьбе з голадам і спекуляцыяй падчас першай сусветнай вайны.

Дзейнасць Мінскай губернскай харчовай камісіі доўгі час заставалася па-за ўвагаю даследчыкаў. Між тым ва ўмовах першай сусветнай вайны яна адыгрывала значную ролю ў забеспячэнні насельніцтва неакупаванай тэрыторыі Беларусі прадуктамі харчавання, фуражам, асобнымі прадметамі першай неабходнасці. Ад яе спраўнага функцыянавання часта залежыла не толькі жыццё грамадзянскага насельніцтва, але і ўтрыманне арміі ў прыфрантавой паласе.

Мінская губернская харчовая камісія была заснавана пры земскай управе згодна з рашэннем нарады старшыняў мінскіх губернскай і павятовай земскіх управаў 9 лістапада 1915 года. Працаваць яна пачала амаль праз 2 тыдні – 20 лістапада 1915 года. Варта зазначыць, што ў дзейнасці Мінскай губернскай харчовай камісіі актыўны ўдзел прымалі даволі вядомыя на той час асобы: Р.А. Скірмунт (старшыня), М.В. Доўнар-Запольскі (прадстаўнік гарадской камісіі па надзённых патрэбах), А.В. Бонч-Асмалоўскі [1, арк. 1]. Апроч пазначаных дзеячоў у яе склад уваходзілі: старшыня Мінскай губернскай земскай управы (ён жа ўпаўнаважаны старшыні асобай нарады па харчовай справе па Мінскай губерні), прадстаўнікі губернскай земскай управы, гарадской і павятовай харчовых камісій, прадстаўнікі чыгуначнага ведамства, губернскі земскі аграном.

Харчовая камісія ў першую чаргу займалася нарыхтоўкай усіх неабходных прадуктаў і размеркаваннем іх паміж паветамі, у залежнасці ад патрэбы і колькасці чыгуначнага транспарта, які даваўся ў яе распараджэнне; аказвала дапамогу губернскай прысутнасці ў забеспячэнні насельніцтва семанымі матэрыяламі; змагалася з дарагоўляй і спекулянтамі.

Ва ўмовах ваеннага часу становіцца вырашэнне шмат якіх пытанняў найпрост залежала ад ступені ўзаемадзеяння Мінскай губернскай харчовай камісіі са сваімі мясцовымі прадстаўніцтвамі ў паветах. Але ўпаўнаважаныя па паветах зрэдку наведвалі пасяджэнні камісіі, што прыводзіла да страты сувязі паміж губернскімі органамі і павятовымі. Часам Мінская харчовая камісія ўвогуле не мела звестак аб патрэбах паветаў, і гэтым самым ставіла апошнія ў цяжкае становішча пры выпісцы харчовых прадуктаў [1, арк. 32].

Слабая дзейнасць мясцовых харчовых камісій, якія рэдка збіраліся і не прымалі колькі-небудзь эфектыўных рашэнняў, прывяла да таго, што ўсю іх працу з цягам часу ўзялі на сябе павятовыя земскія ўправы, якія і сталі самастойна весці ўсе іх справы. Дадзены стан рэчаў ніякім чынам не задавальняў Мінскую губернскую харчовую камісію, таму яна “... настойліва прасіла павятовыя ўправы ў мэтах ажыўлення дзейнасці павятовых харчовых камісій прыцягнуць да іх працы прадстаўнікоў гарадоў і мясцовых грамадскіх арганізацый, асабліва прадстаўнікоў сельска-гаспадарчых таварыстваў і мясцовых кааператываў (спажывецкіх таварыстваў, крэдытных і фінансавых таварыстваў) і па магчымасці пазбягаць запрашэнняў у харчовыя камісіі асобаў, якія займаюцца гандлем ці перапродажам харчовых прадуктаў, бо ўдзел такіх асобаў ці наўрад можа садзейнічаць барацьбе з дарагоўляй і спекуляцыяй, гэтай галоўнай задачай харчовых камісій” [1, арк. 46адв. – 47].

Малая актыўнасць павятовых харчовых камісій шмат у чым тлумачылася няздольнасцю вырашаць важкія справы, для якіх патрабаваліся адпаведныя паўнамоцтвы. Што казаць, калі нават “... параённыя камітэты Харкаўскі, Варонежскі і Растоўскі не прымалі нарадаў Мінскай Харчовай камісіі без пацверджання з боку цэнтральнага камітэта” [2, арк. 46].

Бадай адной з самых вялікіх праблем, з якой давялося сутыкнуцца Мінскай губернскай харчовай камісіі, была адсутнасць магчымасці свабодна набываць прадукты. На іх продаж і правоз накладаліся пэўныя абмежаванні, якія стваралі істотныя перашкоды для дзейнасці арганізацыі. Так, на паседжанні

14 снежня 1915 года камісія заслухала лісты пастаўшчыкоў Касцянецкага і Рубінчыка аб немагчымасці адправіць набытыя імі харчовыя і фуражныя грузы з-за забароны на вываз іх з Кіеўскай ваеннай акругі і Палтаўскай губерні [2, арк. 5]. Ужо праз тыдзень Канстанцінаўскі паведамляў аб немагчымасці вывезці 2 вагоны грэчковых круп і прасіў узбудзіць хадайніцтва перад галоўным начальнікам адэскай ваеннай акругі па станоўчаму вырашэнню гэтага пытання [2, арк. 94]. Між тым асобныя прадукты харчавання ў ваенны час можна было набыць толькі ў некаторых рэгіёнах. Так, неабходную колькасць сметанковага масла маглі прадаставіць толькі Волагда і Яраслаўль. Да таго ж, з-за дэфіцыту прадуктаў выстаўлялася патрабаванне аб абавязковым суправаджэнні груза на ўсім працягу яго следавання [3, арк. 9]. Крайне абмежаваны рынак мела Мінская губернская харчовая камісія і для набыцця скаціны (3 паветы Мінскай губерні і 5 паведаў Чарнігаўскай) [1, арк. 1 адв.]. Закупка яе праходзіла па вельмі высокіх цэнах.

Дадатковыя складанасці ўзніклі з-за таго, што не было дэталёва рэгламентавана, хто быў той апошняй інстанцыяй, якая давала “дабро” на вываз прадукцыі. Адно спецыялісты па нарыхтоўцы пераконвалі, што гэта галоўны ўпаўнаважаны па нарыхтоўцы хлеба для патрэбаў арміі з Міністэрства земляробства, другія прапаноўвалі звяртацца ў Міністэрства земляробства па адрасу “Петраград «Перасяленец»”, трэція тэлеграфавалі ў “Петраград «Цэнтрмука»” [4, арк. 95]. Адпаведна папяровая важданіна прыводзіла да шматлікіх непаразуменняў і затрымак у працэсе набыцця і дастаўкі прадуктаў.

Пэўную дапамогу ў атрыманні дазволу на пакупку і перавозку харчовых грузаў прапаноўвалі шматлікія пасрэднікі, як дзяржаўныя служачыя, так і прыватныя асобы. Часам гэта былі людзі, якія па роду сваёй дзейнасці ніякім чынам не былі звязаныя з гандлем (урачы, настаўнікі і г.д.). Напрыклад, ветэрынар Н.М. Максімаў прапаноўваў за высокую плату арганізаваць дастаўку сена са Стаўрапольскай губерні [2, арк. 35]. Але ж такім памагатым не давалі веры, бо вельмі часта атрымліваемы ад іх тавар быў зусім не падобны да ўзору, згодна з якім быў заказаны [1, арк. 206 адв.]. Да таго ж, пасрэднікі не патрабавалі карыстацца чужымі даверанасцямі і фальсіфікаваць праязныя дакументы для атрымання дазволу на правоз грузаў. Кіраўніцтва Мінскай харчовай камісіі справядліва наракала на тое, што: “... заказаныя земскай харчовай камісіяй вагоны з харчовымі грузамі прыходзяць значна пазней за заказы прыватных асобаў. Губернская харчовая камісія не можа, напрыклад, да гэтага часу атрымаць вагоны пшанічнай мукі, які былі замоўлены яшчэ ў пачатку красавіка, у той час як прыватныя асобы атрымоўваюць свае заказы, зробленыя ўжо ў траўні. ... скрайне маруднае паступленне гарадскіх заказаў перш за ўсё тлумачыцца тым, што горад і земствы не маюць “талкачоў” і не прымяняюць “змазку” чыгуначных агентаў” [1, арк. 2 адв.].

Даволі часта пасрэднікі за паспяховую дастаўку таго ці іншага груза атрымоўвалі істотную яго частку ў якасці ўзнагароды. Пры гэтым з іх бралася падпіска з патрабаваннем прадаваць тавар толькі па ўстаноўленай камісіяй таксе. Але ж пасрэднікі даволі часта не прытрымліваліся дадзеных абяцанняў і займаліся спекуляцыяй. У адказ Мінская губернская камісія праводзіла рэквізіцыі ў такіх асобаў [5, арк. 2 адв.].

Але ж часам без пасрэднікаў было не абыйсціся, бо прафесійныя якасці асобных супрацоўнікаў камісіі не адпавядалі патрабаванням (дрэнна вялася дакументацыя, не праводзіўся належным чынам агляд прадуктаў і іх уважванне перад пакупкай, правілы перавозкі грузаў не выконваліся). Усё гэта прыводзіла да непрадугледжаных фінансавых выдаткаў, каб хоць якім-небудзь чынам выправіць хібы ў працы асобных работнікаў. Напрыклад, пры аглядзе чарговай партыі мукі, прывезенай 24 лютага 1916 года, адказнымі супрацоўнікамі было высветлена, што яна аказалася з прызнакамі доўгага ляжання (затхласці) і пры надыходзе вясенніх месяцаў магла сапсавацца канчаткова. Таму было прынята рашэнне “... прадаць муку зараз, а ўбытак ад аперацыі прыняць на кошт Мінскай губернскай харчовай камісіі” [4, арк. 9 адв. – 10]. Часам харчовыя прадукты пры транспарціроўцы насыпаліся ў ірваныя, мокрыя мяхі і пасля працяглай перавозкі прадаць іх увогуле было немагчыма. Так, 25 мая 1916 года камісія правяла агляд атрыманых па накладной за № 7825 грэчковых круп. Аказалася, што “... крупа, як дробная так і буйная дужа засмечана, не чыстая, з істотнай прымессю свірэпкі, на пах прэлая, не сухая, з-за чаго крупа ў сярэдзіне мяхоў злучылася і ўтварыліся камякі, на смак гаркавая” [4, арк. 45]. Даходзіла да таго, што цэлыя саставы засылаліся замест аднаго горада ў другі і там прастойвалі з-за перагружанасці чыгуначных ліній. Кадравае пытанне так і не было вырашана, бо з-за масавых мабілізацый на неакупаванай тэрыторыі Беларусі адчуваўся катастрофічны недахоп працоўных рук і спецыялістаў ва ўсіх сферах жыцця.

Каб забяспечыць прадуктамі і прадметамі першай неабходнасці насельніцтва перыферыі, Мінская губернская харчовая камісія актыўна займалася адкрыццём лавак у паветах. Так, на 7 ліпеня 1916 года ў Барысаўскім павеце было 6 харчовых лавак, а менавіта: у Зембіне, Пляшчаніцах, Бярэзіне, Докшыцах, Мсціжы і Красналуках, і 3 лаўкі знаходзіліся непасрэдна ў Барысаве [1, арк. 76 адв.]. Апроч таго актыўна адчыняліся харчовыя склады на чыгуначных станцыях (Крупкі, Жодзіна, Прыяміна і Вітгенштэйнская і інш.). Але іх праца выклікала шмат нараканняў у мясцовага насельніцтва. Па-першае, хоць тавары і прадаваліся там танней, чым у прыватных гандляроў, затое часта адпускаліся па знаёмству толькі членам павятовых камісій і іх родзічам (асабліва дадзеная сітуацыя была характэрна для Мазырскага павета). Па-другое, з-за бездарожжа ранняя вясной і позняя восенню дастаўка прадуктаў была немагчымай.

Былі выпадкі, калі Мінская губернская харчовая камісія пастаўляла на месцы харчаванне для спажывецкіх лавак, якіх на самой справе не існавала. Так, ад селяніна Сяргея Пугача, які пражываў у мястэчку Казіміраў Сцяпскай воласці Бабруйскага павета, паступіла заява, што “... гаспадар фальварка каля мястэчка Казімірава Янкоўскі, атрымоўвае з 1-га кастрычніка 1916 г. прадукты, дзеля быццам бы адкрытай ім ва ўзгаданым мястэчку камісійнай лаўкі. Апошняя не існуе, а атрымоўваемыя прадукты Янкоўскі збывае мясцоваму гандляру Марголіну, які прадае іх па завышаных цэнах” [4, арк. 108]. Нажаль, такія прыклады былі далёка не адзінкавымі.

Харчовая камісія павінна была звяртаць пільную ўвагу і на рэгіянальныя асаблівасці ў справе ўвоза-вывоза прадуктаў з той ці іншай мясцовасці. Напрыклад, жыхары Турава Мазырскага павета звярнуліся з просьбай забараніць вывозіць рыбу з іх мястэчка, бо яны заставаліся без сродкаў да існавання [1, арк. 100адв. – 101] (рыба з’яўлялася для жыхароў Турава з-за недахопа мяса галоўным прадметам харчавання).

Асобныя ўпаўнаважаныя работнікі камісіі займаліся выключна “мясным пытаннем”. Асабліва яно абвастрылася пасля 30 чэрвеня 1916 года, калі выйшаў Закон “Аб мерах па скарачэнні спажывання насельніцтвам мяса і мясных прадуктаў”. Быў забаронены паўсюдна ў аўторак, сераду, чацвер і пятніцу кожнага тыдня продаж мяса і мясных прадуктаў (мясных кансерваў, каўбас, сала і г.д.), а таксама выраб для продажу і падача наведвальнікам розных страў з мяса і мясных прадуктаў у рэстараннах, корчмах, тракцірах. Таксама забараняўся па панядзелках, аўторках, серадах і чацвяргях забой буйной рагатай скаціны, цялят, авечак, ягнят, свіней і парсюкоў на бойнях. У пятніцу, суботу і нядзелю азначаны ўбой жывёлы дапускаўся ў колькасці, вызначаемай гарадскім грамадскім упраўленнем і сходам гарадскіх упаўнаважаных разам з павятовымі земскімі ўстановамі [1, арк. 378]. Выкананне дадзенага закона строга кантралявалася, па кожнаму павету штотыдзень складалася дэталёвая справаздача. Напрыклад, па Ігуменскаму павету яна выглядала наступным чынам (табліца).

Ведамасць аб колькасці штотыднёвага забоя скаціны
ва ўстаноўленыя законам дні ў населеных пунктах Ігуменскага павета

Назва мясцовасці	Буйная рагатая скаціна	Авечкі	Свінні
Лапавічы	3	2	2
Пухавічы	6	5	6
Халуй	2	3	1
Сяліба	2	3	1
Бярэзіна	8	10	6
Багушэвічы	1	3	3
Смілавічы	7	10	8
Узляны	2	3	1
Дукора	3	5	2
Шацк	4	6	2
Узда	6	8	6
Лоша	1	2	1
Пагост	1	2	1
Пясочна	2	5	2
Магільна	1	2	1
Клічаў	2	5	2
Усяго	51	74	45

Крыніца: [1, арк. 375].

Апроч за забеспячэнне прадуктамі мірнага насельніцтва, Мінская губернская харчовая камісія мусіла была дбаць пра пастаўкі фуражу і харчу ў дзеючую армію; але з-за цяжкасцяў ваеннага часу далёка не заўжды была ў стане гэта рабіць. У Мінскі губернскі аб’яднаны ваенна-прамысловы камітэт 26 студзеня 1916 года быў дасланы наступны ліст: “... Харчовая камісія паведамляе, што па яе звестках Мінская губерня не мае ніякай магчымасці забяспечваць армію ніякімі прадметамі фуражу і харчу, бо сама мае ў іх патрэбу і з цяжкасцю і далёка не ў поўнай меры здабывае іх пакупкай у іншых мясцовасцях імперыі” [6, арк. 4 – 4адв.]. Прычым з цягам часу сітуацыя рабілася ўсё больш цяжкай. Гэта яскрава бачна з дынамікі паставак мукі ў горад Мінск у 1916 годзе: “... студзень – 224.000 пудоў, люты – 313.000, сакавік – 222.000, красавік – 204.000, травень – 228.000, чэрвень – 257.000, ліпень – 133.000, жнівень – 45.000, на першы тыдзень верасня прыбыла толькі 9.580 пудоў” [7, арк. 27адв.]. Імкліва скарачаліся і нормы забеспячэння губерні цукрам: “... на чэрвень і ліпень 1916 г. была вызначана норма 123 вагоны, на жнівень

і верасень 100 вагонаў, затым зменшана да 88 вагонаў, прычым з гэтай колькасці толькі 54 вагоны абцягалі выслать адразу, а астатнія 34 – пасля” [7, арк. 7].

У некаторых мясцовасцях сітуацыя была ўвогуле катастрофічнай. Так, з пратакола пасяджэння камісіі ад 1 снежня 1915 года бачна, што: “... у насельніцтва Наваградскага павета літаральна няма ніякіх прадуктаў харчавання, няма нават бульбы. Гэта тычыцца тых 5 ці 6 валасцей, якія не заняты немцамі, але дзе рускія вайсковыя часці ўзялі ў насельніцтва ўсё, што толькі можна было ўзяць” [3, арк. 9адв.].

Але ж, нягледзячы на ўсе цяжкасці ваеннага часу (адсутнасць істотнай дапамогі харчовымі прадуктамі з боку тылавых губерній, разладжанасць чыгуначных зносін, недахоп фінансавых сродкаў і кваліфікаваных кадравых супрацоўнікаў, наяўнасць законаў, якія абмяжоўвалі ўвоз-вываз прадуктаў і г.д.), Мінская губернская харчовая камісія здолела забяспечваць на прымальным узроўні насельніцтва харчовымі прадуктамі і фуражом, пэўным чынам абмежавала росквіт спекуляцыі ў прыватных гандляроў. У цэлым справіўшыся са сваімі задачамі, камісія была ліквідавана Часовым Урадам у сакавіку 1917 года ў сувязі з заснаваннем харчовых камітэтаў.

ЛІТАРАТУРА

1. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далей – НГАБ). – Фонд 137. – Воп. 1. – Спр. 10. Постановления Минской губернской продовольственной комиссии 7 мая – 31 августа 1916 г.
2. НГАБ. – Фонд 137. – Воп. 1. – Спр. 1. Постановления Минской губернской продовольственной комиссии 1915 г.
3. НГАБ. – Фонд 137. – Воп. 1. – Спр. 3. Протоколы заседаний Минской губернской продовольственной комиссии.
4. НГАБ. – Фонд 137. – Воп. 1. – Спр. 8. Переписка Минской губернской продовольственной комиссии с Бобруйской уездной земской управой о снабжении продовольствием населения Бобруйского уезда.
5. НГАБ. – Фонд 137. – Воп. 1. – Спр. 2. Постановления Минской губернской продовольственной комиссии 1915 г. – 1916 г.
6. НГАБ. – Фонд 137. – Воп. 1. – Спр. 7. Переписка Минской губернской продовольственной комиссии с Минским губернским объединённым военно-промышленным комитетом по вопросам снабжения армии продовольствием и фуражом.
7. НГАБ. – Фонд 137. – Воп. 1. – Спр. 11. Постановления Минской губернской продовольственной комиссии 1916 г.

Паступіў 25.06.2012

ACTIVITIES OF MINSK PROVINCE FOOD COMMISSION DURING THE FIRST WORLD WAR

V. KHADANIONAK

The article reviews the activity of the Minsk Province Food Commission in 1915 – 1917. On the basis of widely used archival sources, its role in provision of the population with food, fodder, essential goods on German-occupied territory of Belarus is examined. Difficulties which the commission faced in the struggle with speculation and high prices are shown. It is concluded that despite the lack of adequate funding, a weak link with the local (county) offices, railway congestion and the lack of the required number of transport, the effect of laws limiting the importation and exportation of certain categories of food, Minsk Province Food Commission provided substantial assistance to people in the fight with hunger and profiteering during World War I.

УДК 947.6(476)(=432.1)«192»

**НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНАЕ РАЗВІЦЦЁ ТАТАРСКІХ АБШЧЫН
НА ТЭРЫТОРЫІ БССР У 20 – 30 ГАДЫ ХХ СТАГОДДЗЯ****С.У. ГРЫБАВА***(Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт)*

Разглядаецца нацыянальна-культурнае развіццё татарскага насельніцтва БССР у 20 – 30-я гады ХХ стагоддзя, якое адбывалася пад уплывам палітыкі савецкай дзяржавы ў дачыненні да нацыянальных меншасцей на яе тэрыторыі. Аўтар прыводзіць дадзеныя аб спробах нацыянальнага будаўніцтва ўлад у 1920-я гады (стварэнне татарскай хаты-чытальні, нацыянальнага школьніцтва, татарскіх нацыянальных кааператываў), але адзначае іх навархоўнасць, палавінчатасць і пераход у 1930-я гады да сапраўднага вынішчэння праяў нацыянальнай актыўнасці ў культурным, рэлігійным, грамадска-палітычным жыцці, што суправаджалася неабгрунтаванымі абвінавачваннямі і рэпрэсіямі. Асноўнай задачай нацыянальнай палітыкі з’яўлялася саветызацыя нацменшасцей, у тым ліку і беларускіх татар, фарміраванне атэістычных поглядаў, камуністычных ідэалаў. Паказана, што жыццё татарскага насельніцтва ў складзе БССР знаходзілася пад уплывам тых ідэалагічных працэсаў, сацыяльна-эканамічных і грамадска-палітычных пераўтварэнняў, якія мелі месца ў рэспубліцы.

Уводзіны. Татарская супольнасць Беларусі ў выніку гістарычных працэсаў (на падставе Рыжскага мірнага дагавора ад 18 сакавіка 1921 года і Акта ўз’яднання Віленскага краю з Рэспублікай Польшча, які прыняў Устаноўчы сход у Варшаве 22 сакавіка 1922 года) знаходзілася ў складзе розных дзяржаў: II Рэчы Паспалітай і БССР. У дадзеным артыкуле мы спынімся на становішчы татарскіх абшчын у БССР у міжваенны перыяд, разгледзім дынаміку іх развіцця, якая ў значнай ступені вызначалася палітыкай савецкай дзяржавы ў дачыненні да нацыянальных меншасцей на яе тэрыторыі.

Канфесійная прыналежнасць, а менавіта веравызнанне ісламу, з’яўляецца для татараў Беларусі галоўным фактарам, які спрыяў захаванню іх нацыянальнай самасвядомасці, этнічнага самавызначэння ў іншарэлігійным і іншаэтнічным асяроддзі. Беларускія татары, адасобленыя на працягу стагоддзяў ад ісламскага свету, зберагалі сваю веру, традыцыі і культуру. Таму, безумоўна, нацыянальная і рэлігійная палітыка дзяржаў, у якіх татары апынуліся, была для іх надзвычай важнай.

Асноўная частка. Становішча татарскай нацыянальнай меншасці на тэрыторыі БССР было дастаткова складаным і супярэчлівым. Трэба адзначыць, што паводле перапісу 1939 года колькасць татарскага насельніцтва ў БССР на 17 студзеня 1939 года складала 3731 чалавек, з іх гарадскога насельніцтва – 2405 чалавек, сельскага – 1326 чалавек. Гістарычна склалася так, што рэгіянальная лакалізацыя татараў была абмежавана тэрыторыяй Мінскай вобласці [1, с. 70 – 71]. Тут паселішчы (абшчыны) татараў у асноўным былі сканцэнтраваны ў г. Мінску, Капылі, у м. Смілавічы і ва Уздзе, дзе пэўны час дзейнічалі мячэці [2, с. 245].

У межах працэсу беларусізацыі ўладамі БССР у 20-я гады рабіліся спробы нацыянальнага будаўніцтва ў дачыненні да нацыянальных меншасцей краіны. Гэта палітыка, як вядома, праводзілася ў адпаведных кірунках (кадравая палітыка, ажыўленне дзейнасці Саветаў, у тым ліку нацыянальных, дасягненне раўнапраўя рэгіянальных моў, стварэнне нацыянальных школ і культурных устаноў, арганізацыя нацыянальных кааператываўных гаспадарак і інш.), некаторыя з якіх у канцы 20-х гадоў закранулі і беларускіх татараў.

Каб далучыць насельніцтва да ўдзелу ў камуністычным будаўніцтве, улады БССР лічылі неабходным правесці іх ідэйна-палітычную падрыхтоўку, у тым ліку і шляхам культурна-асветніцкай дзейнасці. Цэнтрамі такой падрыхтоўчай працы ў гарадах і вёсках былі нацыянальныя клубы ці хаты-чытальні.

Вясной 1928 года ў Татарскай слабадзе г. Мінска, якая размяшчалася ў раёне сучасных вуліц Астроўскага, Вызвалення, Дзмітрава, а таксама на месцы, дзе сёння размешчаны Дом кнігі і гасцініца “Юбілейная”, была адчынена татарская хата-чытальня [3, с. 143]. Дарэчы, тэрыторыя паміж Татарскай слабадой і Свіслаччу называлася Татарскімі агародамі – месца кампактнага пражывання татараў у горадзе. Пры чытальні працавалі палітычны гурток і гурток па вывучэнні татарскай мовы (наведвалі каля 60 чалавек). Планавалася арганізаваць гурток «Бязбожнік» і лікбез. Выходзіла газета «Татарскае слова», дзе публікаваліся матэрыялы аб жыцці і быце татарскага насельніцтва і рабоце хаты-чытальні. Выпісваліся газеты на татарскай мове. Папаўнялася хата-чытальня кніжкамі на нацыянальнай мове [4, л. 8].

Але 8 снежня 1928 года Мінская акруговая нацыянальная камісія, заслухаўшы справаздачу аб рабоце татарскай хаты-чытальні, адзначыла «слабы тэмп разгортвання палітыка-масавай работы сярод татарскага і ваколічнага насельніцтва іншых нацыянальнасцей, у прыватнасці, зусім не праведзена работа ў напрамку асвятлення пытанняў нацыянальнай палітыкі і інтэрнацыянальнага выхавання», вы-

явіла «нацыянальна-шавіністычныя настроі класава чужых элементаў у савецка хаты-чытальні», у сувязі з гэтым планаваліся перавыбары членаў савета. Камісія таксама ўказала, што «мэта хаты-чытальні абслугоўваць разам з татарскім працоўным насельніцтвам і акраінае жыхарства іншых нацыянальнасцей таго ж раёна, узяць напрамак на асвятленне палітыкі партыі і Савецкай улады ў нацыянальным пытанні, інтэрнацыянальнае выхаванне мас, папоўніць хату-чытальню літаратурай на іншых нацыянальных мовах, у прыватнасці, на яўрэйскай і польскай» [5, л. 2 – 3]. Так, 12 снежня 1928 года дацэнтам В.А. Сербентам была прачытана лекцыя «Імперыялізм і рэвалюцыйны рух на Усходзе». Планавалася арганізацыя перыядычных лекцый. Хата-чытальня павінна была ў сваёй працы ісці па лініі барацьбы з непісьменнасцю і рэлігіяй. Перад ёй была пастаўлена задача – вызваленне татарскага насельніцтва з-пад уплыву мячэці [4, л. 8]. У канцы 1929 года татарская хата-чытальня была пераўтворана ў раённую, г. зн. была пазбаўлена нацыянальнага статусу. Не былі таксама рэалізаваны задумкі Белдзяржмузея па стварэнні экспазіцыі, прысвечанай гісторыі і культуры татараў Беларусі [6, с. 225].

Адным з кірункаў палітыкі савецкіх улад у дачыненні да нацыянальных меншасцей краіны было стварэнне іх нацыянальнага школьніцтва, якое выканала найбольшую працу па пераадоленні непісьменнасці ў сваім асяроддзі. Гэта стала магчымым у сувязі з дастаткова высокім працэнтам пісьменных сярод нацыянальных меншасцей у сярэдзіне 20-х гадоў XX стагоддзя. Дарэчы, з ліку гарадскога татарскага насельніцтва пісьменных было 60 % (з іх мужчын – 71 %, жанчын – 40 %), сельскага – 52 % (з іх мужчын – 65 %, жанчын – 30 %). Усяго 60 % ад агульнай колькасці татарскага насельніцтва краіны па даных на 1926 год складалі пісьменныя [7, с. 133]. Але татары ў Савецкай Беларусі не мелі магчымасці рэалізаваць свае запатрабаванні. У жніўні 1927 года ўздзенскія татары правялі сход, на якім звярнуліся да ўлад з просьбай адкрыць нацыянальную татарскую школу. Але дадзеная просьба нават не была разгледжана [7, с. 67]. Спрэчным з’яўляецца пытанне стварэння нацыянальнай татарскай школы ў Мінску. Прамых сведчанняў існавання такой установы народнай асветы на татарскай мове даследчыкамі не выяўлена, але ёсць звесткі аб тым, што ў беларускай польскамоўнай газеце «ОРКА» за 21 студзеня 1928 года змешчаны фотаздымак з надпісам «Дзеці ў татарскай школе». У гэты час у БССР былі зроблены спробы арганізаваць першасныя структуры (пачатковыя класы, групы ліквідацыі непісьменнасці) такой школы. Але татарскія яны маглі быць толькі ў сэнсе камплектавання [8, с. 32]. Вядома, што пасля 1917 года татарам у Мінску была перададзена сямігадовая школа № 26 па вул. Вызвалення, якая мела афіцыйную назву «Татарская». Але падчас германскай акупацыі яна была ў іх адабрана. Аб неабходнасці вяртання яе мінскім татарам пісаў у лісце да нацкамісіі ЦВК БССР адзін з лідэраў беларускіх татараў Ях’я Хасанавіч Гембіцкі.

«Можна адзначыць, што савецкая ўлада надавала дастаткова важнае значэнне павышэнню культурнага ўзроўню насельніцтва. Аднак змест, формы і накіраванасць дадзенай працы з самага пачатку браліся пад жорсткі кантроль. Прычым улада не ставіла мэтай адраджэнне ці замацаванне традыцыйных укладаў нацменшасцей, асноўнай задачай нацыянальнай палітыкі з’яўлялася іх саветызацыя» [7, с. 28].

У выніку згортвання палітыкі беларусізацыі і заняпаду нацыянальна-культурнага будаўніцтва да сярэдзіны 30-х гадоў адзінай формай нацыянальнага будаўніцтва сярод татараў БССР заставалася нацыянальна-гаспадарчае. Нацыянальныя татарскія кааператывы былі створаны ў Мінску («Чырвоны агароднік») і Смiлавiчах («Чырвоны Профiнтэрн»). Яны грунтаваліся на базе традыцыйных заняткаў татараў агародніцтвам [3, с. 144]. Палітыка землеўпарадкавання, звязаная з перасяленнем татараў у іншыя раёны СССР (на поўдзень Украіны і Крым), якую праводзілі ўлады, павінна была вырашыць праблему малазямелля. Аднак у выніку эканамічная палітыка савецкай улады значна пагоршыла дабрабыт і асновы гаспадарчай дзейнасці беларускіх татараў. Значную ролю ў гэтым адыграла прымусовая калектывізацыя, якая стала трагедыяй для ўсіх татараў-агароднікаў. Дарэчы, у 1945 годзе татары з заходняга раёнаў Беларусі амаль што цэлымі абшчынамі пераязджалі ў Польшчу ў якасці рэпатрыянтаў. Па некаторых звестках, выехала каля 2 тысяч татараў [9, с. 70].

Што датычыцца рэлігійнай палітыкі савецкай улады, то яна была накіравана супраць існавання розных канфесій, у тым ліку і мусульманскай. Антырэлігійная прапаганда на «сталінскай мове» азначала знішчэнне мячэцей і мулаў. У 1936 годзе мячэць у Мінску была зачынена і перададзена пад склад харчовых тавараў. Годам раней былі знішчаны мячэці ў Смiлавiчах і Капылі, спалена мячэць ва Уздзе. Быў «раскулачаны» і высланы на поўнач са сваёй шматлікай сям’ёй і загінуў у выгнанні апошні мула Уздзенскай мячэці Мухамед Александровіч (у 1930 годзе), расстраляны ў Чэрвеньскай турме мула Смiлавiцкай мячэці Мустафа Хасяневіч, мязім (ці муэдзін, памочнік мулы) Адам Хасяневіч і былы мула гэтай мячэці Асан Паўтаржыцкі (у 1937 годзе). Неабгрунтаваныя рэпрэсіі былі значнай часткай тагачаснай палітычнай дзейнасці партыйна-дзяржаўных органаў Беларусі. Яны былі накіраваны не толькі супраць рэлігійных дзеячаў.

Згодна з дакладам намесніка паўнамоцнага прадстаўніка АДПУ па Заходняму краі І. Апанскага, ва ўмовах нэпа ўзрасталі актыўнае нацыянальнай інтэлігенцыі, прадстаўнікоў нацыянальных груп, дзейнасць якіх негатыўна ўспрымалася ўладамі [7, с. 83]. Так, падчас фарсіраваных сацыяльных пераўтварэнняў у 30-я гады шырока праводзілася барацьба супраць так званага нацыянальнага адзінства, якая закранула разам з іншымі нацыянальнасцямі і татараў. Дарэчы, першым прадстаўніком цюркска-мусульманскіх

народаў, абвінавчаным у нацыяналізме, панцюркізме і панісламізме, быў вядомы татарскі дзеяч Султан-Галіеў. Яму таксама прыпісвалася стварэнне і кіраўніцтва падпольнай антысавецкай арганізацыяй у рэгіёне Ідэль-Урала. «Справа Султан-Галіева» была сфабрыкавана органамі ДПУ ў 1923 годзе.

Закранулі пазначаныя працэсы і беларускіх татарараў. Паводле дадзеных старшыні Камітэта па архівах і справаходству Рэспублікі Беларусь У. Адамушкі, атрыманых аўтарам на падставе апрацоўкі 40 300 картак персанальнага ўліку на жыхароў Мінска, Мінскай і Віцебскай абласцей, якія былі рэпрэсіраваныя судовымі і несудовымі органамі ў 20 – 50-я гады і рэабілітаваныя ў 1955 – 1994 гадах, 49 чалавек былі татарамі (0,12 % ад усёй колькасці рэпрэсіраваных). Але У. Адамушка паведамляе, што вывучаныя ім 40 300 людскіх лёсаў складаюць толькі 6,5 % ад ацэнчанай лічбы ўсіх ахвяр рэпрэсіі 20 – 50-х гадоў у Беларусі.

Найбольшая хваля рэпрэсіі прыйшла на 1936 – 1938 гады. Аднак і пазней ніхто не мог быць застрахаваны ад абвінавчанняў і іх наступстваў. Асабліва гэта датычылася насельніцтва тых рэгіёнаў, што былі ўключаны ў склад СССР у 1939 – 1940 гады: Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны, Прыбалтыкі, Бесарабіі і Паўночнай Букавіны. Не маглі не закрануць гэтыя працэсы і татарскае насельніцтва, якое пражывала на далучаных да БССР землях. У 1940 годзе быў арыштаваны адзін з самых уплывовых і вядомых татарскіх дзеячаў Альгерд Найман-Мірза Крычынскі. Не пазбегнуў рэпрэсіі і ўраджэнец Ляхавіч імам Варшаўскай гміны, капелян 1-га татарскага эскадрона 13-га палка віленскіх уланаў Алі Варановіч. Былі рэпрэсаваны цэлымі сем'ямі ваенныя і грамадскія дзеячы з ліку слоніmsкіх татарараў: маёр Давід Яновіч-Чайнскі і палкоўнік Мацей Байрашэўскі.

Увогуле ў выніку здзейсненага намі пошуку на падставе дадзеных Цэнтра «Карта» ў Варшаве, які займаецца зборам інфармацыі аб рэпрэсаваных савецкімі ўладамі польскіх грамадзянах, налічваецца каля 35 чалавек з ліку татарскага насельніцтва з заходніх рэгіёнаў Беларусі, дэпартаваных і арыштаваных у 1939 – 1941 гадах [10]. Акрамя таго, улічваючы дадзеныя, якімі мы валодаем яшчэ аб 15 чалавках, агульная лічба рэпрэсаваных татарараў складае каля 1 % ад татарскай дыяспары Заходняй Беларусі і каля 0,03 % ад усіх рэпрэсаваных (каля 160 тысяч чалавек) з заходніх абласцей Беларусі за вызначаны перыяд [11, с. 215; 12, с. 271; 13].

Калі весці размову аб выніках далучэння заходнебеларускіх зямель да БССР у дачыненні да рэлігійна-культурнага жыцця татарскага насельніцтва, то трэба адзначыць, што з 1939 года да пачатку Вялікай Айчыннай вайны савецкія ўлады не паспелі дасягнуць поспехаў у распаўсюджванні атэістычных поглядаў сярод татарскага насельніцтва дадзенага рэгіёна: працягвалі дзейнічаць мячэці, і час ад часу праводзіліся заняткі па мусульманскай рэлігіі ў годжыя.

Высновы. Жыццё татарскага насельніцтва ў складзе БССР знаходзілася пад уплывам тых ідэалагічных працэсаў, сацыяльна-эканамічных і грамадска-палітычных пераўтварэнняў, якія мелі месца ў рэспубліцы. Татарская супольнасць развівалася пад уплывам працэсаў саветызацыі, што, дарэчы, у значнай ступені прадвызначыла матывацыю іх антыфашысцкай дзейнасці падчас Вялікай Айчыннай вайны.

Калі прааналізаваць прычыны непрацяглага існавання форм нацыянальнага будаўніцтва сярод татарараў БССР у гэтыя гады, то можна сцвярджаць, што яны былі своеасаблівымі прыладамі для разбурэння жыццёвага ўкладу татарскага насельніцтва Беларусі і асяродкаў захавання этнаканфесійнай самабытнасці гэтага народа. Нацыянальныя адметнасці супярэчылі палітыцы ўлад. Замацаванне і ўдасканаленне нацыянальных праяў не толькі ў культуры, а таксама і ў грамадска-палітычным жыцці прыводзілі да развіцця нацый, што супярэчыла накіраванасці кампартыі да стварэння новай адзінай супольнасці людзей. Таму развіццё нацыянальных культур у БССР прайшло шлях ад пэўнай ляяльнасці да нацыянальнага ў 20-я гады да варожасці да яго з боку кіраўнікоў дзяржавы ў 30-я гады ХХ стагоддзя, калі вынішчаліся многія праявы нацыянальнай актыўнасці ў культурным і грамадска-палітычным жыцці.

Несбалансаванасць канфесійнай палітыкі савецкай дзяржавы стала для татарскай меншасці асабліва адчувальнай, так як веравызнанне ісламу з'яўляецца для татарараў вельмі каштоўным кансалідацыйным фактарам, які яны імкнуліся зберагчы на працягу стагоддзяў. Аднак трэба адзначыць, што пры ўсіх пазначаных акалічнасцях татары ўсё ж канчаткова не страцілі свае нацыянальныя і канфесійныя адметнасці. Гэта стала магчымым у выніку трывалых каранёў іх этнічнай самабытнасці, нягледзячы на пэўную акультурацыю з мясцовым беларускім насельніцтвам.

ЛІТАРАТУРА

1. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги; под ред. Ю.А. Полякова. – М.: Наука, 1992. – 256 с.
2. Лакотка, А. Мячэці Беларусі / А. Лакотка // Татары-мусульмане на землях Беларусі, Літвы і Польшчы: матэрыялы першай міжнар. навук.-практ. канф., прысв. да 600-годдзя татарскага асідніцтва на землях Беларуска-Літоўскай дзяржавы, распачатага пры Вітаўце Вялікім, Мінск, 26 – 27 сак. 1993 г.: у 3 ч.; Беларус. дзярж. пед. ун-т; рэдкал.: І. Александровіч [і інш.]. – Мінск, 1995. – Ч. 2. – С. 236 – 246.

3. Карашчанка, І. Нацыянальнае будаўніцтва сярод татараў БССР у 1920 – 1930 гады / І. Карашчанка // Татары-мусульмане на землях Беларусі, Літвы і Польшчы: матэрыялы першай міжнар. навук.-практ. канф., прысв. да 600-годдзя татарскага асідніцтва на землях Беларуска-Літоўскай дзяржавы, распачатага пры Вітаўце Вялікім, Мінск, 26 – 27 сак. 1993 г.: у 3 ч. / Беларус. дзярж. пед. ун-т; рэдкал.: І. Александровіч [і інш.]. – Мінск, 1994. – Ч.1. – С. 142 – 145.
4. Вырезки из газет по вопросам белоруссизации, борьбы с шовинизмом и антисемитизмом (5 января 1929 г. – 2 января 1930 г.) // Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей – НАРБ). – Фонд 701. – Воп. 1. – Спр. 97.
5. Протоколы заседаний и планы окружных национальных комиссий БССР (8 декабря 1929 г. – 27 декабря 1930 г.) // НАРБ. – Фонд 701. – Воп. 1. – Спр. 94.
6. Канапацкі, І.Б. Ях'я Гембіцкі – лідэр адраджэння беларускіх татараў (да 120-й гадавіны з дня нараджэння) / І.Б. Канапацкі // Białoruskie zeszyty historyczne. – 2005. – № 23. – С. 213 – 230.
7. Пушкін, І.А. Нацыянальныя меншасці БССР у грамадска-палітычным і культурным жыцці. 20-я гады ХХ ст.: дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / І.А. Пушкін. – Мінск, 2002. – 117 л.
8. Канапацкі, І.Б. Адукацыя татараў на Беларусі ў 1920 – 1930 гг. / І.Б. Канапацкі // Нацыянальная адукацыя. Нацыянальная адукацыя і полікультурная парадыгма: тэат. зб. навук. прац; Міжнар. акад. вывучэння нац. меншасцей; навук. рэд. С.А. Яцкевіч. – Брэст, 1996. – Кн. 7. – С. 30 – 32.
9. Александрович, Х.М. Вторая мировая война и ассимиляция белорусско-польских татар (к 60-летию окончания войны) / Х.М. Александрович // Народы СССР в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.: материалы XI междунар. науч.-практ. конф., Минск, 30 – 31 мая 2005 г. / Беларус. гос. пед. ун-т; рэдкал.: І.Б. Канапацкі [і др.]. – Мінск, 2006. – С. 60 – 71.
10. Baza elektroniczna Fundacji Osrodka KARTA, Indeks Represjonowanych, Warszawa.
11. Канфесіі на Беларусі / В.В. Грыгор'ева [і інш.]; навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск: ВП «Экаперспектыва», 1998. – 340 с.
12. Ruchniewicz, M. Stosunki narodowosciowe w latach 1939 – 1948 na obszarze tzw. Zachodniej Białorusi / M. Ruchniewicz // Przemiany narodowosciowe na kresach wschodnich II Rzeczypospolitej: zb. artyk.; pod red. S. Ciesielskiego. – Torun: wydawnictwo Adam Marszałek, 2003. – S. 242 – 322.
13. Асабісты архіў сучаснага імама Слонімскай абшчыны С.М. Байрашэўскага.

Паступіў 05.10.2012

NATIONAL AND CULTURAL DEVELOPMENT OF TATAR COMMUNITY ON THE TERRITORY OF BSSR IN 20 – 30-S OF THE 20TH CENTURY

S. GRIBOVA

The article is devoted to national and cultural development of Tatar population in BSSR in 20 – 30-s of the 20th century under influence of soviet policies concerning national minorities. The author provides information about the efforts of the authorities to promote nationalization in 1920-s through establishing of Tatar library, opening national schools, as well as creating Tatar national cooperatives. However, these means were rather insufficient and in the 1930-s manifestations of national ideas at all levels (cultural, religious, social and political) were banned. That all led to groundless charges and repressions. The main goal of the national policy was to “sovietize” the minority, to form atheistic attitude and promote communistic ideals. Obviously, the Tatar community was exposed to this policy as well. Thus, the living of Tatar population as a part of BSSR was affected by those ideological processes as well as social, economical and political changes that took place in the republic as a whole.

УДК 655.11(476)

КНИГАВЫДАВЕЦКАЯ ПРАДУКЦЫЯ БССР У СЯРЭДЗІНЕ 1920-Х ГАДОЎ

канд. гіст. навук, дац. А.В. СУМКО
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)

Разглядаецца перыяд (1920-я гады), які, нягледзячы на пэўныя эканамічныя цяжкасці і супярэчнасці палітычнага жыцця, быў найбольш спрыяльным у БССР для беларускай кнігавыдавецкай справы. Ва ўмовах пераходу ад адной палітычнай сістэмы да другой вельмі важным для ўлады было тое, каб насельніцтва разумела, прымала і ўдзельнічала ў тагачасных эканамічных, культурных і іншых пераўтварэннях. Аднак змест і тэматыка кніжнай прадукцыі вызначаліся не толькі інтарэсамі дзяржавы, але і патрэбамі грамадства. Ажыўленне грамадскага і культурнага жыцця моцна паўплывала на літаратурныя працэсы, што адбілася на рэдакцыйна-выдавецкіх планах. Даследуецца жанравая і моўная разнастайнасць кнігадрукаванай прадукцыі ў БССР у сярэдзіне 1920-х гадоў.

Уводзіны. Няўстойлівы і хаатычны характар кнігавыдавецкай дзейнасці ў межах БССР на першапачатковым этапе прадвызначала складанасць унутры- і знешнепалітычнага жыцця, недахоп тэхнічных рэсурсаў. У 1921 годзе вырашэнне ўсіх праблем, звязаных з кнігазабеспячэннем, было ўскладзена на Беларускай аддзел Дзяржаўнага выдавецтва РСФСР у Мінску. Ён павінен быў выпускаць прадукцыю на беларускай, рускай, польскай, яўрэйскай мовах [1, л. 27]. Выданне кніг і брашур ажыццяўлялася па загазах ЦБ КП(б)Б, Наркаматаў, ведамстваў рэспублікі і Дзяржвыдавецтва РСФСР. Значную частку прадукцыі Беларускага аддзела складала літаратура, якая расказвала аб задачах савецкай улады, прапагандавала ідэю інтэрнацыянальнага аб'яднання ўсіх народаў і раскрывала сутнасць тагачасных пераўтварэнняў. Выпускі прамовы правадыроў рэвалюцыі, лістоўкі, літаратуру для арміі, плакаты, антырэлігійную літаратуру. На пасяджэннях выканкама Мінскага Савета рабочых і чырвонаармейскіх дэпутатаў таксама выносіліся прапановы аб прыярытэтных на той час выданнях, сярод якіх пэўную долю складала этнаграфічная літаратура такіх аўтараў, як А. Кіркор, Н. Нікіфароўскі, Е. Раманаў, А. Сержпутоўскі, а таксама творы па гісторыі Беларусі М. Доўнар-Запольскага, М. Любаўскага [2, л. 28]. Аднак такія прапановы часцей заставаліся на паперы.

Ва ўмовах ажыццяўлення нацыянальнай дзяржаўнай палітыкі галоўнай задачай у кнігавыдавецкай сферы БССР стала выданне падручнікаў, дзіцячай, навукова-папулярнай і палітычнай літаратуры на беларускай мове. Аднак цяжкія матэрыяльныя ўмовы, загружанасць мясцовых друкарняў выпускам газет і заказамі Дзяржаўнага выдавецтва РСФСР, адсутнасць неабходнай колькасці арыгінальнай беларускамоўнай літаратуры мастацкага, навуковага, педагагічнага характару не дазвалялі вырашыць гэтую задачу ў хуткім часе. Уводзілася практыка заключэння дагавораў на падрыхтоўку адпаведных рукапісаў з тагачаснымі пісьменнікамі і навукоўцамі. Так, ЦВК БССР даручыў З. Жылуновічу весці перамовы з Я. Купалам наконт прадстаўлення Беларускаму аддзелу Дзяржаўнага выдавецтва РСФСР у Мінску яго выбраных твораў на беларускай мове і напісання да іх прадмовы [3, л. 1]. Гэтыя кнігі павінны былі быць надрукаваны на якаснай паперы, у мастацкай вокладцы і тыражом 10 тысяч экзэмпляраў.

Асноўная частка. Па меры ажыццяўлення новай эканамічнай палітыкі назіралася вяртанне да прыватных форм арганізацыі выдавецкіх прадпрыемстваў і пошук новых. Гэта прывяло да кароткатэрміновага суіснавання трох разнавіднасцей – дзяржаўнай, прыватнай і кааператыўнай, што ў сваю чаргу азначала з'яўленне выдавецтваў, якія былі арыентаваны на задавальненне інтарэсаў розных груп насельніцтва. Аформіліся ідэалагічна арыентаваная мадэль кнігавыдавецкай палітыкі (камуністычная ідэалогія – адзіная магчымая база для канструявання новых сацыялістычных адносін, бюджэтнае фінансаванне, моцны кантроль), якая была прадстаўлена Белтрэстдрукам і нацыянальна арыентаваная (асноўныя прынцыпы: захаванне, адраджэнне, развіццё беларускай культуры), якая ў першую чаргу ўвасобілася ў дзейнасці кааператыўнага выдавецтва “Савецкая Беларусь”. За 1922 год гэта выдавецтва выдала 15 кніг на беларускай мове агульным тыражом 111 750 экзэмпляраў [4, л. 102]. Выдадзеная прадукцыя была разнапланавай. Можна выдзеліць блокі падручнікаў, навуковай літаратуры, агульнапрапагандысцкіх матэрыялаў, а таксама мастацкай літаратуры, якая была прадстаўлена аўтарамі: Я. Купала, М. Чарот, З. Бядуля. Сярод падручнікаў для школ пераважалі арыгінальныя, а не пераклады. Выдавецтва выпусціла: “Нарысы па гісторыі беларускай літаратуры”; падручнікі: “Практычная граматыка” Я. Лёсіка; “Роднае слова” С. Некрашэвіча; зборнік арыфметычных задач Т. Лукашэвіча і С. Валасковіча; брашуры пра гутарку з сялянскай моладзю, кармавыя расліны [5, с. 304; 6, с. 62].

Найбольш значным праяўленнем у культурным і грамадска-палітычным жыцці БССР у гады нэпастаў працэс беларусізацыі, які станоўча адбіўся на далейшым развіцці кнігавыдавецкай справы. Забеспячэнне насельніцтва літаратурай на беларускай мове для ажыццяўлення нацыянальнай палітыкі было

ўскладзена на Беларускае дзяржаўнае выдавецтва, якое ўзнікла ў выніку зліцця “Савецкай Беларусі” і Белтрэстдруку. Яно стала буйнейшай выдавецкай установай БССР – цэнтрам, які аб’яднаў выдавецкую, паліграфічную і камерцыйную дзейнасць. Загадчыкам камерцыйнага сектара быў прызначаны Л. Стронгін, выдавецкі сектар узначаліў І. Цвікевіч. Кіраўніком Беларускага дзяржаўнага выдавецтва стаў З. Жылуновіч, які адначасова з’яўляўся членам калегіі Наркамата асветы БССР.

Згодна з планам Беларускае дзяржаўнае выдавецтва павінна было выпускаць літаратуру ў адпаведнасці з нацыянальнымі патрэбамі ў наступных працэнтных адносінах: беларускай – 68 %; яўрэйскай – 15; рускай – 10; польскай – 5; латышскай і літоўскай – 2 [7, л. 41]. Дзеля гэтага ў межах асноўнага выдавецтва рэспублікі былі створаны нацыянальныя аддзелы, якія адказвалі за выпуск літаратуры на мовах нацыянальных меншасцей БССР. Так, у Мінску пад кантролем мясцовага польбюро з 1922 па 1928 год дзейнічала кніжнае таварыства “Kultura”, якое займалася друкаванай прадукцыяй на польскай мове [8, с. 206]. Аднак фактычнае выкананне плана за 1924/25 гады дало іншыя лічбы: літаратура на беларускай мове складала 80,2 % ад агульнай колькасці. Гэта было абумоўлена дэфіцытам рукапісаў на польскай і латышскай мовах. Апошнія амаль не паступалі ў выдавецтва. У наступныя гады колькасць назваў і тыраж павялічыўся прыкладна ў два разы, але гэтага было недастаткова, каб забяспечыць патрэбнасці насельніцтва. Існавала і праблема якасці твораў. Не хапала кваліфікаваных спецыялістаў, асабліва, што датычыла перакладаў, у тым ліку і на беларускую мову, таму мелі месца выданні, якія дыскрэдытавалі мову і саму ідэю беларусізацыі.

Рэдакцыйна-выдавецкія планы па выпуску літаратуры на мовах нацыянальных меншасцей БССР не вызначаліся разнастайнасцю. Кнігі па сельскай гаспадарцы, кааперацыі і палітыцы пераважалі над кнігамі па ваеннай, юрыдычнай тэматыцы, прыродазнаўчым навукам і белетрыстыцы. Асабліва складанай сітуацыя была з новымі савецкімі падручнікамі на польскай мове, бо старыя былі канфіскаваны, так як не адпавядалі класавым устаноўкам новай улады. Па прычыне невялікіх тыражоў яны былі ў 2 – 3 разы даражэй за такія ж кнігі на рускай і беларускай мовах і таму мала даступныя для простага насельніцтва. Асабліва адчуваўся недахоп у вясковых школах, дзе не хапала кніг для чытання, па арыфметыцы, краязнаўстве і грамадазнаўстве. Праблема забеспячэння падручнікамі на польскай мове засталася нявырашанай.

З 1924 па 1927 год Белдзяржвыдавцтвам было выдадзена кніг агульным тыражом 3 673 000 экзэмпляраў, з якіх пераважную большасць складала беларускамоўная літаратура (табліца).

Выдавецкая дзейнасць Белдзяржвыдавцтва за 1924 – 1927 гады

Мова	1924/25	1925/26	1926/27
<i>Беларуская</i>			
Колькасць назваў	118	119	127
Колькасць друкаваных аркушаў	687	885	1095
Тыраж кніг (тыс. экз.)	1431	1052	804
<i>Яўрэйская</i>			
Колькасць назваў	14	14	23
Колькасць друкаваных аркушаў	75	83	127
Тыраж кніг (тыс. экз.)	63	47	65
<i>Руская</i>			
Колькасць назваў	14	7	8
Колькасць друкаваных аркушаў	96	68	24
Тыраж кніг (тыс. экз.)	72	27	12
<i>Польская</i>			
Колькасць назваў	4	10	10
Колькасць друкаваных аркушаў	6	49	57
Тыраж кніг (тыс. экз.)	17	42	41
<i>Разам на ўсіх мовах</i>			
Колькасць назваў	150	150	168
Колькасць друкаваных аркушаў	864	1085	1303
Тыраж кніг (тыс. экз.)	1583	1168	922

Табліца складзена паводле даных: Кнігаспіс за 5 год (1924 – 1929). – Мінск: БДВ, 1929. – С. X – XIII.

Рэдакцыйна-выдавецкія планы распрацоўваліся выдавецкім аддзелам Беларускага дзяржаўнага выдавецтва і асобнымі камісіямі: па мастацкай літаратуры – камісіяй, у склад якой уваходзілі З. Жылуновіч і

М. Зарэцкі, Я. Купала і М. Грамыка; па падручніках – метадалагічнай камісіяй пры Наркамасветы БССР (адказнасць была ўскладзена на А. Баліцкага); па камсамольскай, піянерскай, дзіцячай – аддзелам друку ЦК КП(б)Б і ЦК ЛКСМБ; па ленінскай і партыйнай – аддзелам друку ЦК КП(б)Б; па масавай сялянскай – спецыяльнай камісіяй, куды ўваходзілі З. Прышчэпаў, П. Вілянстовіч, Р. Шукевіч-Трацякоў і інш. Рэдакцыйна-выдавецкія планы Беларускага дзяржаўнага выдавецтва з моманту ўтварэння складаліся толькі на адзін год. У якасці асноўнага паказчыка для састаўлення новага плана быў вопыт мінулага года. Ва ўмовах цяжкага фінансавага стану выдавецтва праводзіла палітыку павелічэння колькасці назваў за кошт скарачэння тыражу. Гэта, з аднаго боку, было гарантыяй ад затаварвання, але, з другога боку, не дазваляла забяспечыць у неабходнай ступені патрэбы рэспублікі ў друкаванай прадукцыі. З 1928 года рэдакцыйна-выдавецкія планы пачалі складацца на пяць гадоў.

Рэдакцыйна-выдавецкія планы па выпуску літаратуры на беларускай мове ў параўнанні з папярэднімі адрозніваліся тэматычнай насычанасцю. Значнае месца займала мастацкая літаратура. У выдавецкім плане на 1926/27 год для яе было адведзена 170 аркушаў (100 для прозы, 40 для паэзіі, 30 – рэзерв), з якіх не менш 85 для “Маладняка”. Паэзія была прадстаўлена творамі А. Александровіча, А. Дзеркача, А. Дудара, У. Жылкі, К. Крапівы, Я. Пушчы, М. Чарота і іншых. Сярод невершаванай літаратуры пераважалі творы такіх аўтараў, як З. Бядуля, Ц. Гартны, М. Гарэцкі, М. Зарэцкі, К. Чорны. Драматычныя творы складаліся з п’ес А. Ляжневіча, В. Сташэўскага і іншых. Асобна выдзяляліся зборы твораў Я. Купалы і Я. Коласа. Па падліках Н.Б. Ватацы, у 1924 годзе было выдадзена 9 назваў мастацкіх твораў беларускіх савецкіх аўтараў, 1925 – 44, 1926 – 54 [9].

З 1924 года, калі беларусізацыя выклікала бум нацыянальных твораў, адбываюцца змены ў працы Галоўнага ўпраўлення па справах літаратуры і выдавецтваў (Галоўлітбел). Межы паміж дазволеным і недазволеным вызначалі стандартныя інструкцыі, якія былі абавязковымі для ўсіх саюзных рэспублік. Аднак у вызначэнні ступені прыдатнасці кніжнай прадукцыі, якая выходзіла на тэрыторыі БССР, Галоўлітбел карыстаўся самастойнасцю. Вызначаючы ступень прыдатнасці той ці іншай кнігі ў залежнасці ад таго, для якой катэгорыі насельніцтва яна прызначалася, Галоўлітбел уплываў на змест рэдакцыйна-выдавецкіх планаў і каардынаваў кнігавыдавецкую справу. У сярэдзіне 1920-х гадоў цэнзурныя абмежаванні былі нязначнымі, як і выпадкі канчатковай забароны да друку. Калегія Галоўлітбела асабліва ўважліва праглядала рэдакцыйна-выдавецкія планы па выпуску літаратуры на беларускай мове. Кнігі, якія выклікалі незадавальненне Галоўлітбела, адпраўляліся на дапрацоўку або на іх накладаліся эканамічныя санкцыі. Напрыклад, на пасяджэнні калегіі Галоўлітбела ад 13 студзеня 1926 года разглядаліся 36 рукапісаў, якія паступілі на прагляд з 22 лістапада па 31 снежня 1925 года. Было вырашана дазволіць да друку ўсе 36 твораў, толькі п’есу Алеся Гаротнага “Перамена” з наступнымі зменамі: з рэплікі Маці выкінуць: “Нашы кажаш прыйдуць! Дурная, расейцы прыйдуць... усё роўна чужыя: толькі што так не здзекуюцца як палякі, ды б’юць палякаў; з рэплікі Бацькі: “...расейцы прыйшлі... нас заваявалі, а ты кажаш беларус будзе вольны...” [10, л. 172].

Вучэбная літаратура складала 40,6 % выдавецкага плана Беларускага дзяржаўнага выдавецтва [11, с. 54]. Былі выдадзены падручнікі па граматыцы беларускай мовы, па гісторыі БССР, гісторыі беларускай літаратуры, геаграфіі, алгебры, фізіцы, геаметрыі, біялогіі, грамадазнаўству і інш. Некалькі перавыданняў вытрымалі “Пачатковая граматыка”, “Беларускі правапіс” і іншыя кнігі Я. Лёсіка, літаратурныя чытанкі І. Пратасевіча і І. Самковіча, “Лемантар” С. Некрашэвіча, “Першыя крокі ў матэматыцы” М. Лойкі, “Пачатковая геаграфія” М. Грамыкі і інш. Гэта дало магчымасць часткова задаволіць патрэбы ў вучэбнай літаратуры. Сітуацыя палепшылася пасля далучэння да гэтага працэсу Віцебскай і Гомельскай паліграфічных баз.

У параўнанні з падручнікамі, вучэбнымі дапаможнікамі, агітацыйнай прапагандысцкай прадукцыяй працэнт дзіцячых і юнацкіх кніг быў нязначны.

Асобны блок у рэдакцыйна-выдавецкіх планах займала палітычная і сялянская масавае літаратура. Ускосна на яго фарміраванне уплывала створанае ў верасні 1925 года акцыянернае таварыства “Кніга – вёсцы”. Асноўнай мэтай дадзенага таварыства быў гандаль у вясковай мясцовасці кніжнай прадукцыяй для сялян, зыходзячы з попыту чытацкіх інтарэсаў, і праз гэта карэктаванне выдавецкай дзейнасці, у прыватнасці вясковай літаратуры. Белдзяржвыдавецтва выпускала спецыяльную серыю “Сялянская бібліятэка”, аснову якой складалі невялікія брашуры інфармацыйна-пазнавальнага характару і літаратура для самых шырокіх слаёў малапісьменных сялян і сялянскай моладзі. Пры адборы аўтараў для “Сялянскай бібліятэкі” перавагу аддавалі выхадцам з сялянскага асяроддзя. Акрамя гэтага, аддзел друку імкнуўся дабіцца, каб Белдзяржвыдавецтва выконвала пастановы ЦК КП(б)Б аб прыцягненні да рэдагавання літаратуры саміх сялян. Што датычыла зместу, то ў першую чаргу выпускалася літаратура, якая папулярна рывавала рашэнні партыйных і савецкіх з’ездаў, асвятляла палітыку партыі ў вёсцы (саюз сялян і рабочых, пытанні рэвалюцыйнай законнасці, падатковая палітыка – кулак, бядняк, серадняк). Да выбару мастацкіх твораў у гэтую серыю падыходзілі вельмі сур’ёзна. Так, напрыклад, Беларускае дзяржаўнае выдавецтва прапанавала ўключыць чагыры кнігі: “Выбраныя апавяданні” М. Чарота і Я. Гушчы, “Выбраныя вершы” Я. Коласа

і Ф. Багушэвіча [10, л. 230]. Аднак калегія Галоўлітбела, улічваючы ў першую чаргу ступень прыдатнасці для сялян, згадзілася толькі на першыя дзве, бо гэта былі папулярна напісаныя нарысы з жыцця рэвалюцыйнай вёскі, якія патэнцыяльна маглі прыцягнуць сімпатыі да Савецкай улады. “Выбраныя вершы” Я. Коласа забракавалі для “Сялянскай бібліятэкі” на падставе таго, што яны былі напісаны ў дарэвалюцыйны перыяд і прасякнуты песімізмам. Што датычыла “Выбраных вершаў” Ф. Багушэвіча, то на пасяджэнні калегіі Галоўлітбела вырашылі, што дадзеная кніга магла быць надрукавана толькі пры ўмове наяўнасці спецыяльнай прадмовы, якая б растлумачыла сялянам мастацка-грамадскую ролю пісьменніка [10, л. 231].

Апрача кніг, выпускаемых Беларускаім дзяржаўным выдавецтвам і выдавецкімі аддзелаў наркамаў, пэўная колькасць літаратурных твораў была выдадзена асобнымі ўстановамі, ведамствамі.

У сярэдзіне 1920-х гадоў адбыўся падзел выдавецтваў, у аснове якога ляжалі жанравыя асаблівасці кніжнай прадукцыі. Беларускае дзяржаўнае выдавецтва выпускала сацыяльна-палітычную, мастацкую, дзіцячую, партыйную і іншую літаратуру. Задачай кніжна-часопіснага выдавецтва пры Інстытуце беларускай культуры (заснавана ў 1924 годзе) быў выпуск навуковай літаратуры, падрыхтаванай ВДУ рэспублікі. У залежнасці ад зместу ўсе яго выданні можна падзяліць на пяць асноўных груп: мова і літаратура, гісторыя і сацыялогія, прырода і гаспадарка, антрапалогія і медыцына, асобныя выданні і часопіс “Наш край”. У апошні раздзел уключалася акадэмічная бібліятэка беларускіх пісьменнікаў, бібліятэка сцэнічных і музычных твораў, матэрыялы па беларускай геаграфіі, даведачныя матэрыялы. Акрамя таго, выпускаліся выданні польскага і яўрэйскага аддзела Інбелкульта і ваеннай камісіі. Падчас праварак з боку партыйных органаў, у першую чаргу аддзела друку ЦК КП(б)Б, выдавецкая дзейнасць Інбелкульта ў першыя гады амаль не выклікала заўваг, акрамя рэкамендацый павялічыць колькасць выданняў па гісторыі рэвалюцыйнага руху ў БССР.

Рэдакцыйна-выдавецкі аддзел ЦСПСБ (створаны 17 ліпеня 1925 года як самастойная юрыдычная адзінка на гаспадарчым разліку) забяспечваў прафарганізацыі неабходнай літаратурай па пытаннях прафсаюзнага руху на рускай, беларускай, яўрэйскай і польскай мовах, а таксама выпускаў часопіс “Прафрух Беларусі”. За час свайго існавання выдавецтва выпусціла 99 500 кніг, у продаж паступіла 77 500 экзэмпляраў, з якіх была прададзена толькі 24 851 кніга [12, л. 50]. Трэба адзначыць, што лепш прадавалася прафлітаратура на яўрэйскай мове, асабліва па пытаннях сацыяльнага страхавання і кааперацыі, таму працэнт апошняй пераважаў у рэдакцыйна-выдавецкіх планах аддзела.

Прадукцыя асноўных выдавецтваў адрознівалася не толькі зместам, але і знешнім выглядам, і якасцю паліграфічнага выканання кніг. Так, Рэдакцыйна-выдавецкі аддзел ЦСПСБ, які імкнуўся выдаваць больш танную ў параўнанні з іншымі выдавецтвамі прадукцыю, выпускаў творы дрэннай паліграфічнай якасці. Беларускае дзяржаўнае выдавецтва спецыялізавалася на масавай літаратуры, таму і знешні выгляд, і якасць паліграфічнага выканання кнігі былі адпаведныя: выразны шрыфт, які добра чытаўся, зразумелы друк, моцная брашуроўка і разам з тым нізкі кошт. Прадукцыя кніжна-часопіснага выдавецтва пры Інбелкульце адрознівалася навуковым узроўнем выдаваемай літаратуры, якая была разлічана на адукаваныя пласты насельніцтва, як вынік гэта былі больш якасныя экзэмпляры.

Аднак у сувязі з тым, што распаўсюджванне прафлітаратуры ў БССР не набыло масавага характару, большая частка кніг рэдакцыйна-выдавецкага аддзела ЦСПСБ уяўляла сабой “мёртвы” капітал. Асноўнай крыніцай сродкаў для выдавецкай і гандлёвай дзейнасці выступаў продаж дэфіцытных канцылярскіх тавараў, у першую чаргу паперы і кардона. Зразумела, што гэта супярэчыла агульнадзяржаўнай гандлёвай палітыцы і было прызнана недапушчальным. У снежні 1926 года Камітэт па справах друку і паліграфічнай прамысловасці пры СНК БССР прызнаў неэтазгоднасць далейшай дзейнасці рэдакцыйна-выдавецкага аддзела і перадаў яго функцыі Беларускаму дзяржаўнаму выдавецтву, якое павінна было з гэтага часу адказваць за выпуск масавай рабочай літаратуры на беларускай, яўрэйскай і рускай мовах.

Пасля ўзбуйнення тэрыторыі БССР, у 1924 – 1926 гадах, ЦВК БССР у красавіку 1927 года вызначыў асноўныя задачы Беларускага дзяржаўнага выдавецтва: выпуск рознага тыпу твораў друку, шырокае развіццё кніжнага гандлю. Яму дазвалялася (на тэрыторыі БССР і іншых саюзных рэспублік) мець уласныя друкарні, свае гандлёвыя аддзелы, прадстаўніцтвы, адкрываць крамы і г.д. [13, с. 82]. У гэты час узмацніўся і кантроль за тэматыкай кнігавыдавецкай прадукцыі з боку партыйных органаў. Каб аказваць уздзеянне на фарміраванне рэдакцыйна-выдавецкіх планаў буйнейшага выдавецтва краіны, ЦК КП(б)Б стварыў рэдакцыйную камісію з адказных партыйцаў аддзелаў друку, прапаганды і агітацыі і інш. Кожны рукапіс, перад тым як трапіць да друку, павінен быў праходзіць палітычную рэдакцыю 1 – 2 членаў рэдакцыйнай камісіі. Рэдактар вырашаў пытанне аб мэтазгоднасці выдання той ці іншай кнігі, сачыў за ідэалагічнай вытрыманасцю тэксту, даваў адпаведныя ўказанні наконт неабходных выпраўленняў. Акрамя таго, у функцыі аддзела друку ЦК КП(б)Б уваходзіла рэцэнзаванне беларускай мастацкай літаратуры, якую выдавала Беларускае дзяржаўнае выдавецтва, а затым размяшчэнне рэцэнзій у перыядычным друку. Іншы раз погляды прадстаўнікоў партыйных органаў і выдавецтваў на адзін і той жа твор каардынальна разыходзіліся. Нарыклад, як гэта было з “Пачуццямі” Кузьмы Чорнага. Так, прадстаўнік аддзела друку ЦК КП(б)Б, які праглядаў адзначаны зборнік апавяданняў, застаўся вельмі незадаволеным зместам

і даў наступную адзнаку: “...кніжка – нуда. Героі яго – людзі аджыўшыя, нікому не патрэбныя. Інтэлігентная дрэбязень. З гэтым нада змагацца! Вось “пачэсная” назва апавяданням К. Чорнага “Макулатура № 1” – 26 г. Белдзяржвыдавецтва. Чакаем кніжку “Макулатура №-2”” [14, л 149]. Зусім іншы водгук быў размешчаны ў часопісе “Полымя”, а затым і ў “Кнігаспісе” Белдзяржвыдавецтва: “Глыбінямі чалавека ды асэнсаваннем таямніц жыцця насычан увесь новы зборнік апавяданняў К. Чорнага. “Жыццё ты маё шырокае, без краёў, глыбіня мая бяздонная”. Стаіць перад ім і захапляецца пісьменьнік, і мерае яго праз думкі ды “пачуці”, праз развагу. Гэтым зборнікам пісьменьнік вышаў з меж нацыянальнага ў межы агульначалавецкага і зрабіў тым багаты ўклад ва ўжо значную скарбніцу беларускага мастацкага слова” [15, с. 30].

Пры падрыхтоўцы рэдакцыйна-выдавецкіх планаў павінны былі ўлічвацца заяўкі наркаматаў і розных устаноў. Разам з тым за Беларускаім дзяржаўным выдавецтвам пакідалі права адводу таго ці іншага твора. Пасля зацвярджэння планаў працы аддзелам друку ЦК КП(б)Б адказнасць за непасрэднае выкананне несла выдавецтва, перш за ўсё яго кіраўніцтва, якое павінна было сачыць як за якасцю, так і за ідэалагічнай вытрыманасцю друкаванага твора. З другой паловы 1920-х гадоў Беларускае дзяржаўнае выдавецтва неаднаразова пачало падвяргацца крытыцы з боку партыйных органаў за тое, што прыкрытэтным напрамкам быў абраны выпуск, як адзначаў В. Кнорын, “літаратуры для культурнай верхавінкі”, што ў сваю чаргу супярэчыла рэзалюцыі ЦК РКП(б) “Аб палітыцы ў галіне мастацкай літаратуры” ад 1925 года. У хуткім часе крытыка перарасла ў абвінавачанне кіраўніцтва Беларускага дзяржаўнага выдавецтва ў свядомым ігнараванні інтарэсаў сялян і рабочых у справе забеспячэння масавай кнігай.

Сярэдзіна 1920-х гадоў была плённым перыядам у распрацоўцы і выпуску кніг па гісторыі Беларусі. Як адзначаў У. Ігнатоўскі ў прадмове да першага выдання “Кароткі нарыс гісторыі Беларусі”, “...у шырокіх колах грамадзянства пайшоў вялікі спрос на гісторыі асобных народаў, якія да апошніх часоў і за народы ня лічыліся. Агульныя курсы перасталі здавальняць чалавека, бо ён не знаходзіў там таго, што датычыць жыцця асобных народаў. Падняўся спрос і на гісторыю нашай бацькаўшчыны Беларусі” [15, с. 12]. Публікаваліся даследаванні Ф. Турука і іншых. Значнымі тыражамі выходзілі кнігі У. Пічэты, якія хутка распрадаваліся. Аднак не ўсе прапанаваныя выдавецтвамі кнігі ўбачылі свет. Так, у 1926 годзе Галоўлітбелам была забаронена манаграфія М. Доўнар-Запольскага “Гісторыя Беларусі”.

Кнігаспісы Белдзяржвыдавецтва ўтрымлівалі анатацыі да найбольш цікавых і значных (па меркаванні рэдакцыі) манаграфій, што дазваляла патэнцыяльнаму чытачу зарыентавацца ў зместе і вызначыцца з тым, на каго яна разлічана. Так, пра “Гісторыю Беларусі ў XIX і пачатку XX веку” У. Ігнатоўскага адзначалася, што “...аўтар гэтае кніжкі, як відаць, ставіў сабе задачай ня толькі здаволіць універсытэцкія запатрабаванні, а значна больш шырокія мэты. ...Напісана кніжка настолькі жыва і папулярна, што яна можа чытацца з вялікай зацікаўленасцю кожным пісьменным грамадзянінам. Каштоўным з’яўляецца тое, што гістарычныя факты ня голымі выхаплены з жыцця, а шчыльна звязваюцца з апошнім. Тут і эканоміка, тут і этнаграфічныя асаблівасці беларусаў, тут і літаратура. ...У заключэнні скажам, што кніжка вельмі карысна і для падрастаючай моладзі, і для сталых працаўнікоў, першым для выхавання, а апошнім для перавыхавання. У кожнай вясковай школе кніжка будзе каштоўнай як школьны падсобнік, а таксама як падсобнік настаўніку пры вядзенні ім грамадзкай працы сярод сялян і азнаямленні іх з нядаўнім мінулым свайго краю” [15, с. 12 – 13].

З 1925 года ў плане Беларускага дзяржаўнага выдавецтва з’явіўся раздзел ленінскай літаратуры [16, с. 123]. Была створана спецыяльная камісія, якая займалася падборкай тэкстаў і перакладам іх на беларускую мову. Яна арыентавалася на падрыхтаваныя УЦВК СССР рэкамендацыйныя спісы твораў, якія ў першую чаргу трэба было перакласці на нацыянальныя мовы.

Асобае месца ў выдавецкіх планах займалі слоўнікі, над стварэннем якіх у 1920-я гады працавалі члены Інбелкульта М. Байкоў і С. Некрашэвіч. На працягу другой паловы 1920-х гадоў выйшлі “Практычны расійска-беларускі слоўнік”, “Беларуска-расійскі слоўнік” і інш. Аднак нягледзячы на станючыя рэцэнзіі ў газетах, на думку навукоўцаў, дадзеныя слоўнікі ўтрымлівалі шмат русізмаў, паланізмаў і штучных слоў. Часткова вінавацілі ў гэтым Белдзяржвыдавецтва, якое “павінна было сачыць за тым, які тавар выпускае на рынак” [17, с. 272].

У першай палове 1920-х гадоў адбывалася супрацоўніцтва паміж выдавецтвамі БССР і замежнымі выдавецтвамі. Так, па тэрыторыі БССР былі ў абарачэнні кнігаспісы выдавецтваў у Вільні, якія ўтрымлівалі падрабязную інфармацыю пра сваю друкаваную прадукцыю на беларускай мове, а таксама знаёмілі з кнігамі беларускіх выдавецтваў [18]. У выніку насельніцтва мела магчымасць выбіраць і заказваць патрэбную літаратуру. Пераважна гэта была школьная і мастацкая літаратура, сустракаліся навукова-папулярныя брашуры і кнігі на рэлігійныя тэмы (былі надрукаваны лацінкаю).

Заключэнне. Тэматыка друкаванай прадукцыі БССР адлюстроўвала асноўныя пытанні, якія вырашаліся ў рэспубліцы. Стваралася разнастайная літаратура для розных сацыяльных груп. Значную ролю ў справе кансалідацыі беларускай нацыі адыграла літаратура, напоўненая рэальным нацыянальным зместам, што выдавалася на працягу 1920-х гадоў. Найбольш значным праяўленнем у культурным і грамадска-палітычным жыцці БССР у гады нэпа стаў працэс беларусізацыі, які станюча адбіўся на далейшым раз-

віцці кнігавыдавецкай справы. Забеспячэнне насельніцтва літаратурай на беларускай мове для ажыццяўлення нацыянальнай палітыкі было ўскладзена на Беларускае дзяржаўнае выдавецтва.

ЛІТАРАТУРА

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 42. – Воп. 1. – Спр. 90. Пастановы і загады ВРК і ЦВК БССР, пратаколы пасяджэнняў і справаздачы аб працы Дзяржвыдавцтва БССР (17 лістапада 1920 г. – 29 снежня 1921 г.).
2. Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці (ДАМВ). – Фонд п-322. – Воп. 1. – Спр. 29. Пратаколы пасяджэнняў гарвыканкама.
3. НАРБ. – Фонд 6. – Воп. 1. – Спр. 33. Пратаколы пасяджэнняў калегіі НКА (24 студзеня – 27 снежня 1921 г.).
4. НАРБ. – Фонд 42. – Воп. 1. – Спр. 318. Справаздачы і даклады НКА аб стане народнай адукацыі, культурным будаўніцтве і развіцці выдавецкай справы ў БССР (23 верасня 1926 г. – 21 студзеня 1927 г.).
5. Адраджэнне: літаратурна-навуковы веснік Інстытута Беларускай культуры. Сш. 1. – Менск, 1922. – 301 с.
6. Ліс, А.С. “Адраджэнне” / А.С. Ліс // Энцыкл. гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: БелЭн, 1993. – Т. 1. – С. 61 – 62.
7. НАРБ. – Фонд 4-п. – Воп. 16. – Спр. 28. Перапіска аддзела друку ЦК КП(б)Б з аддзелам друку ЦК РКП(б) (1925 г. – 1926 г.).
8. Жук, В.Н. Национально-культурное строительство среди польского национального меньшинства в БССР в 1920-е годы / В.Н. Жук // Беларускі археаграфічны штогоднік. – Мінск: БелНДІДАС, 2004. – Вып. 3. – С. 194 – 212.
9. Ватаці, Н.Б. Художественная литература Советской Белоруссии (1917 – 1960). Библиографический отдел изданий / Н.Б. Ватаці. – Мінск: Госиздат БССР, 1962. – 462 с.
10. НАРБ. – Фонд 4-п. – Воп. 7. – Спр. 82. Пратаколы пасяджэнняў Галоўлітбела (верасень 1925 г. – верасень 1926 г.).
11. Бигеза, В.М. Белорусская учебная книга (1917 – 1941 гг.) / В.М. Бигеза // Из истории книги в Белоруссии: сб. ст. /АН БССР, библиотека им.Я. Коласа; отв. ред. М.П. Стрижонок. – Мінск: АН БССР, 1979. – С. 51 – 63
12. НАРБ. – Фонд 17. – Воп. 1. – Спр. 8. Перапіска з рэдакцыйна-выдавецкім аддзелам ЦСДСБ наконт рэалізацыі кніжнай прадукцыі (26 снежня 1926 г.).
13. Волк, А.А. Книгоиздательское дело в Белоруссии / А.А. Волк, А.И. Ракович. – Мінск: БГУ, 1977. – 280 с.
14. НАРБ. – Фонд 4-п. – Воп. 16. – Спр. 42. Справаздачы, планы, даклады і іншыя матэрыялы аб працы аддзела друку ЦК КП(б)Б (1925 г. – 1927 г.).
15. Кнігаспіс Беларускага дзяржаўнага выдавецтва. – Мінск: БДВ, 1927. – 69 с.
16. Равнополец, Л.С. Из истории издания и распространения произведений В.И. Ленина в Белоруссии / Л.С. Равнополец. – Мінск: “Наука и техника”, 1974. – 160 с.
17. Лёсік, Я. 1921 – 1930: збор твораў / Я. Лёсік; уклад., прадм. і камент. А. Жынкін. – Мінск: НАРБ, 2003. – 396 с.
18. Кнігаспіс беларускай кнігарні / Беларускае выдавецкае таварыства ў Вільні. – Вільня: Друкарня Я. Левіна, 1926. – 40 с.

Паступіў 03.12.2012

PUBLISHING PRODUCTION OF BSSR IN THE MIDDLE OF THE 1920-S

A. SUMKO

The 1920-s in BSSR were the most favourable for Belorussian typography inspite of certain economic difficulties and contradictions of political life. In conditions of conversion from one political system to another it was very important for the government to make its population understand, accept economic, cultural and other changes and take part in them. But contents and subject matter of book production followed not only the interests of the government, but also the needs of the society. Revival of social and cultural life had a great impact on literary processes, which affected the editorial and publishing plans. Genre and language diversity of publishing production in BSSR in the middle of the 1920-s are studied in the article.

УДК 94(476)

**РАЗВІЦЦЁ РАМЯСТВА І РАМЕСНАЙ ВЫТВОРЧАСЦІ
НА ЗАХОДНЕБЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ У 1921 – 1939 ГАДАХ****Л.В. ЛАЎРЭЕНКА****(Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна)**

На аснове розных гістарычных крыніц даецца характарыстыка заходнебеларускаму рамяству і рамеснай вытворчасці ў 1921 – 1939 гадах. Робіцца аналіз заканадаўчай базы 1920 – 1930-х гадоў у сферы рамяства. Разглядаюцца заканадаўчыя акты, якія адлюстроўваюць асноўныя аспекты дзейнасці рамяства і рамеснай вытворчасці на заходнебеларускіх землях. Падрабязна апісваюцца ўмовы для вядзення рамяства і рамеснай вытворчасці ў Заходняй Беларусі ў 1921 – 1939 гадах. Характарызуецца найбольш развітым на тэрыторыі Заходняй Беларусі рамесніцкія спецыяльнасці. Адзначаецца, што ў даследуемы перыяд рамяство на тэрыторыі Заходняй Беларусі развівалася даволі слаба, а большасць рамесных вырабаў ішлі пераважна на мясцовы рынак.

Уводзіны. Гісторыя эканамічнага развіцця Заходняй Беларусі ў 1921 – 1939 гады ў наш час патрабуе аб'ектыўнага навуковага вывучэння і асэнсавання сучаснымі айчыннымі навукоўцамі. Існуючая навуковая літаратура, якая закранала тэма ці іншыя аспекты эканамічнай гісторыі заходнебеларускіх земляў, прадстаўлена галоўным чынам эканамічнымі і гістарычнымі артыкуламі ў навуковых перыядычных выданнях і матэрыялах навуковых канферэнцый. Аднак комплексных прац па эканамічным развіцці Заходняй Беларусі ў перыяд яе ўваходжання ў склад Польскай дзяржавы няма. У сувязі з гэтым вывучэнне рамеснай вытворчасці як састаўной часткі эканамічнага развіцця заходнебеларускіх земляў з'яўляецца актуальным для сучаснай гістарычнай навукі.

Сярод айчынных даследаванняў, якія прысвечаны вывучэнню асобных аспектаў развіцця рамяства і рамеснай вытворчасці, неабходна адзначыць працу В.А. Лабачэўскай [1], у якой асобны раздзел прысвечаны народным промыслам Заходняй Беларусі ў 1921 – 1939 гадах. У манаграфіі на аснове шматлікіх польскіх крыніц і архіўных матэрыялаў даецца характарыстыка агульнага стану заходнебеларускіх народных промыслаў і рамёстваў. Асобныя звесткі аб рамястве і рамеснай вытворчасці на заходнебеларускіх землях змяшчаюцца ў артыкуле Г. Каспяровіча і В. Каспяровіч [2]. Польскія аўтары пачалі вывучэнне праблем развіцця народных промыслаў і рамёстваў на тэрыторыі Заходняй Беларусі яшчэ ў 1930-я гады. Першай сярод іх была Я. Арынжына [3 – 5], якая ў перыяд з 1920 па 1939 год з'яўлялася супрацоўнікам аддзела народных мастацкіх промыслаў Міністэрства прамысловасці і гандлю Польшчы. У сваіх працах аўтар апісвала асноўныя віды народных промыслаў заходнебеларускіх зямель, прыводзіла статыстычныя дадзеныя па паветах. Асобнаму віду рамяства – кавальству – прысвечана манаграфія Я. Карыбуцка [6]. У ёй разглядаецца гісторыя развіцця кавальскага рамяства, асартымент яго вырабаў на тэрыторыі Віленскага ваяводства. Змены, якія адбываліся ў сельскіх народных промыслах і рамёствах, пачынаючы з другой паловы XIX стагоддзя, апісаны ў працы Л. Туркоўскага [7]. Частка падрыхтаваных ім у 1930-я гады прац пра рамёствы і промыслы Заходняй Беларусі выйшла толькі ў пасляваенны час [8; 9]. Даследаванне І. Барнштэйна [10] прысвечана гісторыі развіцця яўрэйскага рамяства на тэрыторыі Польшчы пачынаючы з 1914 года. Звесткі аб розных відах рамёстваў змяшчаюцца і ў працах В. Дыноўскага, Х. Тшэбінскай-Бадзінскай і С. Галасіевіча [11 – 13].

Улічваючы слабую распрацаванасць тэмы развіцця рамяства і рамеснай вытворчасці на заходнебеларускіх землях у 1921 – 1939 гадах, была пастаўлена наступная мэта – даследаваць стан рамяства і яго развіцця на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1921 – 1939 гадах. Для дасягнення пастаўленай мэты былі вылучаны наступныя задачы: 1) даць характарыстыку заканадаўчай базы, якая рэгулявала дзейнасць рамяства на тэрыторыі Заходняй Беларусі і Польшчы ў цэлым; 2) правесці аналіз развіцця рамяства і рамеснай вытворчасці на заходнебеларускіх землях. Для раскрыцця пастаўленай мэты выкарыстоўваліся шматлікія польскія крыніцы, а таксама матэрыялы Дзяржаўнага архіва Брэсцкай вобласці.

Асноўная частка

Правыя асновы рамяства і рамеснай вытворчасці на тэрыторыі Заходняй Беларусі. У 1920 – 1930-я гады Польшча была адзінай еўрапейскай дзяржавай, якая мела досыць распрацаваную заканадаўчую базу, накіраваную на рэгуляванне рамяства і рамеснай вытворчасці. Асноўным дакументам, які вызначаў прававое палажэнне рамёстваў у Польшчы і Заходняй Беларусі, было «Прамысловае права» ад 16 снежня 1927 года, выдадзенае на аснове Распараджэння Прэзідэнта Польшчы «Аб прамысловым праве» ад 7 чэрвеня 1927 года [14]. Гэта першы нарматыўны акт, які рэгуляваў пытанні дзейнасці рамяства ў Польшчы пасля здабыцця ёю незалежнасці. Да гэтага часу на тэрыторыі Польшчы, у першую чаргу на тэрыторыях, якія знаходзіліся ў складзе Расійскай імперыі, Аўстра-Венгрыі і Прусіі, існавалі розныя правыя сістэмы, у тым ліку і ў сферы рамяства, што ўскладняла ажыццяўленне кіраўніцтва дзей-

наскоу рамеснікаў і кантроль над рамеснай вытворчасцю. Закон аб прамысловым праве на заканадаўчым узроўні рэгуляваў адносіны польскай дзяржавы да рамяства і рамеснай вытворчасці ў цэлым. Закон вызначаў рамесніцкія спецыяльнасці, якія падпадалі пад яго юрысдыкцыю. Дзякуючы закону на дзяржаўным узроўні была наладжана арганізацыя навучання практычна па ўсіх відах рамяства, якое заканчвалася абавязковай здачай кваліфікацыйнага іспыту. Законам былі закладзены і прававыя асновы для разгортвання дзейнасці рамесных цэхаў, адной з асноўных задач якіх з'яўлялася падтрымка тэхнічнага і эканамічнага развіцця рамяства, а таксама абарона інтарэсаў саміх рамеснікаў. Закон аб прамысловым праве прадугледжваў і стварэнне г. зв. інстытута «эканамічнага самаўпраўлення» – рамесніцкіх палат, асноўнай мэтай якіх было прадстаўленне прафесійных інтарэсаў рамяства (арт. 168 прамысловага права). У цэлым па Польшчы ў той час налічвалася 17 рамесніцкіх палат, а на тэрыторыі Заходняй Беларусі былі ўтвораны 4: Віленская, Навагрудская, Брэсцкая і Беластоцкая [15, с. 40, 42]. Тэрыторыі, на якія распаўсюджвалася сфера іх уплыву, супадалі з адміністрацыйнымі межамі ваяводстваў. Асноўнымі задачамі рамесніцкіх палат былі ўзаемадзеянне з дзяржаўнай уладай па падтрымцы рамяства праз прадстаўленне інфармацыі і водгукаў; прадстаўленне ўладам пажаданняў і прапанов, якія датычыліся інтарэсаў рамяства, а таксама штогадовай справаздачы аб стане рамяства на падуладнай ёй тэрыторыі; рэгуляванне спраў навучання рамяства; стварэнне экзаменацыйных камісій і інш. [14, с. 716]. Дзейнасць палат рэгулявалася міністрам прамысловасці і гандлю. Для кожнай з палат выдаваўся асобны статут. 10 сакавіка 1934 года ў Распараджэнне прэзідэнта Польшчы ад 7 чэрвеня 1927 года «Аб прамысловым праве» былі ўнесены змены, якія закраналі розначытанні некаторых артыкулаў [16].

Распараджэннем міністра прамысловасці і гандлю «Аб дапаўненні спіса рамёстваў, якія змяшчаюцца ў прамысловым праве» ад 21 сакавіка 1933 года [17] і Распараджэннем «Аб дапаўненні спіса рамёстваў» ад 23 чэрвеня 1936 года [18] быў пашыраны пералік рамёстваў, якія падпадалі пад юрысдыкцыю Закона «Аб прамысловым праве». Зменена тэрміналогія ў адносінах да асобных рамёстваў.

20 лютага 1936 года выйшла Распараджэнне міністра прамысловасці і гандлю «Аб рамесных цэхах» [19], якое істотна дапоўніла артыкулы 69 – 99, 160 – 167 Закона «Аб прамысловым праве». Дадзенае распараджэнне даволі падрабязна вызначала задачы, функцыі і кірункі працы цэхаў, іх органы кіравання, а таксама прапісвала склад і функцыі цэхаў.

27 кастрычніка 1933 года быў выдадзены Закон «Аб рамесніцкіх палатах і іх аб'яднаннях» [20]. Дадзены закон вызначаў рамесніцкую палату як пастаяннага прадстаўніка эканамічных і прафесійных інтарэсаў рамяства, як установу эканамічнага самакіравання і суб'ект публічнага права. У ім вызначаліся мэты, задачы, склад палаты і выбары ў яе. Закон вызначаў стварэнне арганізацыі пад назвай «Аб'яднанне рамесніцкіх палат Польшчы» з цэнтрам у Варшаве. Згодна з законам дадзенае аб'яднанне з'яўлялася юрыдычнай асобай, мела публічнае права, магло набываць і прадаваць рухомую і нерухомую маёмасць і г.д. У дакуменце былі адзначаны таксама асноўныя задачы дадзенага аб'яднання, выбары ў склад яго кіраўніцтва.

Яшчэ адным прававым актам, што рэгуляваў дзейнасць рамесніцкіх палат, было Распараджэнне міністра прамысловасці і гандлю «Аб становішчы аб выбарах у рамесніцкія палаты» ад 16 лютага 1934 года [21], якое пашырыла палажэнні артыкулаў 5 – 12 Закона «Аб рамесніцкіх палатах і іх аб'яднаннях» ад 27 кастрычніка 1933 года і артыкулаў 174 – 181 Закона «Аб прамысловым праве».

Рамяство і рамесніцкая вытворчасць на заходнебеларускіх землях. На тэрыторыі Заходняй Беларусі рамяство было прадстаўлена невялікімі рамеснымі майстэрнямі, а рамеснікі складалі нешматлікую частку насельніцтва заходнебеларускіх зямель. Усе рамесніцкія спецыяльнасці былі аб'яднаны ў 7 груп – будаўніцтва, апрацоўка дрэва, тэкстыльная, апрацоўка металу, спажывецкая, апрацоўка скуры, сфера паслуг. Найбольш распаўсюджанымі рамесніцкімі спецыяльнасцямі на тэрыторыі Заходняй Беларусі былі муляры, маляры, шкляры, печнікі, каменяцёсы, сталяры, цесляры, стэльмахі, токары, бондары, краўцы, майстры па вырабу шапак, кушнеры, майстры па вырабу капелюшоў, майстры па вырабу вярхоўкі, кавалі, слесары, бляхары, гадзіннікавыя майстры, мяснікі, пекары, каўбаснікі, кандытары, шаўцы, нарыхтоўшчыкі (шаўцы), шорнікі, гарбары, пераплётчыкі, цырульнікі, фатографы.

Згодна з артыкулам 144 прамысловага права: «хто пачынае самастойнае правядзенне рамяства, павінен адначасова з заявай паказаць прамысловай уладзе і інстанцыі, што мае прафесійныя здольнасці для правядзення дадзенага рамяства» [14, с. 713]. Гэты артыкул у дапаўненні да распараджэння прэзідэнта Польшчы 1934 года атрымаў некаторыя змены: «Ажыццяўляць рамесную вытворчасць можна толькі пасля атрымання ад прамысловай улады і інстанцыі рамеснай карты, выдадзенай пасля доказу перад гэтай уладай валодання прафесійнымі здольнасцямі для правядзення дадзенага рамяства» [16, с. 690]. Такім чынам, для самастойнага вядзення рамяства неабходна было атрымаць рамесную карту. Акрамя атрымання рамеснай карты, яшчэ адной умовай для вядзення рамяства было пацвярдзенне прафесійных здольнасцей. Рамеснік, які не мог даказаць прафесійныя здольнасці, неабходныя для вядзення таго ці іншага рамяства, але пры гэтым займаўся рамяством, з'яўляўся «нелегальным», ці г. зв. партачом, з якім вялі барацьбу ўлады і арганізацыі цэхаў рамесніцкіх майстроў.

Прадстаўленне доказу наяўнасці неабходных прафесійных здольнасцей патрабавалася не толькі ад новых кандыдатаў у рамеснікі, але і ад тых, хто займаўся рамяством шмат гадоў. Паводле артыкула 198

Закона аб прамысловым праве фармальна доказам валодання такімі здольнасцямі і ўменнямі магло лічыцца пасведчанне магістрата або гміннага праўлення, якое пацвярджала, што дадзеная асоба непасрэдна перад абвяшчэннем закона працавала на працягу 5 гадоў у рамесніка, які самастойна займаўся рамяством. Такая практыка пацвярджэння здольнасцей была характэрнай і для ўсіх заходнебеларускіх ваяводстваў [14, с. 719 – 720]. Калі заявіцелем былі прадстаўлены ўсе неабходныя доказы, прадугледжаныя артыкулам 145, прамысловая ўлада першай інстанцыі павінна была на працягу 30 дзён з моманту падачы заявы выдаць рамесную карту (арт. 147).

Паводле дадзеных справаздачы Беларускай рамесніцкай палаты за 1930 год на тэрыторыі Беларускага ваяводства налічвалася 17459 рамесных майстэрняў, з якіх 1307 прыходзілася на спецыяльнасці будаўнічай групы, 2237 – апрацоўкі дрэва, 3977 – тэкстыльных, 2596 – апрацоўкі металу, 2775 – спажывецкіх, 3829 – апрацоўкі скуры, 738 – сферы паслуг [22, с. 24 – 25]. На тэрыторыі Палескага ваяводства ў 1933 годзе колькасць рамесных майстэрняў дасягнула 9962 [15, с. 35; 23, арк. бзв.], на будаўнічую групу з іх прыходзілася 655 майстэрняў, апрацоўкі дрэва – 2078, тэкстыльную – 1835, апрацоўкі металу – 1646, спажывецкую – 1375, апрацоўкі скуры – 2057, сферы паслуг – 316 [23, арк. бзв.]. У Навагрудскім ваяводстве налічвалася 7926 майстэрняў і адпаведна на будаўнічую групу прыходзілася 547 майстэрняў, апрацоўкі дрэва – 828, тэкстыльную – 1930, апрацоўкі металу – 1414, спажывецкую – 1135, апрацоўкі скуры – 1798, сферы паслуг – 274 [15, с. 35]. У Віленскім ваяводстве размяшчалася 12930 рамесных майстэрняў, з якіх 1121 прыходзілася на спецыяльнасці будаўнічай групы, 1202 – апрацоўкі дрэва, 2931 – тэкстыльных, 2069 – апрацоўкі металу, 2091 – спажывецкіх, 2944 – апрацоўкі скуры, 572 – сферы паслуг [15, с. 35]. Прыведзеныя дадзеныя сведчаць, што найбольшая колькасць майстэрняў знаходзілася на тэрыторыі Беларускага ваяводства, а найменшая – на тэрыторыі Навагрудскага. Аднак названыя звесткі нельга лічыць дакладнымі з-за цяжкасцей вызначэння колькасці стану рамяства ў Заходняй Беларусі і ў Польшчы ў цэлым. Напрыклад, недахоп выразнай мяжы паміж рамяством і прамысловасцю паказвае, што гэтая галіна эканамічнага жыцця не магла быць ахопена ў сукупнасці афіцыйнай статыстыкай. А недакладнасць і вялікая разбежка паміж афіцыйнымі статыстычнымі звесткамі і фактычнымі станам перш за ўсё звязана з тым, што ў афіцыйныя дадзеныя ўключалі толькі тых рамеснікаў, якія мелі рамесныя карты. Акрамя таго, колькасць знятых з рэестра рамесных карт не адпавядала фактычнай колькасці ліквідаваных прадпрыемстваў. Прычына гэтага заключалася ў тым, што не ўсе ўладальнікі карт вярталі яе пасля спынення самастойнага вядзення рамяства. Так, напрыклад, у Столінскім павеце Палескага ваяводства ў 1929 годзе было зарэгістравана 1160 рамеснікаў, якія мелі рамесныя карты [24, арк. арк. 9 – 9зв.] і 117 рамеснікаў, якія не мелі карт у 1930 годзе [25, арк. 8зв., 9, 11зв.], у Лунінецкім – 474 і 224 адпаведна [24, арк. 10, 11; 25, арк. 2зв., 3, 3зв., 4, 4зв.] і Камень-Кашырскім – 167 і 145 [24, арк. 8, 8зв.; 25, арк. 2, 2зв., 10].

Атрыманне рамеснай карты было вельмі маруднай справай, якая патрабавала шмат часу для збору ўсіх неабходных дакументаў і вялікіх фінансавых затрат. Каб атрымаць карту, неабходна было мець польскае грамадзянства, дыплом аб здачы экзамена па адпаведнай спецыяльнасці, а таксама аплаціць рамесную карту. Сама працэдура атрымання рамеснай карты была наступнай: рамеснік звяртаўся да павятовага старасты з прашэннем аб дазvole атрымаць карту і прадстаўляў усе неабходныя дакументы. Потым павятовы стараста накіроўваў дакументы ў рамесніцкую палату, якая на аснове прадстаўленых матэрыялаў вырашала пытанне аб выдачы рамеснай карты.

Часцей за ўсё рамеснікі не маглі прадставіць неабходныя дакументы на вядзенне рамяства, таму вымушаны былі звяртацца з просьбамі да павятовых стараст. Так, напрыклад, жыхар Косіцкай гміны Брэскага павета Зыгмунт Котшыцкі ў 1934 годзе звяртаўся з паданнем да палескага ваяводы. У ім гаварылася аб тым, што рамяством муляра ён займаўся даўно. Да першай сусветнай вайны працаваў у бацькі спачатку ў якасці вучня, а потым і чалядніка. Аднак падчас вайны бацька загінуў і не пакінуў ніводнага дакумента, які мог бы пацвердзіць яго прафесійныя здольнасці ў дадзеным рамястве. Таму ён звяртаўся да ваяводы з просьбай дазволіць яму вытрымаць неабходны іспыт пры рамесніцкай палатце. Да свайго прашэння ён прыклаў сведчанні інжынера І. Масталанскага і архітэктара В. Новака, у якіх яны пацвярджалі яго прафесійныя здольнасці. На аснове артыкула 146 прамысловага права Брэсцкая рамесніцкая палата вызваліла Зыгмунта Котшыцкага ад неабходнасці іспыту [26, арк. 12, 16]. Аднак такія выпадкі былі адзінаквыя. Вельмі часта рамеснікі звярталіся з прашэннямі вызваліць іх ад кваліфікацыйных іспытаў. Асноўнымі прычынамі называліся непісьменнасць і цяжкае матэрыяльнае становішча: не ўсе рамеснікі маглі заплаціць за экзамен пошліну ў памеры 40 злотых [26, арк. 106; 27, арк. 114; 28, арк. 42, 42зв., 61]. Былі выпадкі, калі рамеснікам адмаўлялі ў выдачы рамеснай карты па прычыне іх маладога ўзросту: напрыклад, у рамеснай карце было адмоўлена краўцам Гершону Векслеру і Абраму Владаўскаму, жыхарам Брэста [27, арк. 10зв., 74зв.], шаўцу Боруху Юлевічу, жыхару в. Лахва Лунінецкага павета [28, арк. 33].

Асобнае месца ў заходнебеларускім рамястве займалі яўрэі, якія складалі 73 % ад агульнай колькасці рамеснікаў ва ўсёй Польшчы [10, с. 47]. Аб гэтым сведчаць дадзеныя па паветах Палескага ваяводства за 1929 год: у Косаўскім павеце ў рамеснікаў-хрысціян налічвалася 95 майстэрняў, а ў рамеснікаў-яўрэяў – 272, у Пружанскім – адпаведна 10 і 227, Пінскім – 193 і 245, Драгічынскім – 39 і 256, Кобрынскім – 76 і 543, Камень-Кашырскім – 29 і 138, Столінскім – 211 і 949, Лунінецкім – 40 і 434, Сар-

ненскім – 74 і 464, Брэсцкім – 143 і 1027 [24, арк. 1 – 13зв.]. Рамеснікамі-яўрэямі былі манапалізаваны найбольш прыбытковыя спецыяльнасці. Яўрэі складалі большасць у Палескім ваяводстве сярод цесляроў, стэльмахаў, мяснікоў (80 %), пекараў (90 %), маляроў (96 %), сталяроў ($\frac{5}{6}$ ад агульнай колькасці) і муляроў (112 з 163 рамесных майстэрняў). У Навагрудскім ваяводстве налічвалася больш за $\frac{3}{4}$ сталяроў-яўрэяў, стэльмахаў, пекараў (93 %), мяснікоў (74 %), 47 з 74 мулярскіх рамесных майстэрняў таксама належала яўрэям. У Беластоцкім ваяводстве з 27 токараў 26 – яўрэі, у Віленскім на 13 – 11 яўрэяў і Палескім – адпаведна з 17 – 16. У 1936 годзе ў Навагрудскім, Віленскім і Палескім ваяводствах на 100 майстроў-яўрэяў па вырабу шапак прыходзіўся 1 рамеснік неяўрэйскай этнічнай прыналежнасці. Кавалі-яўрэі канцэнтраваліся галоўным чынам у Палескім (21 %), Беластоцкім і Навагрудскім (17 %) ваяводствах, у якіх яны складалі вышэй за $\frac{2}{3}$ ад агульнай колькасці рамеснікаў дадзенай спецыяльнасці. Пераважную большасць у шавецкім рамястве яўрэі займалі ў Палескім (86 %) і Беластоцкім (75 %) ваяводствах [10, с. 49 – 55]. Прыведзеныя дадзеныя яскрава сведчаць аб тым, што заходнебеларускае рамяство ў большай сваёй частцы канцэнтравалася ў руках яўрэяў.

Рамесныя вырабы, за невялікім выключэннем, рэалізаваліся ў краіне, на мясцовых рынках. Практычна ўсе заходнебеларускія ганчарныя вырабы збываліся таксама на мясцовым рынку. Толькі вырабы мастацкай керамікі ішлі на продаж у іншыя рэгіёны Польшчы, часам за мяжу. Найбольш вядомым цэнтрам ганчарства на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1921 – 1939 гадах было мястэчка Гарадная Столінскага павета. Гарадная з’яўлялася адзіным цэнтрам вытворчасці белаглінянай керамікі ў Палескім ваяводстве [29, с. 97 – 98]. У мястэчку пражывала 219 сямей, якія займаліся ганчарствам [30, арк. 23]. Найбольш распаўсюджаным там быў выраб гаршкоў, місак, ваз, як звычайных, так і эмаліраваных (глазураваных пры дапамозе палівы). Эмаліраваныя вырабы былі больш якаснымі, аднак спосаб апрацоўкі керамічных вырабаў палівай быў не вельмі распаўсюджаны сярод гарадзянскіх ганчароў. У мястэчку ім займаліся толькі 18 сямей. Галоўная прычына гэтага – дарагавізна матэрыялу, які ўжываўся пры вырабе палівы. Кошт такога матэрыялу, неабходнага для палівы аднаго воза (300 – 400 штук) гаршкоў, даходзіў да 15 злотых, пры тым што тавар аб’ёмам у адзін воз каштаваў 20 – 40 злотых у залежнасці ад яго якасці і колькасці. Таму не кожны сельскі ганчар быў у стане набыць матэрыял для выраба палівы. Тым больш што гатовыя гаршкі абменьвалі ў асноўным на збожжа (у сярэднім атрымлівалася 200 кг за воз), якое ішло на задавальненне патрэб ганчара і яго сям’і [30, арк. 15, 23]. Калі браць да ўвагі, што ўся сям’я працавала 6 тыдняў, каб вырабіць дадзены тавар, а потым столькі ж, каб яго прадаць, то можна ўявіць, колькі грошай за гэты час зарабляла сям’я ганчара.

Рамесніцкія спецыяльнасці будаўнічай групы залежалі ад будаўнічага руху. Працаўладкаванне на дадзеных спецыяльнасцях было высокім да канца 1928 года і было выклікана неабходнасцю аднаўлення знішчаных вайной мастоў, будынкаў, двароў і г.д. Пасля 1928 года назіралася моцнае зніжэнне будаўнічага руху. Будаўнічы крызіс асабліва адбіўся на рамястве печніка. Печнікі маглі знайсці заробак толькі пры будаўніцтве невялікіх прыватных дамоў, а таксама пры рамонтных працах. Тое ж назіралася і ў рамястве маляра. Больш за ўсё працы маляр знаходзіў пры будаўніцтве і рамонце храмаў, дзяржаўных, камунальных і ваенных будынкаў [22, с. 14; 31, с. 15].

Да самых шматлікіх спецыяльнасцей дрэваапрацоўчай групы адносіліся сталяры, цесляры і стэльмахі. Найбольш развіта з вышэйзгаданых рамястваў на тэрыторыі Беластоцкага ваяводства была мэблевая вытворчасць. У сувязі са зніжэннем коштаў у 1930 годзе на дуб і ясьень зменшыліся кошты на мэблю і сталярскія вырабы ад 15 да 20 %. Аднак найбольш вялікае зніжэнне коштаў назіралася на хваёвую мэблю. Рамяство стэльмаха на тэрыторыі Заходняй Беларусі з кожным годам памяншалася і ў адносінах да ўсё больш набіраючай моц механізацыі на транспарце не мела спрыяльных умоў для свайго развіцця [22, с. 15; 31, с. 15]. У прафесіі бондара колькасць выпускаемай прадукцыі не намнога паменшылася (Беластоцкае ваяводства). Асноўная прычына – малаважная розніца ў коштах на фабрычныя і самаробныя бочкі, а таксама высокая якасць самаробных бочак у адрозненне ад машыннага браку. Дзякуючы развіццю дрэваапрацоўчай прамысловасці рамяство токара да сярэдзіны 1930 года ўзмацніла свае пазіцыі. Змянілася і становішча скульптараў, якія знаходзілі працу пры замовах на выкананне алтароў у адбудаваных касцёлах (Беластоцкае ваяводства). Асноўнымі вырабамі майстра музычных інструментаў былі піяніна, гітары, балалайкі, мандаліны і т.п. Галоўным цэнтрам вытворчасці музычных інструментаў з’яўлялася Віленскае ваяводства, там знаходзілася 7 прадпрыемстваў па вырабу музычных інструментаў: 1 – у Дзісенскім павеце; 4 – у Вілейскім, 2 – у самой Вільні. На тэрыторыі Беластоцкага ваяводства знаходзілася невялікая колькасць майстэрняў па вытворчасці духавых інструментаў, а таксама піянін (Беласток) і арганаў (Ломжа) [22, с. 15; 31, с. 15].

У тэкстыльнай групе найбольш развітымі былі кравецкае і шавецкае рамяство. Астатнія рамесніцкія спецыяльнасці былі нешматлікімі і не мелі вялікага гаспадарчага значэння ў дадзенай групе. У кравецкай вытворчасці ў 1930 годзе назіраўся невялікі спад. Гэта было выклікана, па-першае, зніжэннем пакупной здольнасці як сельскага, так і гарадскога насельніцтва; па-другое, вялікай канкурэнцыяй з боку фабрычнай вытворчасці, якая пастаўляла на мясцовыя рынкі вялікую колькасць нізкакаснай прадукцыі. Канкурэнцыю краўцам складалі і «надомшчыкі», якія працавалі ва ўладальнікаў буйных крамаў вопраткі.

Самая высокая дзённая аплата ў дадзеным рамястве складала 8 злотых. Аднак вельмі часта кліенты плацілі ў растэрміноўку. Атэлье па пашыву моднага адзення, якія карысталіся замежнымі матэрыяламі, на заходнебеларускіх землях у 1930-х гадах прыйшлі ў заняпад, бо з-за хутка зменлівай моды не паспявалі выкарыстоўваць набытыя тканіны. Вялікую канкурэнцыю ім складалі мадысткі, якія працавалі нелегальна ў прыватных дамах. У шавецкім рамястве быў попыт толькі на гатовыя вырабы [22, с. 15 – 17; 31, с. 15].

У рамястве бляхароў аб'ём працы з кожным годам звужаўся. Бляхары маглі знайсці сабе працу толькі ў будаўніцтве. А ў выніку застою ў будаўнічым руху расло беспрацоўе, якое ў 1930 годзе вагалося ў межах ад 60 да 80 %. Працаўладкавацца бляхарам на будаўніцтве можна было толькі ў летні перыяд, узімку рамеснікі гэтай прафесіі займаліся вытворчасцю ўласнай прадукцыі. Канкурэнцыю ім складала фабрычная прамысловасць. Цана на прадукцыю бляхароў у 1930 годзе знізілася на 70 %. Гравёры, ювеліры, залатых і бронзавых спраў майстры і майстры, якія выраблялі ўпрыгожванні з залатых і срэбных дроцікаў, не былі шырока распаўсюджаны на тэрыторыі Заходняй Беларусі. Рамесніцкія спецыяльнасці, якія выраблялі прадметы раскошы, былі абмежаваны па колькасці выпускаемай прадукцыі. Колькасць прадукцыі ў ювелірнай прамысловасці звалілася ў 1930 годзе ад 50 да 70 % пры адначасовым спадзе кошту на срэбра. Збыт вырабаў з залатых і срэбных дроцікаў паменшыўся ад 30 да 35 %. На тэрыторыі Беластока адчувалася моцная канкурэнцыя з боку аналагічных вырабаў, якія прывозіліся з Варшавы [22, с. 16 – 18; 31, с. 16].

Больш усяго было развіта гарбарнае рамяство, якое перапрацоўвала толькі на тэрыторыі Віленскага ваяводства 16,9 % мясцовай скуры і 83,1 % імпартуемай. Заходнебеларуская скура экспартавалася ў Галандыю, Германію, Чэхію і Югаславію.

Заклучэнне. У даследуемы перыяд у Польшчы была распрацавана даволі грунтоўная заканадаўчая база, якая была накіравана на рэгуляванне ўсіх сфер дзейнасці рамяства і рамеснай вытворчасці. Заканадаўчыя акты падрабязна адлюстроўвалі пытанні дзейнасці рамесніцкіх арганізацый і аб'яднанняў. Па прынятых законах ажыццяўлялася кіраўніцтва дзейнасцю рамеснікаў і кантроль за рамеснай вытворчасцю. На заканадаўчым узроўні былі ўнармаваны адносіны дзяржаўных органаў кіравання да рамяства і рамеснай вытворчасці. Дзякуючы прынятым законам была наладжана арганізацыя прафесійнага навучання практычна па ўсіх відах рамяства.

На тэрыторыі Заходняй Беларусі рамяство развівалася даволі слаба. На такое становішча паўплывала шмат фактараў: складаная працэдура атрымання рамеснай карты – галоўнай умовы легальнага вядзення рамяства, таму на тэрыторыі Заходняй Беларусі налічвалася вялікая колькасць рамеснікаў, якія вялі сваё рамяство без дазволу (толькі ў 1929 – 1930 гадах на 4 павета Палескага ваяводства даводзілася 2096 рамеснікаў, якія мелі рамесныя карты і 611, якія займаліся рамяством без рамесных карт); слабае тэхнічнае абсталяванне рамесных майстэрняў; ручны спосаб вытворчасці; павелічэнне кошту працы; нізкі тэхнічны ўзровень прадукцыі; слабая арганізацыя гандлёвага збыту; цяжкасці, часта заснаваныя на немагчымасці адсочвання зменлівых фактараў эканамічнай кан'юнктуры; абмежаваная палітыка польскай улады ў дачыненні да рамяства. Найбольш распаўсюджанымі рамесніцкімі спецыяльнасцямі на заходнебеларускіх землях былі спецыяльнасці, звязаныя ў асноўным з выкарыстаннем таннай мясцовай сыравіны. Гэта спецыяльнасці групы апрацоўкі скуры, металу, дрэва, тэкстыльнай і сферы паслуг. Сярод іх былі сталары, цесляры, слесары, бондары, токары, краўцы, шаўцы, кавалі, гарбары. Рамесная вытворчасць Заходняй Беларусі ў 1921 – 1939 гадах была ў асноўным накіравана на задавальненне патрэб мясцовага насельніцтва, і ў першую чаргу сельскага, толькі нязначная частка рамесных вырабаў ішла на продаж за мяжу. У сувязі з тым, што плацёжасольнасць сельскага насельніцтва была нізкай, рамеснікі атрымлівалі невялікі даход. Такое даволі цяжкае становішча заходнебеларускіх рамеснікаў і рамеснай вытворчасці пагаршалі і такія неспрыяльныя ўмовы, як канкурэнцыя з боку фабрычна-завадскай прамысловасці, застой будаўнічага руху, павелічэнне колькасці прадукцыі, вырабляемай батракамі.

ЛІТАРАТУРА

1. Лабачэўская, В.А. Зберагаючы самабытнасць: з гісторыі народнага мастацтва і промыслаў Беларусі / В.А. Лабачэўская. – Мінск: Беларус. навука, 1998. – 375 с.
2. Каспяровіч, Г.І. Промыслы і рамёствы беларусаў у XX ст. / Г.І. Каспяровіч, В.А. Каспяровіч // Весці Акадэміі навук Беларусі (серыя гуманітарных навук). – 1995. – № 3. – С. 105 – 113.
3. Oryńżyna, J. Przemysł ludowy w województwach: wileńskim, nowogródzkim, poleskim, wołyńskim / J. Oryńżyna. – Warszawa, 1927. – 46 s.
4. Oryńżyna, J. Przemysł ludowy w Polsce / J. Oryńżyna. – Warszawa, 1937. – 323 s.
5. Oryńżyna, J. Przemysł ludowy w województwach wschodnich / J. Oryńżyna // Rocznik Ziemi Wschodnich. Kalendarz za rok 1937. – Warszawa, 1936. – S. 66 – 84.
6. Korybutiak, Z. Kawałstwa ludowe w województwie Wileńskim / Z. Korybutiak. – Wilno, 1936. – 39 s.
7. Turkowski, L. Ludowa wytwórczość rzemieślnicza w [województwach] Wileńskim i Nowogródzkim / L. Turkowski. – Wilno, 1935. – 32 s.

8. Turkowski, L. Źródło oddziaływań na tkactwo ludowe w Wileńskim i Nowogródzkim / L. Turkowski. – Londyn, 1977. – 35 s.
9. Turkowski, L. Tkactwo ludowe a rzemiosło tkackie w Wileńskim i Nowogródzkim / L. Turkowski // Rocznik Muzeum Narodowe Rolnictwa w Szreniawie. T. 14. – Poznań, 1984. – 151 s.
10. Bornstein, I. Rzemiosło żydowskie w Polsce / I. Bornstein. – Warszawa: Nakładem Instytutu Badań Spraw Norodościowych, 1936. – 189 s.
11. Dynowski, W. Sztuka ludowa Wileńszczyzny i Nowogródzczyzny / W. Dynowski. – Wilno, 1935. – 40 s.
12. Trzebińska-Bodzińska, H. Sztuka ludowa Wileńszczyzny i Nowogródzczyzny a szkoła / H. Trzebińska-Bodzińska. – Wilno, 1937. – 36 s.
13. Gałasiewicz, S. Ziemia Nowogródzka. Najpilniejsze gospodarze i kulturalne potrzeby / S. Gałasiewicz. – Nowogródek, 1936. – 73 s.
14. Rozporządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 7 czerwca 1927 r. «O prawie przemysłowym» // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej. – № 53. – Poz. 468. – S. 697 – 720.
15. Ziemie polnocno-wschodnie Rzeczypospolitej / red. Jozef Swiecicki. – Wilno, 1933. – 68 s.
16. Ustawa z dnia 10 marca 1934 r. «O zmianie rozporządzenia Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 7 czerwca 1927 r. o prawie przemysłowym» // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej. – № 40. – Poz. 350. – S. 686 – 694.
17. Rozporządzenie Ministra przemysłu i handlu z dnia 21 marca 1933 r. «O uzupełnieniu listy rzemiosł, zawartej w prawie przemysłowym» // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej. – № 26. – Poz. 222. – S. 571 – 572.
18. Rozporządzenie Ministra przemysłu i handlu z dnia 23 czerwca 1936 r. «O uzupełnieniu listy rzemiosł» // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej. – № 49. – Poz. 356. – S. 808.
19. Rozporządzenie Ministra przemysłu i handlu z dnia 20 lutego 1936 r. «O cechach rzemieślniczych» // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej. – № 16. – Poz. 147. – S. 294 – 297.
20. Rozporządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 27 października 1933 r. «O Izbach rzemieślniczych i ich związku» // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej. – № 85. – Poz. 638. – S. 1627 – 1631.
21. Rozporządzenie Ministra przemysłu i handlu z dnia 16 lutego 1934 r. «O ordynacji wyborczej do Izb rzemieślniczych» // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej. – № 19. – Poz. 157. – S. 311 – 317.
22. Sprawozdanie Izby rzemieślniczej w Białymstoku o stanie gospodarczym rzemiosła w roku 1930-ym. – Białystok, 1931. – 44 s.
23. Государственный архив Брестской области (ГАБО) – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 761. Сведения о состоянии кустарных ремёсел и промышленности на территории Полесского воеводства за 1933 г.
24. ГАБО – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 760. Сведения о количестве ремесленников по поветам за 1929 г.
25. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 811. Списки кустарей Полесского воеводства.
26. ГАБО. – Фонд 1 – Оп. 2. – Д. 3570. Решения полесского воеводы, заявления, переписка с поветовыми старостами и др. о выдаче патентов на занятие ремеслами.
27. ГАБО. – Фонд 1 – Оп. 2. – Д. 3573. Решения полесского воеводы, заявления граждан и переписка с поветовыми старостами и др. о выдаче патентов на занятие ремеслами.
28. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 2. – Д. 3574. Решения полесского воеводы, заявления граждан и переписка с поветовыми старостами и др. о выдаче патентов гражданам на занятие ремеслами.
29. Marczak, M. Przewodnik po Polesiu / M. Marzak. – Brześć, 1935. – 156 s.
30. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 443. Переписка со Столинским поветовым старостом, Брестской ремесленной палатой об организации и ведении ремёсел: гончарного и кирпичного в Городной, сапожного в Давид-Городке.
31. Wilno i województwo Wileńskie. Informator społeczno-gospodarczy i księga adresowa m. Wilna i województwa Wileńskiego / pod. red. P. Krasnopolskiego. – Wilno, 1937. – 82 s.

Пастыніў 06.08.2012

THE DEVELOPMENT OF HANDICRAFT AND CRAFT INDUSTRY IN WESTERN BELARUS IN 1921 – 1939

L. LAVREENKO

The article is devoted to the development of handicraft and craft industry in Western Belarus in 1921 – 1939. The research is built on numerous historic and archival documents. The author analyzes handicraft legislation of 1920 – 1930, particularly handicraft acts that regulated the main aspects of handicraft and craft industry in Western Belarus in 1921 – 1939, gives a detailed description of handicraft and craft industry conditions in Western Belarus in 1921 – 1939, characterizes the most developed handicrafts in Western Belarus. It's stated that handicraft in Western Belarus in 1921 – 1939 had transitional form (between cottage craft and factory industry) and was poorly developed. The majority of manufactured goods were aimed at local market.

УДК 94,438 (“1921-1939”)

**ПОЛЬСКАЯ ГІСТАРЫЯГРАФІЯ АГРАРНАГА ПЫТАННЯ
Ў ПРАГРАМАХ ПАЛІТЫЧНЫХ ПАРТЫЙ ІІ РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ
(1921 – 1939 гады)**

В.П. ГАРМАТНЫ
(*Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт*)

Разглядаюцца падыходы польскай гістарыяграфіі да вывучэння аграрнага пытання ў праграмах асноўных палітычных партый ІІ Рэчы Паспалітай (1921 – 1939 гады), ажыццёўлена яе перыядызацыя. Паказана актуальнасць і важнасць аграрнай праблемы, яе ўплыў на змену палітычнай сітуацыі ў Польшчы ў даследуемы перыяд. Адзначаны актыўная дзейнасць сялянскіх партый па ажыццёўленні аграрных пераўтварэнняў у краіне на карысць мясцовага сялянства, іх удзел у парламенцкай дыскусіі па разглядаемай праблеме і дачыненне да законаў аб аграрнай рэформе, якія прымаўся Соймам ІІ Рэчы Паспалітай.

Уводзіны. На працягу ўсяго існавання ІІ Рэчы Паспалітай (1921 – 1939) аграрнае пытанне заставалася адным з самых зладзённых і актуальных, ад вырашэння якога ў многім залежыў лёс Польскай дзяржавы ўвогуле. Па сваім значэнні аграрнае пытанне стаяла фактычна на адным узроўні з нацыянальным, цесна з ім спалучалася і ўзаемададаткоўвала яго, бо стаўленне да польскіх уладаў мясцовага сялянства ў многім залежыла ад вырашэння аграрнага пытання. Патрэба аграрнай рэформы ў Польшчы на пачатку 1920-х гадоў была настолькі відавочнай і тэрміновай, што ні адна з існуючых палітычных партый краіны не выступала супраць яе ажыццёўлення.

Асноўная частка. Польскую гістарыяграфію аграрнага пытання ў праграмах палітычных партый ІІ Рэчы Паспалітай у 1921 – 1939 гадах у залежнасці ад пануючых метадалагічных падыходаў і ацэнак можна падзяліць на тры асноўныя перыяды: 1) гістарыяграфія міжваеннага перыяду (1921 – 1939 гг.); 2) гістарыяграфія перыяду Польскай Народнай Рэспублікі (ПНР, 1952 – 1989 гг., фактычна з 1945 г.); 3) сучасная польская гістарыяграфія (пасля 1989 года).

Першай з польскіх навукоўцаў, хто разгледзеў аграрнае пытанне ў праграмах палітычных партый ІІ Рэчы Паспалітай, стала Аліцыя Бельцыкоўская [2], якая ў сваім даследаванні сістэматызавала праграмы асноўных тагачасных палітычных партый краіны на 1925 год. Варта адзначыць, што ў сувязі з тым, што аграрнае пытанне адыгрывала вызначальную ролю ў праграмах большасці тагачасных партый, іх месца ў палітычным жыцці краіны залежыла пераважна ад прапанаваных праектаў вырашэння аграрнага пытання. Аўтарка разглядаемай кнігі выдзеліла правыя (Народна-Нацыянальны Саюз, Związek Ludowo-Narodowy, польскія хрысціянскія дэмакраты, Chrześcijańska Demokracja і іншыя), партыі цэнтра (Polskie Stronnictwo Ludowe – “Piast”, Польская Народная Партыя – “Пяст”), левыя сялянскія (PSL – “Wyzwolenie”, ПНП – “Вызваленне”, Niezależna Partia Chłopska, Незалежная Сялянская Партыя, Chłopskie Stronnictwo Radykalne, Сялянскае Радыкальнае Аб’яднанне), левыя рабочыя партыі (Polska Partja Socjalistyczna, Польская Партыя Сацыялістычная) і палітычныя арганізацыі нацыянальных меншасцяў (Białoruski Klub, Беларускі Пасольскі Клуб, Białoruska Chrześcijańska Demokracja, Беларуска-Хрысціянская Дэмакратыя, Partja Białoruskich Socialistów-Rewolucjonistów, Беларуска-Сацыялістаў-Рэвалюцыянераў).

Кніга А. Бельцыкоўскай з’яўляецца важкім унёскам у вывучэнне аграрнага пытання ў праграмах палітычных партый ІІ Рэчы Паспалітай на сярэдзіну 1920-х гадоў і да гэтага часу не страціла сваёй навуковай вартасці.

З усталяваннем у Польшчы сацыялістычнага ладу, асабліва з утварэннем у 1952 годзе ПНР, дзейнасць польскіх гісторыкаў па вывучэнню нядаўняга мінулага строга кантралявалася Польскаю Аб’яднанаю Рабочаю Партыяй (Polska Zjednoczona Partia Robotnicza), з-за чаго магчымасці навукоўцаў па аб’ектыўнаму даследаванню дзейнасці і праграм палітычных партый ІІ Рэчы Паспалітай былі істотна абмежаваны. Так, напрыклад, кніга вядомага тагачаснага вучонага, прафесара Чэслава Мадайчыка [20] прысвечана “буржуазна-памешчыцкай аграрнай рэформе ў Польшчы ў 1918 – 1939 гадах”. Аўтар кнігі з марксісцка-ленінскіх пазіцый класавай барацьбы падрабязна разгледзеў заканадаўчае афармленне аграрнай рэформы, яе галоўныя складовыя часткі і рэалізацыю, а таксама падыходы асноўных тагачасных палітычных партый ІІ Рэчы Паспалітай да вырашэння зямельнага пытання. Мадайчык адзначае вялікую ролю ў палітычным жыцці краіны сялянскіх партый ПНП – “Пяст” і ПНП – “Вызваленне” і адначасова зазначае, што азначаныя партыі выступалі за перамовы з абшарнікамі на шляху да вырашэння аграрнай праблемы і з мэтай стрымаць рэвалюцыйны рух сялян заклікалі іх дачакацца вырашэння зямельнага пытання ў рамках закона, падкрэсліваючы пры гэтым, што “ані грамадзянскіх, ані сялянскіх правоў не здабудзецца

рабункамі і гвалтам (чытай рэвалюцыйнай барацьбой – Ч. М.), толькі здабудзецца грамадзянскім шляхам (праз Сейм)” [20, с. 101, 134].

Чэслаў Мадайчык падкрэсліваў, што адзінай партыяй у II Рэчы Паспалітай, на яго думку, сапраўды выступаючай у абарону інтарэсаў сялянства і дзякуючы якой “неслыхана ўзрасла класавая свядомасць сельскага пралетарыяту” [20, с. 222], была Камуністычная партыя Польшчы (Komunistyczna Partia Polski, КПП), якая арганізоўвала сялянскія выступленні супраць урадавай аграрнай палітыкі і прапаноўвала ажыццяўленне аграрных пераўтварэнняў па савецкаму прыкладу, шляхам умацавання рабоча-сялянскага саюза [20, с. 361] і далейшай калектывізацыі сельскай гаспадаркі. Камуністычная партыя Польшчы патрабавала перадачы сялянам памешчыцкай зямлі без усялякага выкупу і ліквідацыі памешчыкаў як класа [20, с. 353, 360], была адной з самых уплывовых на сялянства тагачасных еўрапейскіх камуністычных партый [20, с. 356].

Аўтар кнігі кротка распавядае пра дзейнасць і праграмы Незалежнай Сялянскай Партыі, Беларускай Сялянска-Работніцкай Грамады (Białoruska Włościańsko-Robotnicza Hramada) і Украінскага Сялянска-Работніцкага Сацыялістычнага Адзінства (Сельроб, Ukraińskie Włościańsko-Robotnicze Zjednoczenie Socjalistyczne), якія выступалі ў цесным саюзе з КПП, і робіць выснову, што з’яўленне азначаных партый сведчыць аб тым, што “ленінскія лозунгі ў сялянскім пытанні былі магутным сродкам мабілізацыі сялянскіх мас і што Кастрычніцкая рэвалюцыя зрабіла для сялян сцяг сацыялізму асабліва прывабным” [20, с. 228]. Кніга Ч. Мадайчыка напісана на падставе вялікай колькасці архіўных крыніц, матэрыялаў перыядычнага друку і навуковых прац, але высновы ў працы зроблены даволі тэндэнцыйна і аднабока, што было выклікана пануючымі тады ў польскай гістарычнай навуцы метадалагічнымі падыходамі класовай барацьбы.

У цэлым з польскай гістарыяграфіі перыяду ПНР неабходна асабліва адзначыць гісторыка Анджэя Войтаса, манаграфія якога прысвечана менавіта вывучэнню аграрнай праблематыцы ў польскай грамадскай думцы ў 1918 – 1948 гадах [29]. Аўтар кнігі на базе шматлікіх даследаванняў і крыніц, найперш за ўсё матэрыялаў перыядычнага друку, грунтоўна прааналізаваў стаўленне да ажыццяўлення аграрных пераўтварэнняў палітычных партый II Рэчы Паспалітай у 1921 – 1939 гадах, але разам з тым прыйшоў да высновы аб адзіна правільным характары праграмы КПП.

Праца даследчыка Ежы Хользера [14] прысвечана палітычнаму жыццю ў II Рэчы Паспалітай, у кнізе падрабязна паказаны ўмовы дзейнасці галоўных тагачасных палітычных партый, іх сацыяльная база і праграмы, адносіны да ўладаў і выступленні ў Сейме. Навуковец піша, што ў 1921 – 1939 гадах аграрная праблема была ў дзяржаве адной з самых важных і актуальных [14, с. 69 – 70], асабліва пытанне аб падзеле паміж сялянамі памешчыцкіх зямель. Хользер адзначае, што сялянскія партыі карысталіся ў грамадстве значным уплывам, асабліва ПНП-“Пяст” і ПНП-“Вызваленне” [14, с. 158], падкрэслівае, што, паводле яго меркаванняў, аграрная праграма ПНП-“Пяст” адпавядала ў першую чаргу інтарэсам заможнага сялянства і з цягам часу партыя эвалюцыянавала ў правым накірунку [14, с. 165]. Аўтар кнігі звяртае ўвагу, што найбольш радыкальнае становішча сярод тагачасных партый займала КПП, якая была апазіцыйнай не толькі адносна канкрэтнага дзяржаўнага ўрада II Рэчы Паспалітай, але і да ўсяго грамадска-палітычнага і сацыяльна-эканамічнага ладу краіны, выступала за перадачу малазямельным сялянам памешчыцкай зямлі без усялякага выкупу [14, с. 229].

У кнізе гісторыка Мар’яна Лечыка [18] даследаваны грамадска-палітычны лад II Рэчы Паспалітай у 1921 – 1939 гадах, адзначаецца, што аграрнае пытанне займала важнае месца ў праграмах палітычных партый. Сярод тагачасных палітычных арганізацый па іх адносінах да варыянтаў вырашэння ў краіне аграрнага пытання можна выдзеліць некалькі галоўных накірункаў: кансерватары (ННС) выступалі за правядзенне парцэляцыі (падзелу паміж сялянамі) безгаспадарчых і пустуючых зямель, не закранаючы асабліва памешчыцкае землеўладанне, сялянскія партыі імкнуліся да шырокага надзялення сялян памешчыцкай зямлёй праз выкуп, сацыялісты (ППС) прапаноўвалі перадачу памешчыцкай зямлі сялянам і гміннаму самакіраванню, камуністы выступалі за нацыяналізацыю памешчыцкіх зямель з перспекывай стварэння калектывных гаспадарак [18, с. 126 – 146].

Пад кіраўніцтвам прафесара Стэфана Інглата польскімі навукоўцамі напісана грунтоўная трохтомная калектывная праца па гісторыі польскага сялянства, у трэцім томе якой [13] разглядаюцца перыяд II Рэчы Паспалітай і час гітлераўскай акупацыі (1939 – 1945 гг.). Даследчыкі адзначаюць цяжкае становішча сельскай гаспадаркі краіны на пачатку 1920-х гадоў і актыўную дзейнасць тагачасных палітычных партый па вырашэнні аграрнай праблемы. З найбольш уплывовых на сялянства партый II Рэчы Паспалітай складальнікі называюць ПНП-“Пяст” і ПНП-“Вызваленне” [13, с. 231 – 239], сацыяльную базу якіх складалі самастойныя сяляне-гаспадары [13, с. 245], звяртаецца ўвага на невялікую колькасць сялян у шэрагах ППС, якая пазіцыянавала сябе як рабочая партыя [13, с. 243]. Як падкрэсліваюць аўтары-складальнікі, па бачанні неабходных аграрных пераўтварэнняў сяляне былі амаль адзінадушнымі і патрабавалі ажыццяўлення парцэляцыі і камасацыі (хутарызацыі), ліквідацыі феадальных перажыткаў, найперш за ўсё сервітутаў, заклікалі сялян дачакацца прыняцця закона аб аграрнай рэформе [13, с. 252], а найбольш рады-

кальня, прыхільнікі КПП і НСП, акрамя таго патрабавалі адзяржаўлення лясоў і вод [13, с. 255], адзначалі, што зрабіць гэта можа толькі рабоча-сялянская рэвалюцыя [13, с. 259 – 261].

У калектыўным зборніку “Палітычнае жыццё Польшчы ў 1918 – 1939 гг.” [30] паказаны ўмовы дзейнасці асноўных тагачасных палітычных партый і іх праграмы. Аўтары-складальнікі адзначаюць, што сялянскія партыі ігралі важную ролю ў палітычным жыцці II Рэчы Паспалітай у азначаны перыяд, падчас выбарчых кампаній у Сейм ішлі пад лозунгамі ажыццяўлення аграрных пераўтварэнняў і выступалі за перадачу сялянам памешчыцкіх зямель праз выкуп [30, с. 91 – 92]. У зборніку адзначаецца, што ў праграме ППС аграрнае пытанне адыгрывала другасную ролю ў параўнанні з рабочым, а ў цэлым партыя выступала за перадачу памешчыцкай зямлі сялянам і арганізацыю вёскі і сельскай гаспадаркі на прынцыпах кааперацыі [30, с. 84]. Што датычыць КПП, то камуністы выступалі за перадачу дзяржаўнай улады рабочым і сялянам і за ажыццяўленне ў II Рэчы Паспалітай пераўтварэнняў па савецкаму прыкладу, у тым ліку і ў сферы сельскай гаспадаркі [30, с. 44].

Аграрнаму пытанню ў праграме КПП у перыяд II Рэчы Паспалітай прысвечаны працы Х. Маліноўскага [21] і Х. Слабека [27]. Хенрык Маліноўскі ў сваёй кнізе раскрывае адносіны КПП да вырашэння аграрнага пытання ў пачатковы перыяд яе існавання (1918 – 1923 гг.), паказвае цяжкае становішча сельскай гаспадаркі краіны і палітычную сітуацыю на вёсцы. Даследчык адзначае, што КПП крытыкавала высунутыя іншымі партыямі праекты аграрнай рэформы і прапаноўвала ажыццяўленне пераўтварэнняў у сферы сельскай гаспадаркі па “ленінскай праграме” [21, с. 254 – 255]. У сакавіку 1922 года на III Канферэнцыі КПП прыняты “Аграрныя тэзісы” (Tezy Agrarny), паводле якіх прадугледжвалася адзяржаўленне маёнткаў “з высокай сельскагаспадарчай культуры” і падзел паміж сялянамі іншых фальваркаў [21, с. 215 – 216]. Асаблівую ролю ў выпрацоўцы адносін Кампартыі Польшчы да аграрнага пытання адыграў яе II З’езд (9 верасня – 2 кастрычніка 1923 года), які “прайшоў пад лозунгам “зямля – для сялян” і такім чынам заклаў падмурак рабоча-сялянскага саюза” [21, с. 318]. На з’ездзе было прынята рашэнне, што партыя будзе змагацца за перадачу сялянам памешчыцкіх зямель без усялякага выкупу з захаваннем адзяржаўленых вялікіх маёнткаў у прамысловых рэгіёнах [21, с. 300].

У даследаванні Хенрыка Слабека [27] разгледжана аграрная палітыка і праграма Польскай Рабочай Партыі (Polska Partja Robotcza) і яе папярэдніцы КПП у 1917 – 1948 гадах. Навуковец адзначае, што ў 1921 – 1939 гадах польскія камуністы выступалі за ажыццяўленне ў II Рэчы Паспалітай аграрных пераўтварэнняў па савецкаму прыкладу з калектывізацыяй сельскай гаспадаркі, але на мяжы 1929 і 1930 гадоў як раз падчас выбарчай кампаніі ў Сейм II Рэчы Паспалітай 1930 года ў шэрагах польскага сялянства распаўсюдзіліся звесткі аб перагібах калектывізацыі ў Савецкім Саюзе, што было на карысць сялянскім партыям, з якімі КПП вяла барацьбу за ўплыў на сялянства [27, с. 75 – 77].

Даследчык Ежы Чэпялеўскі разгледзеў у сваёй працы [7] аграрнае пытанне ў праграмах палітычных партый II Рэчы Паспалітай, але вельмі фрагментарна. Аўтар кнігі паказаў цяжкае становішча сельскай гаспадаркі пасля першай сусветнай вайны (1914 – 1918 гг.), прааналізаваў заканадаўчае афармленне аграрнай рэформы і рэалізацыю ўрадавай аграрнай палітыкі. Гісторык адзначае існаванне ў дзяржаве ў 1921 – 1939 гадах вялікай колькасці сялянскіх партый рознай накіраванасці, што аслабляла іх палітычны ўплыў [7, с. 24, 31]. Сярод тагачасных палітычных партый у першую чаргу даследчыкам паказана аграрнае пытанне ў праграме Кампартыі Польшчы, адзначаецца станоўчая накіраванасць праграмы КПП, у той час як праграмы іншых партый ацэньваюцца як рэакцыйныя і ашуканцкія. Разам з тым Ежы Чэпялеўскі адзначае, што ў 1922 – 1923 гадах КПП зрабіла значныя памылкі – недаацэніла значэнне сялянства “як натуральнага саюзніка пралетарыяту ў барацьбе за сацыялістычную рэвалюцыю” [7, с. 23]. Змена ў адносінах камуністаў да сялянства назіраецца з ліпеня 1924 года, калі ў выніку расколу ў ПНП-“Вызваленне” ўзнікла новая партыя – Незалежная Сялянская Партыя (НСП), блізкая па духу і праграме да КПП [7, с. 35].

Гісторык Хенрык Цыmek [8] разгледзеў дзейнасць легальных левых сялянскіх палітычных партый II Рэчы Паспалітай – НСП, Беларускай Сялянска-Работніцкай Грамады (БСРГ), Сельроб і іншыя, паказаў прапанаваныя імі праекты вырашэння аграрнага пытання, якія ў цэлым у многім супадалі з прапанаваным камуністамі: перадачы сялянам памешчыцкіх зямель бясплатна. Аўтар кнігі адзначае, што даследаваныя партыі дзейнічалі вельмі коратка, але дасягнулі значнага ўплыву на сялянства, асабліва ва ўсходніх ваяводствах [8, с. 113]. Цікавай з’яўляецца заўвага Х. Цымека пры аналізе сацыяльнага складу легальных левых сялянскіх партый, што паняцце найбяднейшае сялянства не заўсёды азначае найрадыкальнае, бо значную долю ў шэрагах азначаных партый і КПП складалі сяляне-сераднякі і нават заможныя вясцоўцы [8, с. 114].

Станіслава Ярэцкая ў сваёй манаграфіі ўпершыню комплексна разгледзела праграму і дзейнасць НСП у 1924 – 1927 гадах [16], адзначыла, што па аграрнаму пытанню НСП дабівалася перадачы памешчыцкіх зямель малазямельным і беззямельным сялянам без усялякага выкупу. Сацыяльную базу НСП складала сярэдняя і ў асноўным бяднейшае сялянства. Аўтар кнігі падкрэсліла, што праграма НСП была вельмі блізкая да праграмы КПП, і таму яна ацэньвае яе пазітыўна. Па сваёй праграме і сродкам дасягнення пастаўленых мэт НСП была настроена вельмі радыкальна і стала самай левай тагачаснай партыяй

пасля КПП, што не магло застацца з боку польскіх улад незаўважаным і прадвырашыла яе роспуск і забарону вясной 1925 года.

Ярэцкая адзначае, што НСП адмаўляла магчымасць супрацоўніцтва з іншымі сялянскімі партыямі, што рэзка зніжала магчымасці сумеснай палітычнай барацьбы за аграрную рэформу. Па ацэнцы гісторыка, прадстаўнікі НСП былі ў Сейме II Рэчы Паспалітай самымі актыўнымі, аб чым сведчаць сеймавыя стэнаграмы, у якіх зафіксаваны як мінімум штомесячныя прамовы паслоў (дэпутатаў) НСП [16, с. 84]. У цэлым, як паказвае даследчыца, з боку КПП дзейнасць і праграма НСП атрымалі станоўчую ацэнку, але калі для НСП падзел памешчыцкай зямлі паміж сялянамі быў мэтай, то для КПП толькі сродкам знішчэння памешчыкаў як класа і ўмовай пашырэння саюза з сялянствам [16, с. 111].

Незалежнай Сялянскай партыі прысвечана таксама манаграфія Бенона Дымека [10], які разгледзеў яе праграму і дзейнасць больш падрабязна. Навуковец прааналізаваў праграму НСП, адзначыў, што па аграрнаму пытанню партыя выступала за бясплатнае надзяленне сялян канфіскаванай у памешчыкаў зямлэй і ў адрозненне ад большасці тагачасных партый НСП даволі крытычна адносілася да парламенцкіх метадаў дзейнасці, падкрэслівала, што даць сялянам зямлю зможа толькі рабоча-сялянскі ўрад. Разам з тым прадстаўнікі сеймавага клуба НСП вельмі актыўна выкарыстоўвалі трыбуну Сейма ў барацьбе за ажыццяўленне аграрнай рэформы на карысць бяднейшага сялянства, падрыхтавалі і ўнеслі ў парламент летам 1925 года разам з сеймавымі фракцыямі КПП і БСРГ праект закона аб аграрнай рэформе [10, с. 84], які прадугледжваў перадачу сялянам памешчыцкай зямлі, але праект не быў падтрыманы пераважнай большасцю. 20 ліпеня 1925 года Сеймам прыняты ўрадавы закон аб аграрнай рэформе, які прадугледжваў выкуп сялянамі зямлі ў памешчыкаў, што супярэчыла спадзяванням левых.

Палітычную дзейнасць сялянскіх партый II Рэчы Паспалітай у 1921 – 1939 гадах даследаваў Ежы Баркоўскі [3; 4]. Навуковец падкрэслівае, што азначаныя партыі выступалі за ажыццяўленне аграрнай рэформы ў рамках існуючага ў краіне заканадаўства і адмаўлялі шлях рэвалюцыйнай барацьбы. Галоўнай мэтай польскіх сялянскіх партый у справе аграрнай рэформы было ажыццяўленне парцэляцыі абшарніцкіх зямель [3, с. 69], але іх падыходы розніліся ў справе вызначэння максімума памешчыцкага землеўладання і памеру выкупу сялянамі лішкаў. У 1931 годзе сялянскія партыі II Рэчы Паспалітай здолелі аб'яднацца і ўтварыць новую арганізацыю – “Stronnictwo Ludowe” (Народная Партыя), якая паставіла дабівацца правядзення парцэляцыі памешчыцкіх зямель на карысць сялянства [4, с. 314].

У кнізе даследчыка Вейслава Бюргера [6] разгледжаны адносіны сялянскіх палітычных арганізацый да галоўных пытанняў грамадска-палітычнага ладу II Рэчы Паспалітай. Як ужо адзначалася вышэй, у 1921 – 1939 гадах у польскай дзяржаве існаваў цэлы шэраг сялянскіх партый, якія вялі актыўную палітычную агітацыю сярод сялянства, выказвалі сваё стаўленне да тагачасных актуальных праблем дзяржаўнага ладу, і найперш за ўсё, зразумела, накіонт пераўтварэнняў у сферы сельскай гаспадаркі краіны. Даследчык паказвае эвалюцыю аграрнага пытання ў праграмах сялянскіх палітычных партый, паказвае іх удзел у парламенцкіх дыскусіях па пытанню зямельнай рэформы і адносіны да прынятых Сеймам II Рэчы Паспалітай аграрных законаў.

Аўтар кнігі адзначае, што галоўным патрабаваннем сялянскіх арганізацый было ажыццяўленне парцэляцыі, але ў адносінах да яе коштаў і вызначэння максімума ўладання зямлэй стаўленне партый рознілася [6, с. 168 – 169]. У 1931 годзе найбольш уплывовыя сялянскія партыі (ПНП-“Пяст”, ПНП-“Вызваленне”, “Сялянская Партыя”) змаглі дасягнуць кампрамісу і аб'яднацца ў “Народную Партыю”, якая паставіла мэту прыняцце дзяржавай комплекснага гаспадарчага плана, які б забяспечыў далейшае развіццё сельскай гаспадаркі краіны, ліквідацыю “нажніц цэн” (значнай перавагі коштаў на прамысловыя тавары над сельскагаспадарчымі), арганізацыю ў дзяржаве адзінага сельскагаспадарчага рынку, выкарыстанне штучных угнаенняў [6, с. 185 – 186]. Аўтар кнігі адзначае, што польскія палітычныя партыі дзейнічалі ў адзіным рэчышчы з сялянскімі партыямі іншых еўрапейскіх краін, а ў цэлым іх праграмныя патрабаванні былі рэалізаваны польскім урадам толькі часткова [6, с. 414].

Зыгмунт Хеммерлінг у сваіх працах разгледзеў сялянскі рух II Рэчы Паспалітай, Балгарыі і Чэхаславакіі ў 1893 – 1930 гадах [12] у барацьбе за ажыццяўленне аграрнай рэформы. Гісторык падкрэсліў вызначальную ролю ў польскім сялянскім руху ПНП-“Пяст”, якую ён адносіў да партый цэнтру, і ПНП-“Вызваленне”, якая адносілася да левых сіл [12, с. 185]. ПНП-“Вызваленне” мела больш радыкальную аграрную праграму, але ў цэлым азначаныя партыі па сваіх мэтах былі блізкімі і выступалі за ажыццяўленне ўрадам шэрагу аграрных пераўтварэнняў, мэтай якіх было стварэнне дробных сялянскіх заможных гаспадарак, на якія магла б абaperціся ў будучым дзяржава [12, с. 186, 194]. Аўтар разглядаемай кнігі адзначае, што сялянскія партыі II Рэчы Паспалітай, у адрозненне ад Балгарыі і Чэхаславакіі, былі ідэалагічна і арганізацыйна разадзіненымі, што зніжала іх уплыў у грамадстве – так, за 1921 – 1939 гады адзіным сялянскім палітыкам, які стаў прэм'ер-міністрам II Рэчы Паспалітай, быў лідар ПНП-“Пяст” Вінцэнт Вітас (Wincent Witos). Вітас займаў пасаду старшыні ўрада тройчы, але толькі на працягу другога тэрміну меў час, каб ажыццявіць прапагандаваныя ідэі на практыцы [12, с. 432 – 433].

Ян Яхумек разгледзеў палітычную думку ПНП-“Вызвалення” у 1918 – 1931 гадах [15], адзначыў, што галоўным патрабаваннем партыі па аграрнаму пытанню было ажыццяўленне парцэляцыі, але па ацэнцы выкупа за зямлю партыйныя дзеячы значна разыходзіліся ў сваіх меркаваннях [15, с. 42 – 43]. Прадстаўнікі “Вызвалення” падкрэслівалі, што ў сферы сельскай гаспадаркі ў Польшчы ў гэты час неабходна было правесці замену пераважна памешчыцкай формы вытворчасці на больш сучасную і трывалую – “дробную асабістую гаспадарку”. Перабудову аграрных адносін неабходна ажыццяўляць паступова, галоўную яе частку павінна была складаць парцэляцыя, дапаможную – камасацыя, меліярацыя, ліквідацыя сервітутаў, а таксама ільготнае крэдытаванне і падаткаабкладанне [15, с. 56, 65]. Варта адзначыць, што меркаванні ПНП-“Вызваленне” былі пазітыўна ўспрыняты польскімі дзяржаўцамі і знайшлі сваё адлюстраванне ў прынятых законах аб аграрнай рэформе.

Аляксандр Лучак у сваім даследаванні [19] адзначаў, што сялянскія партыі змагаліся за тое, каб сяляне занялі адпавядаючае ім месца ў палітычным жыцці II Рэчы Паспалітай і найперш за ўсё атрымалі ва ўладанне зямлю, з якой яны кормяцца і якая “з’яўляецца не толькі эканамічнаю..., але і маральнаю, і грамадскаю вартасцю” [19, с. 22 – 25, 196].

Аліцыя Венжыкоўская напісала кнігу аб дзейнасці “Сялянскай Партыі” (Stronnictwo Chłopskie, 1926 – 1931 гг.) [28], якая, па яе ацэнках, мела антыпамешчыцкі і антыкапіталістычны характар, карысталася сярод сялянства высокай папулярнасцю; аўтар паказвала сябе як абаронцу ўсяго сялянства, а па аграрнаму пытанню выступала за апору польскай дзяржавы на дробныя сялянскія гаспадаркі і перадачу зямлі ў рукі тых, хто на ёй працуе. Для гэтага неабходна была ліквідацыя сервітутаў на выгадных для сялян умовах і перадача ім без выкупа памешчыцкіх зямель [28, с. 93]. Неабходна адзначыць, што праграме “Сялянскай партыі” гісторык адваля мала ўвагі і ў асноўным распавядала пра яе дзейнасць.

Кніга Францішка Паствы прысвечана даследаванню аграрнага пытання ў праграмах польскіх рабочых партый у 1878 – 1945 гадах [23]. Аўтар кнігі адзначае, што адной з самых уплывовых тагачасных партый II Рэчы Паспалітай была ППС, якая за 1921 – 1939 годы перажыла некалькі расколаў і змен праграмы. На XXIV Кангрэсе партыі (1920 г.) была прынята аграрная праграма, якая прадугледжвала перадачу сялянам памешчыцкай зямлі і інвентару бясплатна, падтрымку з боку ўрада грамадскім і дзяржаўным гаспадаркам [23, с. 51 – 52]. Даследчык падкрэслівае, што вялікую дыскусію ў шэрагах КПП выклікала пытанне адносін да селяніна-серадняка і яго месца ў рэвалюцыйным руху [23, с. 65], адзначае частыя змены адносін ЦК КПП да спраў сельскай гаспадаркі, што было абумоўлена пераменамі палітычнага становішча ў дзяржаве, і абцяжарвала магчымасць выпрацоўкі аграрнай праграмы, дэзарганізавала шэраговых членаў партыі і змяняла ўплыў камуністаў на сялянства [23, с. 68].

У артыкуле Шымана Рудніцкага [26] разглядаецца дзейнасць Нацыянальна-Хрысціянскай Аграрнай Партыі (Chrześcijańsko-Narodowe Stronnictwo Rolnicze, НХАП), якая прадстаўляла інтарэсы памешчыкаў. Партыя падкрэслівала, што інтарэсы землеўласнікаў, у тым ліку і сялян, незалежна ад памеру ўладання зямлі, аднолькавыя, і таму трэба сумесна дзейнічаць у справе іх абароны [26, с. 187]. На першым плане ў праграме НХАП стаялі эканамічныя інтарэсы сельскай гаспадаркі [26, с. 304]. Да прынятага Сеймам Закона аб аграрнай рэформе (зацверджаны Сенатам 28 снежня 1925 года) НХАП аднеслася адмоўна і лічыла яго здрадай з боку ННС [26, с. 191].

Больш свабоднае і ўсебаковае вывучэнне разглядаемага пытання ў польскай гістарыяграфіі стала магчымым з 1989 года, з паслабленнем ідэалагічнага кантролю за дзейнасцю гісторыкаў. Чэслаў Бжоза падрабязна разгледзеў перыяд II Рэчы Паспалітай і другой сусветнай вайны (1918 – 1945 гг.) [5], асабліваю ўвагу аўтар кнігі надаў палітычнай гісторыі краіны ў 1921 – 1939 гадах: правёў сістэматызацыю тагачасных палітычных партый па іх праграмах, паказаў іх дзейнасць у Сейме ў справе заканадаўчага афармлення аграрнай рэформы. Даследчык адзначае, што большасць тагачаснага насельніцтва дзяржавы складала менавіта сялянства і аграрнае пытанне займала ў праграмах тагачасных палітычных арганізацый вельмі важнае месца. Варта падкрэсліць, што гісторык не абмінуў увагай партыі нацыянальных меншасцяў, найперш за ўсё заходнебеларускіх (БХД, БСРГ, БСС) і заходнеўкраінскіх, і дзейнасць палітычных партый II Рэчы Паспалітай.

У даведніку “Польскія партыі і грамадска-палітычныя рухі першай паловы XX стагоддзя” [25] выкладзены звесткі аб праграмах і дзейнасці асноўных палітычных арганізацый II Рэчы Паспалітай. Аграрнае пытанне займала значнае месца ў праграмах тагачасных палітычных партый, але некаторыя з іх выразна пазіцыянавалі сябе як сялянскія (ПНП-“Пяст”, ПНП-“Вызваленне”) [25, с. 113]. Адной з галоўных праблем дзяржавы заставаўся зямельны голад, які можна было вырашыць праз надзяленне сялян памешчыцкаю зямлёй, але падыходы партый у гэтым пытанні вельмі розніліся [25, с. 29, 168].

У кнізе З. Хеммерлінга падрабязна даследавана дзейнасць ПНП-“Вызваленне” ў Сейме II Рэчы Паспалітай у 1919 – 1931 гадах [11], адзначана, што партыя звяртала вялікую ўвагу на становішча сельскагаспадарчых рабочых, а галоўным лозунгам партыі быў “зямля для сялян, улада для сялян, асвета для сялян”, з якіх самым галоўным было патрабаванне надзялення сялян зямлёй праз парцэляцыю памешчыцкіх маёнткаў [11, с. 91, 95]. Прадстаўнікі “Вызвалення” ў маі 1924 года выступілі з тэрміновым праектам

ажыццяўлення аграрнай рэформы, у якім прапаноўвалі перадачу зямлі на карысць дзяржавы, што з'яднае з ёю грамадзян. Прапанаваны праект выклікаў вялікую дыскусію наконт кошту выкупа зямлі [11, с. 165]. Праект быў перададзены на разгляд Зямельнай камісіі (Komisji Rolnej) Сейма, і многія яго пастулаты ўвайшлі ў прыняты 28 снежня 1925 года Закон аб аграрнай рэформе.

Праца даследчыцы Крысціны Гамулкі [1], прысвечаная месцу Беларусі ў канцэпцыях польскіх палітычных партый у 1918 – 1922 гадах, перакладзена на беларускую мову. Аўтар кнігі звяртае ўвагу на тое, што абсалютную большасць тагачаснага заходнебеларускага насельніцтва складалі сяляне, таму ад вырашэння аграрнага пытання шмат у чым залежыў лёс польскага панавання на новадалучаных землях. Актыўную дыскусію польскія партыі вялі ў азначаны перыяд адносна насаджэння на землях Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны вайсковых асаднікаў – ветэранаў Савецка-польскай вайны 1919 – 1920 гадоў, якія атрымалі зямельныя надзелы за свае баявыя заслугі.

Войцэх Мілеўчык у сваім артыкуле [22] разгледзеў аграрнае пытанне ў праграмах польскіх палітычных партый у 1918 – 1925 гадах, ажыццявіў аналіз і сістэматызацыю партый па іх адносінах да варыянтаў вырашэння ў II Рэчы Паспалітай аграрнага пытання: нацыянал-дэмакратычныя (Народна-нацыянальны Саюз), кансерватыўныя (НХАП), хрысціянска-дэмакратычныя (польскія хрысціянскія дэмакраты), сялянскія (ПНП-“Пяст”, ПНП-“Вызваленне”) і сацыялістычныя (ППС, КПП).

У кнізе Хенрыка Цімека абмеркавана барацьба сялянскіх партый у справе межаў і грамадска-палітычнага ладу Польшчы ў 1914 – 1922 гадах [9], паказана іх дыскусія па праектах зямельнай рэформы ў Заканадаўчым Сейме і выпрацоўка імі сваёй палітычнай праграмы і найперш за ўсё аграрнага пытання.

Сярод сучасных польскіх даследчыкаў неабходна асабліва адзначыць Эвеліну Падгайну, кніга якой прысвечана “Сялянскай партыі” [24]. Паводле яе меркаванняў, адназначна акрэсліць праграму партыі немагчыма, але ў цэлым партыя выступала за ажыццяўленне аграрных пераўтварэнняў (найперш за ўсё парцэляцыі і камасацыі), дзякуючы якім павінна была паўстаць “сучасная Польшча” [24, с. 179].

Артыкул Роберта Ключэка прысвечаны ацэнцы сялянскімі партыямі ПНП-“Пяст” і ПНП-“Вызваленне” гаспадарчай палітыкі ўрада Уладзіслава Грабскага (1923 – 1925 гг.) [17], які стаў адным з распрацоўшчыкаў закона аб аграрнай рэформе ад 28 снежня 1925 года.

Аўтар разглядаемага артыкула адзначае, што дзейнасць урада У. Грабскага азначанымі партыямі ў цэлым ацэнена станоўча, як адпавядаючая асноўным патрабаванням іх аграрнай праграмы [17, с. 94].

Заклучэнне. У польскай гістарыяграфіі аграрнае пытанне ў праграмах палітычных партый у перыяд існавання II Рэчы Паспалітай (1921 – 1939 гг.) вивучана даволі падрабязна і ўсебакова, раскрыты асноўныя падыходы партый да ажыццяўлення пераўтварэнняў у сферы сельскай гаспадаркі, разам з тым застаюцца слаба вивучанымі праграмы партый нацыянальных меншасцяў, прынамсі заходнебеларускіх.

Палітычныя партыі II Рэчы Паспалітай вялі актыўную барацьбу па схіленню на свой бок сімпатый сялянства, асабліва падчас выбарчых кампаній у Сейм, выступалі са сваімі праектамі вырашэння аграрнага пытання ў перыядычным друку, выпускалі лістоўкі, брашуры, адозвы. Абсалютная большасць тагачасных палітычных партый прызнавала неабходнасць надзялення сялян зямлёй, але іх падыходы розніліся ў справе вызначэння максімума ўладання зямлёй і кошту выкупа яе ў памешчыкаў.

ЛІТАРАТУРА

1. Гамулка, К. Паміж Польшчай і Расіяй: Беларусь у канцэпцыях польскіх палітычных фарміраванняў (1918 – 1922) / К. Гамулка. – Вільня: Gryf, 2008. – 256 с.
2. Bełcikowska, A. Stronnictwa i związki polityczne w Polsce: charakterystyki, dane historyczne, programy, rezolucje, organizacje partyjne, prasa, przywódcy / A. Bełcikowska. – Warszawa: Dom Książki Polskiej, 1925. – 1086 s.
3. Borkowski, J. Ludowcy w II Rzeczypospolitej: w 2 częściach / J. Borkowski. – Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1987. – 374, 411 s.
4. Borkowski, J. Postawa polityczna chłopów polskich w latach 1930 – 1935 / J. Borkowski. – Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1970. – 475 s.
5. Brzoza, Cz. Polska w czasach niepodległości i Drugiej Wojny Światowej (1918 – 1945) / Cz. Brzoza. – Kraków: Fogra, 2001. – 424 s.
6. Burger, W. Ruch ludowy wobec kwestii społeczno-ustrojowych II Rzeczypospolitej / W. Burger. – Szczecin: Dział Wydawnictw WSM, 1983. – 414 s.
7. Ciepiewski, J. Stronnictwa i partie polityczne wobec kwestii rolnej i chłopskiej w Polsce międzywojennej / J. Ciepiewski. – Warszawa: Centralna Szkoła Partyjna przy KC PZRP, 1969. – 71 s.
8. Cimek, H. Legalne chłopskie partie rewolucyjne w Drugiej Rzeczypospolitej / H. Cimek. – Białystok, Krajowa Agencja Wydawnicza, 1988. – 157 s.
9. Cimek, H. Walka ludowców o Polskę, jej granice i ustrój w latach 1914 – 1922 / H. Cimek. – Rzeszów, Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2008. – 344 s.

10. Dymek, B. Niezależna Partia Chłopska (1924 – 1927) / B. Dymek. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1972. – 455 s.
11. Hemmerling, Z. PSL “Wyzwolenie” w parlamentach II Rzeczypospolitej, 1919 – 1931 / Z. Hemmerling. – Warszawa: Ośrodek Badań Społecznych, 1990. – 337 s.
12. Hemmerling, Z. Ruch ludowy w Polsce, Bułgarii i Czechosłowacji, 1893 – 1930 / Z. Hemmerling. – Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1987. – 453 s.
13. Historia chłopów polskich: w 3 tomach. T. 3. Okres II Rzeczypospolitej i okupacji hitlerowskiej; pod redakcją Stefana Inglota. – Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1980. – 715 s.
14. Holzer, J. Mozaika polityczna Drugiej Rzeczypospolitej / J. Holzer. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1974. – 670 s.
15. Jachymek, J. Myśl polityczna PSL Wyzwolenie 1918 – 1931 / J. Jachymek. – Lublin: Wydawnictwo Lubelskie, 1983. – 324 s.
16. Jarecka, St. Niezależna Partia Chłopska (1924 – 1927) / St. Jarecka. – Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1961. – 184 s.
17. Kluczek, R. PSL “Piast” i PSL “Wyzwolenie” wobec polityki gospodarczej rządu Władysława Grabskiego w latach 1923-1925 / R. Kluczek // Roczniki z Dziejów Ruchu Ludowego. – 1998. – № 30. – S. 77 – 94.
18. Leczyk, M. Oblicze społeczno-polityczne Drugiej Rzeczypospolitej / M. Leczyk. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1988. – 506 s.
19. Łuczak, A. Społeczeństwo i państwo w myśli politycznej ruchu ludowego II Rzeczypospolitej / A. Łuczak. – Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1982. – 272 s.
20. Madajczyk, Cz. Burżuazyjno-obszarnicza reforma rolna w Polsce (1918 – 1939) / Cz. Madajczyk. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1956. – 465 s.
21. Malinowski, H. Program i polityka rolna KPRP (1918 – 1923) / H. Malinowski. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1964. – 348 s.
22. Mielewczyk, W. Die Agrarfrage im Programm von Parteien und politischen Organisationen in Großpolen 1918 – 1925 / W. Mielewczyk // Studia historicæ-economicæ. – № 27. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2009. – 332 s.
23. Pastwa, F. Przebudowa rolnictwa w koncepcjach polskich partii robotniczych (1878 – 1945) / F. Pastwa. – Zielona Góra: Wyższa Szkoła Pedagogiczna, 1987. – 100 s.
24. Podgajna, E. Stronnictwo Chłopskie (1926 – 1931). Studium z dziejów myśli politycznej / E. Podgajna. – Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2011. – 276 s.
25. Polskie partie i ruchy społeczno-polityczne pierwszej połowy XX wieku / redakcja naukowa Kazimierz Przybysz. – Warszawa: Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR, 2010. – 328 s.
26. Rudnicki, Sz. Chrześcijańsko-Narodowe Stronnictwo Rolnicze / Sz. Rudnicki // Zemianstwo polskie, 1795 – 1945. – Warszawa, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1985. – 312 s.
27. Słabek, H. U podstaw polityki rolnej PPR w dziedzinie przebudowy ustroju rolnego (1917 – 1948) / H. Słabek. – Warszawa: WSNS przy KC PZRP, 1964. – 292 s.
28. Więzikowa, A. Stronnictwo Chłopskie, 1926 – 1931 / A. Więzikowa. – Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1963. – 288 s.
29. Wojtas, A. Problematyka agrarna w polskiej myśli politycznej 1918 – 1948 / A. Wojtas. – Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1983. – 484 s.
30. Życie polityczne w Polsce 1918 – 1939 / Wszechnica Polskiej Akademii Nauk; red. tomu Janusz Żarnowski. – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1985. – 342 s.

Пастыніў 03.12.2012

POLISH HISTORIOGRAPHY OF AGRARIAN QUESTION IN THE PROGRAMMES OF II RZECZPOSPOLITA POLITICAL PARTIES IN 1921 – 1939

V. HARMATNY

The approaches of polish historiography to studying of agrarian question in the programmes of the II Rzeczpospolita main political parties (1921 – 1939) are considered, its periodization is made, urgency and importance of the agrarian problem, its role on the changes of political situation in Poland in that times are shown. Attention is paid to the activity of peasant parties for the realization of agrarian changes in the country in favour of the local peasantry, their participation in parliamentary discussion on the given problem and attitude to the laws about the agrarian reform passed by the Seim of the II Rzeczpospolita.

УДК 658.511.5(476)+94(476)

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕМЕЦКИХ РЕПАРАЦИЙ В ВОССТАНОВЛЕНИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА БССР (1945 – НАЧАЛО 1950 ГОДОВ)

П.А. КОНЦЕВОЙ

(Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова)

Анализируется роль немецких репараций в восстановлении промышленности и сельского хозяйства БССР в послевоенный период (1945 – начало 1950 годов). После освобождения от немецкой оккупации территории БССР в республике развернулся процесс восстановления разрушенной войной экономики. При этом материально-техническое обеспечение восстановительных работ осуществлялось из целого ряда источников. В том числе использовались репарационные поставки из Германии. В счет репараций в БССР поступало промышленное оборудование, сельскохозяйственная техника и другое имущество. Репарационное промышленное оборудование составляло во второй половине 40-х – начале 50-х годов XX века значительную часть станочного парка многих белорусских предприятий. Использование немецких репараций, безусловно, ускорило темпы восстановления белорусской экономики. Однако не всегда имущество, поступающее по репарациям, обладало необходимыми качествами, к тому же оно не всегда находило должное применение в народном хозяйстве БССР. Поэтому переоценивать значение репараций для возрождения экономического потенциала БССР не следует.

Введение. Актуальность данной статьи заключается в том, что роль немецких репараций в восстановлении промышленности и сельского хозяйства БССР в послевоенный период еще недостаточно изучена. Исследование вопроса использования немецких репараций в БССР (1945 – начало 1950 годов) позволит взвешенно и непредвзято осмыслить ту роль, которую они сыграли для восстановления белорусской экономики в послевоенный период.

Среди исследований, затрагивающих рассматриваемую нами проблему, следует выделить работы российских историков М.И. Семиряги «Как мы управляли Германией» [1], П.Н. Кнышевского «Добыча. Тайны германских репараций» [2], К.И. Ковалева «Последний свидетель. “Германская карта” в холодной войне» [3]. Положительной стороной этих работ является то, что их авторы опираются на богатый архивный материал и свидетельства очевидцев. Вопросы, связанные с поступлением в СССР немецких репараций, анализируются в работах С.И. Вискова и В.Д. Кульбакина «Союзники и “Германский вопрос”» [4] и А.М. Фелитова «Германский вопрос: от раскола к объединению» [5]. Важным достоинством данных исследований стало то, что в них впервые в постсоветской историографии был поднят вопрос о роли репараций в восстановлении экономики СССР. Историографию проблемы немецких репараций рассматривает в своей монографии российский историк В.Л. Пянкевич «Репарации и труд военнопленных как источники восстановления экономики СССР после второй мировой войны (Вопросы историографии)» [6]. По исследуемому вопросу следует также выделить научные статьи отечественного историка Г.П. Бушик «Экономические связи Беларуси в годы послевоенного восстановления народного хозяйства» [7], «Міжнародныя пагадненні аб рэпарацыях і іх паступленне ў БССР у 1945 – 1946 гг. » [8] и «Значэнне германскіх рэпарацый для аднаўлення гаспадаркі г. Магілёва і Магілёўскай вобласці пасля другой сусветнай вайны» [9]. Приводимые Г.П. Бушик данные свидетельствуют о том, что репарации сыграли значительную роль в восстановлении экономики БССР.

Автором предпринята попытка анализа роли репарационных поставок в восстановлении промышленности и сельского хозяйства БССР в послевоенный период (1945 – начало 1950 гг.).

Основная часть. Особое значение для восстановления экономики СССР в послевоенный период имели решения Крымской и Потсдамской конференций о натуральной форме получения репараций с Германии. Союзники планировали получить от Германии репарационные поставки на сумму, равную 20 млрд. долл., половина из которых предназначалась Советскому Союзу. При этом только прямые потери СССР на оккупированной территории исчислялись суммой в 128 млрд. долл. [10, с. 74]. Репарации должны были взиматься с Германии в трех формах: а) единовременные изъятия в течение двух лет с момента капитуляции Германии или прекращения организованного сопротивления из ее национального богатства (промышленное оборудование, суда, подвижной состав железных дорог, иностранные инвестиции, акции предприятий и т.д.), причем эти изъятия производятся главным образом для уничтожения военного потенциала Германии; б) ежегодные товарные поставки из текущей продукции после окончания войны в течение периода, длительность которого должна быть установлена; в) использование германского труда [11, с. 253]. Данные решения предполагали демонтаж технологического оборудования с части немецких промышленных предприятий и дальнейшее его использования в различных отраслях народного хозяйства Советского Союза, в том числе и на заводах БССР. Кроме того, в пользу СССР производились поставки рабочего и продуктивного скота, а также сельскохозяйственной техники из Германии. Получение репараций в натуральной форме во многом было вынужденной мерой, однако это решение позволяло в кратчайшие сроки возродить экономику СССР.

По данным российского исследователя М.И. Семиряги, все работы по демонтажу промышленного оборудования в Германии были завершены к 1 июля 1948 года. Демонтаж основного оборудования был произведен на 3474 объектах, с которых было изъято 1118 тыс. единиц оборудования. Причем РСФСР получила 70,6 % от общего числа репарационного оборудования (2440 предприятия, 786,2 тыс. единиц оборудования), УССР – 21 % (621 предприятие, 229,1 тыс. единиц оборудования), БССР – 2,2 % (182 предприятия, 31,5 тыс. единиц оборудования). Остальные союзные республики получили незначительное количество предприятий и оборудования, не достигавшего и 1 % от общего количества [1, с. 124, 152].

Репарационные материальные ценности первоначально поступали на перевалочные базы, а затем перенаправлялись предприятиям-получателям. Одной из них являлась Центральная перевалочная база Министерства вооруженных сил СССР в городе Бресте, которая была сформирована 10 апреля 1945 года. На базе непосредственно для перегрузки репарационных поставок привлекались немецкие военнопленные [12]. Как отмечает российский исследователь П.Н. Кнышевский, на Брестской перевалочной базе, по состоянию на март 1946 года, не имелось никаких простейших механизмов, кроме узкоколейной железной дороги. Выгруженное оборудование на тыловые площадки транспортировалось в большинстве случаев волоком по земле при помощи тракторов [2, с. 32]. Кроме базы вооруженных сил в городе Бресте находился еще ряд перевалочных баз других ведомств. Через эти базы, по данным на 1 января 1947 года, прошло следующее количество вагонов с репарационным имуществом: база Министерства вооруженных сил – 1500 вагонов; база Министерства текстильной промышленности – 1553 вагона; база Министерства тяжелой промышленности – 1996 вагонов; база сельхозмашиностроения – 5282 вагона; база Министерства автомобильной промышленности – 4882 вагона; база Министерства станкостроения – 2381 вагон; база Министерства электропромышленности – 1712 вагонов; база Министерства бумажной промышленности – 1970 вагонов; база Министерства легкой промышленности – 987 вагонов; база Министерства мясомолочной промышленности – 366 вагонов; база Министерства газотопливной промышленности – 300 вагонов [13, л. 49]. Часть из этого репарационного имущества была направлена для восстановления народного хозяйства БССР.

На прибывающие из Германии в счет репараций материально-технические ценности должны были составляться акты приемки и сверки с сопроводительными документами. Далее организовывалась комиссия по учету и оценке имущества в составе: руководителя предприятия, специалиста-эксперта, главного бухгалтера и представителя финансового органа [14, л. 320]. Суммы, поступающие от предприятий, перечислялись банками долгосрочных вложений в доход союзного бюджета по § 44 раздела 12 под наименованием «Поступления от реализации трофейного народнохозяйственного имущества». После оплаты репарационное оборудование учитывалось в объеме капитальных работ на общих основаниях [15, л. 24 – 25].

Наивысшая интенсивность поступления репараций наблюдалась в 1945 – 1947 годах. Всего же по информации финансовых органов БССР за 1945 – первый квартал 1947 года было учтено и оценено оборудования и товароматериальных ценностей, поступивших в республику по репарациям, на сумму в 201 млн. руб. Еще на 36 млн. рублей за это время было оценено возвращаемое оборудование и ценности. Отдельно финорганами учитывались рабочий и продуктивный скот, автомобили и нетабельное имущество, которые за этот период были оценены на 138 млн. рублей [14, л. 319]. Одним из главных получателей репарационного оборудования являлся Минский автомобильный завод. По состоянию на ноябрь 1946 года этот завод получил в счет репараций 3233 единицы оборудования стоимостью 13,3 млн. рублей. Всего же в этот период на заводе числилось 3253 единицы промышленного оборудования на сумму 13,9 млн. рублей [16, л. 22]. В 1946 году большую часть парка производственного оборудования Минского автомобильного завода составляли станки, поставленные по репарациям. Другим крупным получателем репараций стал Минский тракторный завод. По данным на февраль 1947 года, он получил оборудование из Германии стоимостью 6 млн. руб. [17, л. 12].

Репарационное оборудование поставлялось еще на целый ряд восстанавливаемых и вновь строящихся промышленных предприятий БССР. Например, исходя из данных за июль 1949 года, на балансовой стоимости основных средств Витебской чулочно-трикотажной фабрики имени «КИМ» числилось производственного и силового оборудования на сумму в 14,8 млн. рублей [18, л. 35]. Репарационное же оборудование, числящееся за фабрикой в этот период, оценивалось на сумму в 5,496 млн. рублей [19, л. 138]. То есть более одной трети оборудования на фабрике являлось репарационным. Конечно, эти данные не говорят о том, в каком состоянии данное оборудование находилось на тот момент, и какой его процент использовался по назначению. Тем не менее доля репарационного оборудования на фабрике имени «КИМ» в 1949 году являлась значительной.

Промышленное оборудование и другое репарационное имущество, полученное народным хозяйством БССР в 1945 – 1947 годах, в ряде случаев вводилось в эксплуатацию с задержками либо использовалось неэффективно. Например, в 1947 году на фабрику пианино имени В.М. Молотова прибыло для реставрации около 1200 репарационных музыкальных инструментов. Однако у эксперта возникли затруднения с критериями оценки данной категории репарационного имущества, в связи с чем на протяжении трех месяцев было оценено только 130 инструментов. В результате фабрика, имея значительное количество пианино и роялей, не в состоянии была пустить их в производство. Кроме того, отсутствие первоначальной стоимости не давало возможности установить отпускные цены на готовую продукцию. Как следствие сложившейся ситуации, произошло значительное ухудшение финансового положения фабрики [20, л. 120]. В апреле 1947 года Минский радиозавод имени В.М. Молотова получил в порядке репараций около 8 тыс. радиоприемников для восстановления и дальнейшей их реализации в торговой сети. Однако приемка и

оценка данного имущества задерживалась из-за отсутствия эксперта. Причем приемники содержались на открытой заводской площадке и подвергались порче [20, л. 115]. В октябре 1946 года на Могилевском заводе «Строммашина» проверкой было установлено, что дирекция завода не уделила должного внимания подготовке мест хранения для прибывшего из Германии оборудования, в результате чего были допущены разуконплектование и коррозирование 23 крупных металлорежущих станков; поломка 2 токарных станков; неудовлетворительное хранение 148 единиц прочего оборудования [21, л. 1]. Между тем в соответствии с пунктом вторым «Инструкции по хранению трофейного оборудования, оставляемого на продолжительное хранение» Министерства станкостроения СССР от 19 июня 1946 года ремонтное оборудование предписывалось хранить в закрытых помещениях складского типа и лишь как исключение на непродолжительное время допускалось хранение под навесом с установлением круглосуточной охраны. Хранение же оборудования под открытым небом данная инструкция категорически запрещала [22, л. 28].

Из статистики Министерства станкостроения СССР следует, что из ремонтного оборудования, поступившего на станкостроительные предприятия Советского Союза до 1 мая 1946 года, смонтировано по состоянию на 1 июня 1946 года 41,2 % от всего полученного (3741 единица из 10103). Ввод в эксплуатацию только 41,2 % от всего подлежащего монтажу оборудования указывает на медленное наращивание мощностей станкостроительными заводами СССР за счет полученных репараций. В этом документе также отмечался тот факт, что инвентаризация ремонтного оборудования проводилась с большим опозданием [22, л. 26]. Это было связано и с тем, что ремонтное оборудование не всегда демонтировалось и транспортировалось с учетом разработанных инструкций. Например, в отчете Витебского станкостроительного завода имени Коминтерна приводятся данные о том, что поступившее на предприятие в августе 1946 года оборудование из Германии во многих случаях подвержено коррозированию вследствие нарушения его упаковки при транспортировке; электрооборудование, оснастка и инструменты в большинстве случаев упакованы в ящики отдельно от основного оборудования, к которому они прилагались, в обезличенном виде; отдельные ящики в пути были вскрыты, и из них были расхищены мелкие детали (инструменты, оснастка, аппаратура). Однако в точности установить, что было украдено из этих ящиков, не представлялось возможным в силу отсутствия специализации на мелкий груз [22, л. 32, 33]. Кроме того, транспорт с ремонтным оборудованием на Витебский станкостроительный завод имени Коминтерна прибыл без сопровождаемой охраны, а также без перегрузочного акта, повагонной ведомости со станции перегрузки. В железнодорожных накладных не были указаны номера ящиков с оборудованием [22, л. 37].

Также необходимо обратить внимание на то, что в ряде случаев оборудование, демонтируемое с одного немецкого предприятия, распределялось между целым рядом советских заводов, а потом зачастую еще не раз перераспределялось. Все это снижало эффект от использования ремонтных поставок. Например, Могилевский завод № 511 Министерства текстильной промышленности СССР во втором квартале 1946 года в порядке перераспределения получил 92 вагона с оборудованием с Калининского завода № 513. Данное оборудование было отправлено без оценки, не комплектное (имелись случаи хищения дефицитных деталей в дороге), не упакованное, погружено навалом (некоторые агрегаты поломаны при небрежной погрузке) [20, л. 83]. Поступившее на предприятия ремонтное оборудование в некоторых случаях использовалось неэффективно. Так, в справке о наличии неустановленного оборудования на Витебском коврово-плушевом комбинате на 1 января 1953 года отмечается, что на предприятии имеется 14 коврово-ленточных станков, из которых только 4 должны быть смонтированы в 1953 году, а 10 подлежат списанию. Из 5 печатных машин, полученных комбинатом по репарациям, все 5 подлежали списанию. Лучшая ситуация сложилась с 10 ленточными станками, из которых 5 предполагалось смонтировать в 1953 году, а оставшиеся 5 – в 1954 году [23, л. 5].

В одном из пунктов приказа Министерства станкостроения СССР от 8 мая 1947 года делается акцент на то, что предприятиям запрещается производить списание в лом ремонтного оборудования. При необходимости списание этого оборудования допускалось в каждом конкретном случае только с разрешения министра. Кроме того, в этом приказе отмечалось, что необходимо в дальнейшем установить систематический контроль за своевременной и правильной оценкой ремонтного имущества подведомственными предприятиями, а также за расчетами за него с бюджетом [24, л. 13, 14].

Российский исследователь Е.Ю. Зубкова обращает внимание на то, что эффективность использования полученного по репарациям оборудования в ряде случаев была невысокой вследствие борьбы различных ведомственных интересов или из-за некомпетентности чиновников. Зачастую технологические линии одного немецкого предприятия распределялись по нескольким советским заводам, часть оборудования использовалась не по назначению. Не хватало складских помещений, оборудование хранилось на открытых площадках, ржавело и приходило в негодность. Хотя на ряде предприятий дело с хранением и дальнейшим использованием ремонтного оборудования обстояло намного лучше. По мнению Е.Ю. Зубковой, важны не только абсолютные цифры репарационных поставок, но и то, насколько эффективно они применялись в различных отраслях советской экономики [25, с. 478].

По данным на 1 января 1951 года Добрушская бумажная фабрика «Герой труда» получила 1013 вагонов с ремонтным оборудованием непосредственно с демонтируемых объектов в Германии. Еще 254 вагона с немецким оборудованием было получено в порядке перераспределения с других предприятий СССР (Архангельский ЦБК, Марийский ЦБК, Нижне-Днепровская бумфабрика и другие). В свою очередь Добруш-

ская бумажная фабрика «Герой труда» передала другим предприятиям 484 вагона ремонтного оборудования. Из оставшегося в наличии оборудования 129 вагонов отдали в монтаж. Остальные 654 вагона оборудования на 1 января 1951 года находилось на базе при Добрушской бумажной фабрике [26, л. 2]. В 1950 году дважды в январе и июле производилась переоценка не смонтированного ремонтного оборудования. Сумма оценки оборудования на 1 января 1950 года составила 2 821 000 руб., а на 1 июля 1950 года еще 488 000 руб. Склады, на которых хранилось ремонтное оборудование, предназначенное для монтажа на Добрушской бумажной фабрике «Герой труда», имели земляной пол. Причем почва внутри складов песчаная, и в период ветров оборудование, хранящееся там, покрывалось пылью и песком, что значительно ухудшало его техническое состояние. Расходы на консервацию оборудования в 1950 году составили 5300 руб. [26, л. 7, 8, 11].

Ряд исследователей отмечает, что вместе с ремонтным оборудованием Советский Союз получил доступ к новейшим немецким технологиям. Однако документальный материал этого не подтверждает. Наоборот, имеются факты получения по ремонту устаревшего оборудования, и ни о каких новейших технологиях здесь говорить неуместно. Вместе с тем данное оборудование эксплуатировалось на белорусских предприятиях довольно длительный период и принесло экономическую отдачу. К примеру, после войны Витебский ковровый комбинат получил технологическое оборудование по ремонтам из Германии и ввел его в строй в 1949 году. Причем данные станки были 1906 года выпуска. После десяти лет эксплуатации это оборудование в 1960 году было передано строящемуся Брестскому ковровому комбинату, где продолжило эксплуатироваться [27, л. 4 – 7].

Кроме промышленного оборудования в СССР по ремонтам интенсивно поставлялась и сельскохозяйственная техника. Как уже отмечалось выше, к 1 января 1947 года база Министерства сельскохозяйственного машиностроения СССР в городе Бресте получила 5282 вагона с сельскохозяйственной техникой, часть из которой была направлена в хозяйства БССР [13, л. 49]. Имеется ряд фактов, свидетельствующих о поставках немецкой ремонтной сельскохозяйственной техники в хозяйства БССР. Например, в 1945 – 1946 годах Могилевский облсельхозгоснаб получил из Германии порядка ста вагонов с сельскохозяйственными машинами на сумму в 245,6 тыс. руб. [9, с. 123]. В «Справке об оснащении МТС Белорусской ССР тракторами и сельскохозяйственным инвентарем» отмечается, что в 1947 году по ремонтным поставкам МТС БССР получили 25 молотилок, 186 сеялок, 162 дисковые бороны [28, л. 216]. В сводном отчете о наличии тракторов, автомашин, сельскохозяйственных машин по МТС БССР за 1945 год приводятся данные о том, что в 1945 году в МТС Минской области поступило 35 новых тракторов и 20 тракторов по ремонтам из Германии. Позже из общего количества тракторов 18 тракторов было передано другим хозяйствам республики [29, л. 275]. При этом по факту данного отчета была составлена докладная записка в Совет Министров БССР от 17 апреля 1947 года, в которой делался акцент на то, что МТС зачастую занижают общее количество тракторов, полученных по ремонтам. Это происходило в связи с тем, что часть ремонтных тракторов поступала в неисправном состоянии, а МТС в некоторых случаях не хотели обременять себя восстановлением иностранной техники и просто не указывали ее в отчетах.

Заключение. Приведенные факты свидетельствуют о том, что при исследовании роли немецких ремонтов в восстановлении экономики БССР в послевоенный период (1945 – начало 1950 годов) следует учитывать не только общее количество полученного оборудования, но и его качество, а также то, как оно использовалось на предприятиях. При этом, несмотря на ряд недостатков, применение немецких ремонтов в восстановлении промышленности и сельского хозяйства БССР, несомненно, сыграло положительную роль и ускорило данный процесс, но преувеличивать их роль не следует.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семиряга, М.И. Как мы управляли Германией / М.И. Семиряга. – М.: РОССПЭН, 1995. – 400 с.
2. Кньшевский, П.Н. Добыча. Тайны германских ремонтов / П.Н. Кньшевский. – М.: Соратник, 1994. – 144 с.
3. Коваль, К.И. Последний свидетель. «Германская карта» в холодной войне / К.И. Коваль. – М.: РОССПЭН, 1997. – 448 с.
4. Висков, С.И. Союзники и «германский вопрос» (1945 – 1949 гг.) / С.И. Висков, В.Д. Кульбакин; отв. ред. Р.Ф. Иванов. – М.: Наука, 1990. – 304 с.
5. Филитов, А.М. Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение / А.М. Филитов. – М.: Междунар. отношения, 1993. – 240 с.
6. Пянкевич, В.Л. Ремонты и труд военнопленных как источники восстановления экономики СССР после второй мировой войны (Вопросы историографии) / В.Л. Пянкевич. – СПб.: Нестор, 1999. – 29 с.
7. Бушчык, Г.П. Экономические связи Беларуси в годы послевоенного восстановления народного хозяйства / Г.П. Бушчык // Директор. – 2005. – № 5. – С. 56 – 59.
8. Бушчык, Г.П. Міжнародныя пагадненні аб рэпарацыях і іх паступленне ў БССР у 1945 – 1946 гг. / Г.П. Бушчык // Беларус. гіст. часоп. – 2005. – № 8. – С. 10 – 15.
9. Бушчык, Г.П. Значэнне германскіх рэпарацый для аднаўлення гаспадаркі г. Магілёва і Магілёўскай вобласці пасля другой сусветнай вайны / Г.П. Бушчык // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць-3: зб. навук. прац удзельнікаў міжнар. навук. канф., Магілёў, 22 – 23 мая 2003 г.: у 2 ч.; Магіл. гарадскі выкан. кам., Магіл. дзярж. ун-т харчавання; рэдкал.: І.А. Пушкін [і інш.]. – Магілёў, 2003. – Ч. 1. – С. 119 – 127.

10. Евгеньев, В.В. Международно-правовое регулирование репараций после второй мировой войны / В.В. Евгеньев. – М.: Гос. изд. юрид. лит., 1950. – 200 с.
11. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941 – 1945 гг.: сб. док. / редкол.: А.А. Громько [и др.]. – М.: Политиздат, 1984. – Т. 4: Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4 – 11 февр. 1945 г.). – 302 с.
12. Васильев, С. Хозяйка рудной горы. Центральная перевалочная база № 3603 / С. Васильев // Вечерний Брест [Электронный ресурс]. – 2011. – № 28. – Режим доступа: <http://vb.by/article.php?topic=36&article=12603>. – Дата доступа: 05.08.2012.
13. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Фонд 786. – Оп. 3. – Д. 49. Переписка с финансовыми органами о взыскании стоимости трофейного и возвращаемого в СССР имущества. 8 июня – 6 дек. 1947 г.
14. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 93. – Оп. 9. – Д. 1048. Переписка с финансовыми органами о взыскании стоимости трофейного и возвращаемого в СССР имущества. 3 янв. – 28 сент. 1947 г.
15. Государственный архив Могилевской области (ГАМО). – Фонд 2316. – Оп. 5. – Д. 1. Приказы, распоряжения, инструкции вышестоящих организаций. 15 июня – 12 дек. 1946 г.
16. Государственный архив Минской области (ГАМино). – Фонд 2363. – Оп. 1. – Д. 2931. Годовой отчет по капитальным вложениям за 1946 г.
17. НАРБ. – Фонд 30. – Оп. 6. – Д. 72. Отчеты предприятий, Министерств и ведомств Белорусской ССР о поступлении трофейного народно-хозяйственного имущества за 1947 год.
18. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Фонд 1144. – Оп. 7. – Д. 35. Переписка с проектными организациями 1949 г.
19. НАРБ. – Фонд 93. – Оп. 9. – Д. 1058. Переписка с финансовыми органами и (другими) организациями о взыскании стоимости трофейного и возвращаемого в СССР имущества. 2 января – 17 ноября 1949 г.
20. НАРБ. – Фонд 93. – Оп. 9. – Д. 1049. Переписка с финансовыми органами о взыскании стоимости трофейного и возвращаемого в СССР имущества. 1 апреля – 31 декабря 1947 г.
21. ГАМО. – Фонд 2316. – Оп. 5. – Д. 3. Приказы и распоряжения вышестоящих организаций. 10 янв. – 14 июня 1947 г.
22. ГАВО. – Фонд 547. – Оп. 5. – Д. 3. Переписка по трофейному оборудованию (приказ Министерства и управления, акты о поступлении, отчеты об использовании трофейного оборудования). 3 янв. – 23 дек. 1946 г.
23. ГАВО. – Фонд 2948. – Оп. 1. – Д. 45. Планы ввода в действие оборудования особых поставок, пересмотра норм выработки на 1954 г., справки о наличии оборудования и организационно-технические мероприятия, обеспечивающие выполнение повышенных норм выработки на 1954 г. и отчеты за 1954 г.
24. ГАВО. – Фонд 547. – Оп. 5. – Д. 2. Приказы и распоряжения народного комиссара станкостроения и Главстанкопрома по вопросам трофейного оборудования, отчетность о поступлении и использовании трофейного оборудования. 1 июня 1945 г. – 31 июля 1950 г.
25. Зубкова, Е.Ю. Послевоенная экономика: основные проблемы и тенденции развития / Е.Ю. Зубкова // История России. XX век / А.Н. Баханов [и др.]; отв. ред. В.П. Дмитриенко. – М.: АСТ, 2000. – С. 476 – 482.
26. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 113. – Оп. 5. – Д. 61. Отчет о работе базы оборудования особых поставок за 1950 г.
27. ГАБО. – Фонд 1563. – Оп. 1. – Д. 18. Отчеты об итогах переоценки и определения износа основных фондов, оборудования, жилых зданий и др. за 1959 – 1960 гг.
28. НАРБ. – Фонд 48. – Оп. 9. – Д. 585. Инвентарные балансы (Учет наличия тракторов, автомашин, сельскохозяйственных машин по МТС, колхозам и другим хозяйствам) МСХ БССР. Янв. 1947 г. – янв. 1948 г.
29. НАРБ. – Фонд 48. – Оп. 9. – Д. 347. Инвентарные балансы по наличию тракторов, автомашин, сельскохозяйственных машин и инвентаря по МТС 1946 – 1947. Янв. 1946 г. – янв. 1947 г.

Поступила 04.12.2012

**MAIN FEATURES OF GERMAN REPARATION USAGE
IN INDUSTRY AND AGRICULTURE RESTORATION OF THE BSSR
(1945 – BEGINNING OF 1950)**

P. KONTSEVOY

This article analyzes the role of German reparations in industry and agriculture restoration of the BSSR in the postwar period (1945 – early 1950). After the BSSR liberation from the German occupation the restoring economy process in the republic began. The logistical support of reconstruction was carried out from a number of sources. German reparation deliveries were also used. The BSSR received industrial and agricultural equipment and other property. Reparation industrial equipment was the significant part of machinery equipment of many Belarusian enterprises in the second half of the 40's – early 50's of the 20th century. The use of German reparations certainly accelerated the pace of the Belarusian economy recovery. However, not always the reparation assets had necessary qualities, besides they did not always find appropriate application in the national economy of the BSSR. Therefore the importance of reparations for the revival of the BSSR economic potential should not be overestimated.

УДК 94(574:575.1-25)

**КРАТКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ГОРОДА ТАШКЕНТА
И ЕЕ КЛАССИФИКАЦИЯ****канд. ист. наук Г.К. ОТАРБАЕВА****(Южно-Казахстанский государственный университет им. М. Ауэзова, Казахстан)**

Проанализированы и обобщены наиболее значимые историографические труды, посвященные истории города Ташкента. Особенностью работы является привлечение в научный оборот новых материалов, появившихся вследствие открытий отдельных фондов государственных архивов Узбекистана. Автор подчеркивает историографическую важность работ конца XIX – начала XX века. Советская историография представлена трудами активных участников революционных преобразований в Туркестанском крае. Зарубежная историческая школа выработала свою (альтернативную) интерпретацию процессов становления и развития национального движения, которое подвергалось многими советскими историками целенаправленной фальсификации. Существенный вклад в историографию проблемы внесли бывшие казахстанские соотечественники и выходцы из различных национальных регионов России.

С незапамятных времен наши предки жили в различных городах Центрально-азиатского региона, одним из которых был Ташкент. Выгодно расположившийся в зоне достаточно благоприятных природно-климатических условий, на перекрестке древних караванных путей, этот город на протяжении нескольких столетий был родным местом для многих поколений казахов. После завоевания края Российской империей Ташкент стал центром Туркестанского генерал-губернаторства.

Ташкент оставался одним из важнейших политических, экономических и культурных центров Средней Азии и после установления в крае Советской власти. История города Ташкента второй половины XIX – первой четверти XX века является частью одного из самых противоречивых периодов в истории казахского народа. С именем этого города связано формирование многих политических движений и организаций, лидерами и активными участниками которых были представители местной казахской интеллигентной элиты.

Основная часть. Многие авторы разных поколений рассматривали историю Ташкента в связи с происходившими в регионе социально-культурными и общественно-политическими событиями. Как показывает историографический анализ, по отдельным направлениям изучаемой темы к настоящему времени была проделана определенная работа. Исходя из содержания концептуально-методологических подходов всю имеющуюся литературу можно разделить на 4 группы:

- 1) публикации периода царской колонизации;
- 2) работы советского периода;
- 3) исследования, предпринятые после распада СССР и обретения Казахстаном независимости;
- 4) труды зарубежных авторов.

Давая общую концептуальную оценку *первой группе работ*, необходимо заметить, что в основе своей они соответствовали задачам и установкам идеологии имперской политики царского самодержавия, которая осуществлялась в Средней Азии. Тем не менее в них содержался ценный фактический материал, объективно содействующий наращиванию исторических знаний.

Авторами этих работ были в основном выходцы из России, по заданию или по своей воле приехавшие в Среднюю Азию до и после завоевания ее царскими войсками. Многие из них имели целью изучить город и крепостные укрепления, караванные дороги, соединявшие их с северо-западными областями, городскую жизнь и занятия населения, социально-экономическую и этнополитическую ситуацию, а также обычаи, традиции и нравы местных мусульманских народов. Ощутимым вкладом в исследование, в частности, города Ташкента явился труд Н.А. Маева «Азиатский Ташкент» [1]. В нем автор, основываясь на собственных наблюдениях и данных, собранных опросным путем, приводит весьма ценные сведения о социально-экономической и культурной жизни города.

Внутреннюю работу по изучению состояния ремесленного производства, торговли и быта коренного населения Ташкента (в том числе казахского) и других городов региона проделали А.П. Хорошхин, М.А. Терентьев, И.И. Гейер, Н.П. Верховский, Г. Головин и другие [2 – 7].

Много интересных данных имеются о городе Ташкенте в работах Н.М. Малицкого, достаточно детально описавшего ташкентские махалля и маузе, историко-топографическую картину жилых кварталов города. Данная работа и в наше время не потеряла своей значимости как источник знаний по социально-экономической истории города [8 – 9].

В конце XIX – начале XX века заметно усиливается интерес исследователей к изучению этнической истории и политической жизни Ташкента и сопредельных территорий. Здесь следует особо выде-

лить работы Д.И. Романовского, Н.П. Остроумова, М.Н. Галкина, А.А. Кауфмана, А.И. Добросмылова, Н.С. Лыкошина, А. Диваева, А.И. Макшеева [10 – 19], в которых содержатся ценные материалы о казахах, живших в Ташкенте и других населенных пунктах Средней Азии.

Интересные сведения о национальном составе Ташкента и Ташкентского уезда, а также о жизни и разнообразной деятельности казахов имеются в трудах А.И. Добросмылова, А. Диваева, М.Н. Галкина и А.И. Макшеева. Несмотря на имеющиеся в этих исследованиях некоторые противоречивые сведения о национальном составе и численности тех или иных среднеазиатских народов (в том числе казахов), необходимо подчеркнуть, что указанные авторы, безусловно, внесли ощутимый вклад в историческую и этнографическую науку.

Первые работы *второй группы* появились в начале 20-х годов прошлого века. Тогда советская историческая школа еще только зарождалась и марксистская методология не приобрела всеохватывающего характера. В результате наблюдался определенный мировоззренческий плюрализм, допускались альтернативные суждения. Это определило тот факт, что именно в те годы появился ряд работ, в которых делалась попытка объективного анализа социально-экономических и этнополитических процессов, происходивших в Туркестане в исследуемый период.

Особо следует заметить, что многие из авторов этих публикаций были современниками, а в некоторых случаях даже участниками бурных событий конца XIX – первой четверти XX века. К этим авторам можно отнести: С. Асфендиярова, Г. Сафарова, С. Муравейского, Т. Рыскулова, Г.Н. Бройдо, А.В. Шестакова, А. Алтиева, А. Бочагова, М. Тынышпаева, М. Немченко, И. Ходорова, М. Варейкиса, И. Зеленского [20 – 35].

Большинство исследователей этого периода не были историками-профессионалами, однако в своих работах они освещали достаточно широкий круг вопросов, касающихся истории становления и деятельности национальных общественно-политических организаций, особенностей социально-экономических процессов, военной, культурно-просветительской и иных сфер жизни Ташкента и в целом Туркестана.

В частности, Г. Сафаров, анализируя политическую ситуацию в Ташкенте и других городах Туркестана после Февральской революции 1917 года, отмечал, что «...совершенно особым путем идет политическое развитие мусульманских масс. Коренным вопросом революции для них, конечно, был вопрос о национальном освобождении» [21, с. 55]. А после прихода к управлению Туркестаном большевиков, по мнению Г. Сафарова, «политически был закреплен колонизаторский характер новой Советской власти...» [21, с. 70]. Он также считал, что ликвидация Туркестанской («Кокандской») Автономии привела к тому, что «между русским новым городом и обитающей в нем Советской властью и широкими массами коренного населения образовалась непроходимая пропасть» [21, с. 81].

Значительное внимание в работах Г. Сафарова, Т. Рыскулова, А.К. Бочагова и некоторых других авторов 1920-х годов уделяется истории становления и развития реформаторского движения мусульманских народов и их политических организаций, в частности казахской партии «Алаш», филиал которой, как известно, активно действовал и в Ташкенте. Ими предпринимались попытки анализа социальной базы национальных организаций и движений, их программных положений, характера взаимосвязей с родственными партиями сопредельных регионов, а также эволюции политических идей и воззрений.

В эти годы продолжались исследования по изучению этнической истории казахов и других народов Средней Азии. Так, вопросам освещения истории коренного населения Ташкентского уезда посвящена работа М. Тынышпаева [32], рассматривающего историю расселения казахов в этом регионе в до-революционный период. В трудах М. Немченко, И. Ходорова, М. Варейкиса, И. Зеленского и других исследуются причины и особенности проведения национально-территориального размежевания республик Средней Азии и Казахстана.

В конце 20-х и в 30-е годы XX века публикации по различным аспектам исследуемой темы продолжали выходить. В работах А. Аршаруни, П. Алексеенкова, М. Цвибака, Х. Габидуллина, Д. Манжары, Т. Рыскулова, С. Асфендиярова, С. Брайнина и Ш. Шафира, которые были изданы в этот период, уже вполне отчетливо ощущалось влияние идеологии классовой борьбы [36 – 43].

Так, пытаясь дать свою оценку отношению казахов, узбеков, других коренных народов края к октябрьским событиям 1917 года, Д. Манжара высказывает следующую мысль: «В действительности широкие массы дехканства, рабочие, беднота, батрачество, частью среднее дехканство и кустари с первых дней революции, может быть вначале смутно, но все же поняли, что только рабочий класс, руководимый партией большевиков, взяв власть в свои руки и организовав орган диктатуры пролетариата – Советскую власть, может окончательно освободить их от векового рабства и угнетения не только самодержавным царем и русской буржуазией, но и баями, манапами и муллами» [40, с. 141].

Многие представители национальной, в том числе казахской политической элиты Ташкента, были обвинены в пропаганде «панисламизма» и «пантюркизма» только лишь за призывы (в годы царской власти) к объединению усилий мусульманских и тюркских народов в борьбе против общего врага – колонизаторства.

В целом, в условиях постепенного утверждения монополии марксистской методологии, историческая наука становилась все более политизированной, а научные исследования все чаще фальсифицировали события прошлого и реальную действительность.

В 40 – 80-е годы в свет вышла большая масса публикаций, в той или иной степени имеющих отношение к этой проблеме. Среди них можно выделить работы А. Ниалло (Станишевского), М. Вахабова, Ф. Азадаева, К.Е. Бендрикова, В. Суворова, Ю.А. Соколова, З.К. Ахмеджанова, А. Нусупбекова, Х. Турсунова, З.Д. Кагельской и других [44 – 53].

В течение всего этого долгого периода советские исследователи продолжали отвечать на многие узловые вопросы истории неизменно с одинаковых, вульгарно-классовых позиций. В публикациях мы находим знакомую и к тому времени утвердившуюся в сознании людей характеристику деятельности представителей национальной, в том числе казахской политической элиты г. Ташкента конца XIX – нач. XX века, как в значительной степени не отвечающей «настоящим» интересам «трудящихся масс коренного населения». Что касается национальных политических организаций («Алаш» и др.), то их деятельность была оценена как сугубо антинародная и реакционная.

Местные историки, находясь под жестким идеологическим контролем, были вынуждены обосновывать тезис о «прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России» и «созидательном» воздействии «революционной России» на коренные народы и убеждать, что советская власть «полностью и окончательно решила национальный вопрос».

Тем не менее, определенный вклад в историографию проблемы был все же внесен. В частности, после известных постановлений, направленных на развенчание культа личности Сталина, был приоткрыт доступ к архивам, осуждена практика массовых политических репрессий, созданы более благоприятные условия для научной деятельности.

В работе Ф.И. Азадаева [46] на основе большого фактологического материала дается достаточно обстоятельный анализ социально-экономической и политической истории Ташкента второй половины XIX века. Многие аспекты политической жизни г. Ташкента были раскрыты в монографическом исследовании М.Г. Вахабова [45].

В крупном, фундаментальном труде К.Е. Бендрикова [47] предпринята попытка освещения истории народного образования в Туркестане с 1865 по 1924 год, где имеются интересные статистические и обобщающие сведения о казахских учебных заведениях и учащейся молодежи города Ташкента. В коллективной монографии «Непролетарские партии России. Урок истории» [54] наряду с общероссийскими партиями комплексно рассматривается и деятельность некоторых национальных организаций России. Значительный интерес представляют работы К. Гусева, В. Полушкиной, Л. Спирина, В. Григорьева [55 – 57], в которых предлагается обстоятельный анализ позиции, стратегии и тактики большевиков по отношению к казахским (и другим) национальным политическим партиям и их лидерам. В работах А. Нусупбекова, Х. Турсунова используется большой пласт ранее не включенных в научный оборот документальных источников по истории национально-территориального размежевания [51; 52].

К концу 80-х годов XX века начавшийся в стране процесс «гласности» способствовал росту национального самосознания, вырванию общественной потребности в возрождении исторической правды. Опираясь на новые общественно-политические реалии, трезво мыслящие ученые-обществоведы попытались отойти от стереотипов официальной методологии, пересмотреть прежние идеологизированные оценки, высветить «провалы» в истории колониального и советского времени.

Накануне распада СССР историография исследуемой проблемы пополнилась целым рядом новых публикаций [58 – 60], основная масса которых была представлена в виде журнальных статей. Исследователям к этому времени уже удалось обосновать необходимость выработки качественно новых методологических подходов к оценке прошлого и подготовить научно-теоретическую базу для современной исторической науки.

Широкие возможности для объективного исторического анализа, как известно, открылись после обретения бывшими союзными республиками государственного суверенитета. За годы независимости появилось немало коллективных трудов, учебников и учебных пособий [61 – 64], монографических исследований [65 – 76] и диссертационных работ [77 – 84], раскрывающих некоторые аспекты изучаемой проблемы. В частности, в работах М.С. Бурабаева, Ш. Елеукунова, Л.Д. Кудериной, Б.И. Садыковой и других [65 – 67; 72] впервые на основе новых концептуальных положений анализируется общественно-политическая, научная и творческая деятельность виднейших представителей казахской интеллигенции: А. Букейханова, М. Дулатова, М. Жумабаева, Ж. Аймаутова, С. Садвокасова, С. Ходжанова, Х. Досмухамедова, М. Чокая, в силу известных объективных обстоятельств связавших на определенное время свою судьбу с Туркестаном и городом Ташкентом. В исследованиях Н. Абдурахимовой, Г. Рустамовой, Ф. Исхакова, Т.В. Котюковой, С. Агзамходжаева, С. Мадуанова, З.Т. Садвокасовой и других [68 – 71; 73; 75] на большом документальном материале переосмысливается сущность и содержание колониальной политики России в Туркестане; освещаются малоизвестные страницы истории национально-освободительной борь-

бы народов края, в том числе казахов; прослеживается эволюция национальной реформаторской мысли; раскрываются особенности этнополитических, торгово-экономических и культурных контактов казахов с другими среднеазиатскими народами; обобщается опыт образования и деятельности первой национально-демократической государственности в Туркестане – Туркистон Мухторияти и т.п.

В последние годы были также защищены докторские и кандидатские диссертации, которые внесли существенную лепту в историографию исследуемой проблемы. Так, в диссертационных работах Ш.С. Гоффорова, Р.М. Абдуллаева, Р.Ю. Турсуновой, Н.И. Алимовой [77; 80 – 82] освещаются различные аспекты истории социально-экономической, политической, идеологической и духовной жизни коренного населения в условиях колониального режима и первых лет существования советской власти. В кандидатской работе М.Ф. Шариповой впервые в новых исторических условиях в качестве объекта диссертационного исследования был рассмотрен блок вопросов, связанных с изучением общественно-политического положения города Ташкента во второй половине XIX – начале XX века [84].

В контексте обозначенной темы особый интерес вызывает кандидатская диссертация А.А. Бахтибаева [79], в которой комплексно исследуются важнейшие особенности жизни и деятельности представителей казахской диаспоры на территории Узбекистана в 1920 – 1930-е годы. В работе достаточно обстоятельно прослежены демографические и миграционные процессы в Средней Азии, освещены вопросы развития национальной культуры и образования местного казахского населения. Дается объективная оценка места и исторической роли казахской интеллигенции в общественно-политической и культурной жизни города Ташкента и всего региона.

С распадом СССР значимым фактором для исторической науки новых независимых государств стало разрушение искусственных преград, долгие годы препятствующих общению местных историков с их зарубежными коллегами. В советское время, как известно, труды «буржуазных» исследователей откровенно игнорировались, а их научные оценки фальсифицировались. Анализируя результаты их научных изысканий по интересующей нас проблеме, приходится констатировать, что наиболее продвинутыми в ее изучении оказались зарубежные коллеги [85 – 87].

Зарубежная историческая школа накопила богатый опыт анализа концептуальных основ колониальной политики России в Средней Азии, а также процессов насильственной советизации в регионе и противодействия ей со стороны широких масс коренного населения. Представители этой школы, руководствуясь общемировыми принципами научного познания, давали свою (альтернативную) интерпретацию сложных, во многом противоречивых процессов, связанных со становлением и развитием национального движения, которое, как мы знаем, подвергалось многими советскими историками особой, целенаправленной фальсификации. Они справедливо обвиняли советскую историческую школу в односторонности, ненаучности и идеологизированности.

Существенный вклад в историографию проблемы внесли и некоторые бывшие наши соотечественники и выходцы из различных национальных регионов России. В их числе М. Чокай, З.В. Тоган, М.Э. Расул-заде, А. Авторханов, Б. Хаит и другие [89 – 94].

Вместе с тем мы можем констатировать, что к настоящему времени еще не подготовлена специальная фундаментальная работа, в которой были бы комплексно рассмотрены важнейшие особенности социально-экономической, политической и духовной жизни многонационального населения, в том числе казахского города Ташкента во второй половине XIX – первой четверти XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маев, Н.А. Азиатский Ташкент / Н.А. Маев // Материалы для статистики Туркестанского края. – Вып. IV. – СПб., 1876. – С. 260 – 313.
2. Хорошхин, А.П. Сборник статей, касающихся Туркестанского края / А.П. Хорошхин. – СПб., 1876. – 532 с.
3. Терентьев, М.А. Статистические очерки Средне-Азиатской России / М.А. Терентьев. – СПб., 1874. – 129 с.
4. Гейер, И.И. Путеводитель по Туркестану / И.И. Гейер. – Ташкент, 1901. – 255 с.
5. Гейер, И.И. Кустарные промыслы в Ташкенте / И.И. Гейер. – Ташкент, 1903. – 32 с.
6. Верховский, Н.П. Туркестан в районе Ташкентской железной дороги и грузы этой дороги / Н.П. Верховский. – СПб., 1910. – 311 с.
7. Головин, Г. Кустарные промыслы Ташкента / Г. Головин. – Ташкент, 1909. – 16 с.
8. Малицкий, Н.М. К истории Ташкента под кокандским владычеством / Н.М. Малицкий // Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. – Ташкент, 1900. – Т. V. – С. 126 – 137.
9. Малицкий, Н.М. Ташкентские махалля и маузе / Н.М. Малицкий. – Ташкент, 1915.
10. Романовский, Д.И. Заметки по среднеазиатскому вопросу / Д.И. Романовский. – СПб., 1868. – 291 с.
11. Остроумов, Н.П. Сарты. Этнографические материалы / Н.П. Остроумов. – Ташкент, 1890.

12. Остроумов, Н.П. К 50-летию Ташкента / Н.П. Остроумов. – Пг., 1915. – 80 с.
13. Галкин, М.Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю / М.Н. Галкин. – СПб., 1867. – Т. 1. 250 с.
14. Кауфман, А.А. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края / А.А. Кауфман. – СПб., 1903. – 205 с.
15. Добросмыслов, А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк / А.И. Добросмыслов. – Ташкент, 1912. – 520 с.
16. Лыкошин, Н.С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения / Н.С. Лыкошин. – Пг., 1916. – 415 с.
17. Диваев, А. Предание о возникновении азиатского города Ташкента / А. Диваев // Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. – Ташкент, 1900. – Т. V. – С. 145 – 151.
18. Макшеев, А.И. Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае / А.И. Макшеев. – СПб., 1898. – 60 с.
19. Макшеев, А.И. Путешествия по киргизским степям и Туркестанскому краю А. Макшеева / А.И. Макшеев. – СПб., 1896. – 257 с.
20. Асфендияров, С. Социальная революция и мусульманские страны / С. Асфендияров // Известия. – Ташкент. – 1920. – 15 января.
21. Сафаров, Г. Колониальная революция (опыт Туркестана) / Г. Сафаров. – М.: Госиздат, 1921. – 147 с.
22. Сафаров, Г. Проблемы Востока / Г. Сафаров. – Петроград: Госиздат, 1922. – 183 с.
23. Сафаров, Г. Национальный вопрос и пролетариат / Г. Сафаров. – Петроград: Госиздат, 1922. – 202 с.
24. Муравейский, С. Материалы по истории Октябрьской революции в Туркестане / С. Муравейский. – Ташкент: Подотдел печати ЦККПТ, 1922. – 67 с.
25. Муравейский, С. Сентябрьские события в Ташкенте в 1917 году / С. Муравейский // Пролетарская революция. – 1924. – № 10. – С. 138 – 161.
26. Рыскулов, Т. Революция и коренное население Туркестана: сб. ст., докл., речей и тез. / Т. Рыскулов. – Ташкент: Узгосиздат, 1925 – Ч. I: 1917 – 1918 гг. – 218 с.
27. Рыскулов, Т. Современный Казахстан / Т. Рыскулов // Новый Восток. – М., 1926. – Кн. 12. – С. 105 – 120.
28. Бройдо, Г.Н. Материалы к истории восстания киргиз в 1916 году / Г.Н. Бройдо // Новый Восток. – М., 1924. – Кн. 6. – С. 434.
29. Шестаков, А.В. Восстание в Средней Азии в 1916 году (к десятилетию событий) / А.В. Шестаков // Историк-марксист. – М., 1926, Т. 2: Изд-во ком. акад. – 291 с.
30. Алтиев, А. Национальная политика и практика на местах / А. Алтиев // Жизнь национальностей. – М., 1922. – № 6 – 7. – 14 апр. – С. 3.
31. Бочагов, А.К. Алаш-Орда. Краткий исторический очерк о национально-буржуазном движении в Казахстане (1917 – 1919 гг.) / А.К. Бочагов. – Кзыл-Орда: Изд-во К.С.С.Р., 1927. – 57 с.
32. Тынышпаев, М. Историческая справка и племенной состав коренного населения Ташкентского уезда / М. Тынышпаев. – Кзыл-Орда, 1926. – 12 с.
33. Немченко, М. Национальное размежевание Средней Азии / М. Немченко. – М., 1925. – 28 с.
34. Ходоров, И. Национальное размежевание Средней Азии / И. Ходоров // Новый Восток. – М. – 1925. – С. 8 – 9.
35. Варейкис, М. Национально-государственное размежевание Средней Азии / М. Варейкис, И. Зеленский. – Ташкент, 1924. – 86 с.
36. Аршаруни, А. Кризис тюркской идеологии // Новый Восток / А. Аршаруни. – М., 1928, Кн. 22. – С. 249 – 253.
37. Аршаруни, А. Очерки панисламизма и пантюркизма в России / А. Аршаруни, Х. Габидуллин. – М.: Безбожник, 1931. – 140 с.
38. Цвибак, М. Классовая борьба в Туркестане / М. Цвибак // Историк-марксист. – М., 1929. – № 11 – С. 130 – 151.
39. Алексеенков, П. Кокандская автономия / П. Алексеенков // Сб.: Революция в Средней Азии. – Ташкент: Среднеазиатское бюро ЦК ВКП(б), 1928. – С. 21 – 40.
40. Манжара, Д.И. Воспоминания. Революционное движение в Средней Азии 1905 – 1920 г. / Д.И. Манжара. – Ташкент: Средазпартиздат, 1934. – 148 с. С.141
41. Рыскулов, Т. О контрреволюционной Алаш-Орде и ее осколках / Т. Рыскулов // Казахстанская правда. – 1935. – 10 мая.
42. Асфендияров, С. Национально-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане / С. Асфендияров. – Москва – Алмаата, 1936.
43. Брайнин, С. Против идеализации и упрощенческого понимания исторического прошлого алашского движения / С. Брайнин, Ш. Шафиро // Историк-марксист. – Москва, 1934. – № 2. – С. 76 – 88.

44. Ниалло, А. (Станишевский) Очерки истории революции и гражданской войны в Киргизии и Средней Азии / А. Ниалло. – Фрунзе: Изд-во Комитета наук при СНК, 1941. – 161 с.
45. Вахабов, М.Г. Ташкент в период трех революций / М.Г. Вахабов. – Ташкент: Госиздат УзССР, 1957. – 284 с.
46. Азадаев, Ф.И. Ташкент во второй половине XIX века. Очерки социально-экономической и политической истории / Ф.И. Азадаев. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1959. – 242 с.
47. Бендриков, К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865 – 1924 гг.) / К.Е. Бендриков. – М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1960. – 510 с.
48. Суворов, В. Историко-экономический очерк развития Туркестана (по материалам железнодорожного строительства в 1880 – 1917 гг.) / В. Суворов. – Ташкент: Госиздат УзССР, 1962. – 172 с.
49. Соколов, Ю.А. Ташкент, ташкентцы и Россия / Ю.А. Соколов. – Ташкент: Узбекистан; 1965. – 189 с.
50. Ахмеджанов, З.К. К истории строительства железных дорог в Средней Азии (1880 – 1917 гг.) / З.К. Ахмеджанов. – Ташкент: Наука, 1965 – 214 с.
51. Нусупбеков, А. Объединение казахских земель в Каз.ССР / А. Нусупбеков. – Алма-Ата: АН Каз. ССР, 1953. – 99 с.
52. Турсунов, Х. Образование Узбекской Советской Социалистической Республики / Х. Турсунов. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957. – 243 с.
53. Кастельская, З.Д. Из истории Туркестанского края / З.Д. Кастельская. – М.: Наука, 1980. – 118 с.
54. Непролетарские партии России. Урок истории. – М.: Наука, 1984. – 512 с.
55. Гусев, К. Стратегия и тактика большевиков в отношении непролетарских партий / К. Гусев, В. По-лушкина. – М.: Политиздат, 1983. – 79 с.
56. Спирин Л. Россия, 1917 год. Из истории борьбы политических партий / Л. Спирин. – М.: Мысль, 1987. – 333 с.
57. Григорьев, В. Противостояние (Большевики и непролетарские партии в Казахстане. 1917 – 1920 гг.) / В.Григорьев. – Алма-Ата: Казахстан, 1989. – 252 с.
58. Шалекенов, У.Х. К истории освободительной борьбы казахов в 50-х годах XIX в. / У.Х. Шалекенов // История и историография национально-освободительных движений второй пол. XIX – нач. XX века в Средней Азии и Казахстане: итоги, поиски, перспективы изучения. – Ташкент: ФАН, 1989. – 133 с.
59. Семенюта, В.А. Продовольственный кризис в Туркестане в 1917 – 1918 годах и его преодоление / В.А. Семенюта // Общественные науки в Узбекистане. – Ташкент, 1989. – № 12. – С. 34 – 38.
60. Абдуллаев Р. Из истории национальных политических идей / Р. Абдуллаев // Человек и политика. – 1991. – № 9. – С. 87 – 94.
61. Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. – Ташкент: «Шарк», 2000. – 672 с.
62. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). Т. 3. – Алматы. «Атамұра», 2000. – 768 с.
63. Туркестан на историческом повороте (1917 – 1920 гг.) / С. Тилеукулов [и др.]. – Ташкент: «Халк мероси», 2002. – 161 с.
64. История Казахстана и Центральной Азии: учеб. пособие / М.Х. Абусейтова [и др.]. – Алматы: «Дайк-Пресс», 2001. – 616 с.
65. Бурабаев, М.С. Общественная мысль Казахстана в 1917 – 1940 гг. / М.С. Бурабаев. – Алма-Ата: «Гылым», 1991. – 256 с.
66. Елеукинов, Ш. Магжан / Ш. Елеукинов. – Алматы: «Санат», 1995. – 384 б.;
67. Кудерина, Л.Д. Геноцид в Казахстане / Л.Д. Кудерина. – М.: «Скорпион», 1994. – 63 с.
68. Абдурахимова, Н. Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX – I четверти XX века / Н. Абдурахимова, Г. Рустамова. – Ташкент: Университет, 1999. – 161 с.
69. Исхаков, Ф. Национальная политика царизма в Туркестане (1867 – 1917 гг.) / Ф. Исхаков. – Ташкент: Фан, 1997. – 202 с.
70. Мадуанов, С. Взаимоотношения казахов с другими соседними народами Центральной Азии в XVIII – нач. XX в. (политические и социально-экономические аспекты) / С. Мадуанов. – Алматы: Білім, 1995. – 274 с.
71. Котюкова, Т.В. Туркестан и Государственная Дума Российской империи: аспекты взаимодействия / Т.В. Котюкова. – Ташкент, 2003. – 60 с.
72. Садыкова, Б.И. Мустафа Чокай / Б.И. Садыкова. – Алматы: Алаш, 2004. – 240 с.
73. Садвокасова, З.Т. Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (II пол. XIX – нач. XX в.) / З.Т. Садвокасова. – Алматы: Дарын, 2005. – 277 с.
74. Тилеукулов, Г., Из истории Казахского педагогического института в Ташкенте / Г. Тилеукулов, Г. Тилеукулова. – Алматы, 2005. – 121 с.
75. Агзамходжаев, С. История Туркестанской Автономии (Туркистон мухторияти) / С. Агзамходжаев. – Ташкент: Ташкент ислом университети, 2006. – 268 с.

76. Турсын, Х.М. Туркістан улт – азаттык козгалысы және Туркістан Мухтарияты / Х.М. Турсын. – Алматы: Нурлы Элем, 2006. – 128 б.
77. Абдуллаев, Р.М. Национальные политические организации Туркестана в 1917 – 1918 гг.: дис. ... д-ра ист. наук / Р.М. Абдуллаев. – Ташкент, 1998. – 290 л.
78. Салижанова, Г.Ф. Учебно-просветительские очаги в Туркестане, их общественное значение (конец XIX – нач. XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Г.Ф. Салижанова. – Ташкент, 1998. – 38 с.
79. Бахтибаев, А.А. Казахская диаспора в Узбекистане в 1920 – 1930 гг. (исторический аспект): дис. ... канд. ист. наук / А.А. Бахтибаев. – Алматы, 2000. – 121 л.
80. Алимова, Н.И. Политика царской России в Туркестане в области национальной культуры (1867 – 1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н.И. Алимова. – Ташкент, 2004. – 22 с.
81. Турсунова, Р.Ю. Городское самоуправление в Туркестане (1877 – 1918 гг.): автореф. дис. канд. ист. наук / Р.Ю. Турсунова. – Ташкент, 2000. – 23 с.
82. Гоффоров, Ш.С. Переселенческая политика Российской империи в Туркестане (вторая пол. XIX – нач. XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Ш.С. Гоффоров. – Ташкент, 2003. – 47 с.
83. Зайнабидинов, Н.С. История развития судебной системы в Средней Азии в конце XIX – нач. XX в.: автореф. дис. канд. ист. наук / Н.С. Зайнабидинов. – Ташкент, 2006. – 24 с.
84. Шарипова, М.Ф. Общественно-политическое положение г. Ташкента во второй пол. XIX – нач. XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / М.Ф. Шарипова. – Ташкент, 2004. – 21 с.
85. Olberq, P. Russian policy in Turkestan / P. Olberq // Contemporary review. – London, 1922. – Sept. – P. 342 – 347.
86. Budhraj, V. National movements in Asia and Soviet policy (1917 – 1922) / V. Budhraj // Studies on the Soviet Union. – Munich, 1963. – Vol. 3, № 4. – P. 3 – 10.
87. Carr, E. 1917: Before and after / E. Carr. – London: Macmillan, 1969. – 178 p.
88. Central Asia, 130 years of Russian dominance: a historical overview / edit. by Edward Allworth – Third Edition. – Duke University Press. Durham and London, 1994. – 651 p.
89. Чокай-оглы, М. Туркестан под властью Советов / М. Чокай-оглы. – Оксфорд, 1985. – 148 с.
90. Чокай-оглы, М. The Basmachi movement in Turkestan / М. Чокай-оглы // The Asiatic Review. – London, 1928. – Vol. 24, № 78. – P. 273 – 288.
91. Togan, A.Z.V. Natiralar: Turkistan ve diger musulman dogu Turklerinin milli: varlik ve kultur mucadeleleri / A.Z.V. Togan. – Istanbul, 1969. – 643 с.
92. Расул-Заде, М.Э. О пантуранизме (на русск. яз.) / М.Э. Расул-Заде. – Оксфорд, 1985. – 92 с.
93. Авторханов, А. Империя Кремля. Советский тип колониализма / А. Авторханов. – Вильнюс, 1990. – 240 с.
94. Hayit, B. The communist party in Turkestan / B. Hayit // Central Asian review. – London, 1957. – Vol. 5, № 1. – P. 26 – 36.

Поступила 18.10.2012

SHORT HISTORIOGRAPHY OF THE HISTORY OF TASHKENT AND ITS CLASSIFICATION

G. OTARBAYEVA

The article analyzes and summarizes the most important historiographical works on the history of Tashkent. The peculiarity of the work is engaging in scientific use of new materials that have emerged due to discoveries of certain funds, the State Archives of Uzbekistan. The author stresses the importance of historiographical works of the late nineteenth and early twentieth century. Soviet historiography is represented by the works of the active participants of revolutionary changes in Turkestan. Foreign historical school worked out its own (alternative) interpretation of the processes of development of the national movement, which underwent a purposeful falsification by many Soviet historians. Former Kazakhstan compatriots and people from various national regions of Russia contributed greatly into the historiography of the problem.

СОДЕРЖАНИЕ

Дук Д.У. Настаўнік жыцця: Полацкаму дзяржаўнаму ўніверсітэту – 45!.....2

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Колосов А.В.</i> Гренская культура Верхнего Поднепровья в отечественной и зарубежной историографии.....	4
<i>Телепень С.В.</i> Логистические аспекты военного лидерства в позднереспубликанском и раннеимператорском Риме.....	12
<i>Семянчук А.А.</i> Полацк і Полацкая зямля ў гістарычнай памяці жыхароў Вялікага Княства Літоўскага XVI стагоддзя	19
<i>Гардзееў М.Ю., Сліж Н.У.</i> Шляхецкія тэстаменты ў актавай кнізе полацкага магістрата за 1656 – 1657 гады	29
<i>Карпович О.В.</i> Рейд отряда Романа Рогинского по Беларуси зимой 1863 года.....	37
<i>Римко О.Г.</i> История воссоединения Холмских униатов с православной церковью в 1875 году (по материалам белорусских епархиальных ведомостей)	42
<i>Ворон В.П.</i> Политика Российского самодержавия в сфере среднего аграрного образования на территории Польши во второй половине XIX – начале XX века	54
<i>Давыдова Л.А.</i> Организации союза социалистов-революционеров (эсеров) максималистов в межреволюционный период (1908 – 1914 гг.) на территории белорусских губерний.....	58
<i>Хаданёнак В.М.</i> Дзейнасць Мінскай губернскай харчовай камісіі ў гады першай сусветнай вайны	63
<i>Грыбава С.У.</i> Нацыянальна-культурнае развіццё татарскіх абшчын на тэрыторыі БССР у 20-я – 30-я гады XX стагоддзя	67
<i>Сумко А.В.</i> Кнігавыдавецкая прадукцыя БССР у сярэдзіне 1920-х гадоў.....	71
<i>Лаўрэнка Л.В.</i> Развіццё рамяства і рамеснай вытворчасці на заходнебеларускіх землях у 1921 – 1939 гадах	77
<i>Гарматны В.П.</i> Польская гістарыяграфія аграрнага пытання ў праграмах палітычных партый II Рэчы Паспалітай (1921 – 1939 гады).....	83
<i>Концевой П.А.</i> Особенности использования немецких репараций в восстановлении промышленности и сельского хозяйства БССР (1945 – начало 1950 годов)	90
<i>Отарбаева Г.К.</i> Краткая историография истории города Ташкента и ее классификация.....	95